
РАЗВЕДКА И ШПИОНАЖ
Я ПОЗНАЮ МИР
PETRO

Я ПОЗНАЮ МИР

Детская энциклопедия

РАЗВЕДКА И ШПИОНАЖ

МОСКВА
Астрель

2001

УДК 087.5:351/354(031)
ББК 67.401.212я2
Я11

Автор *Дамаскин И. А.*
Художник *Шелкун Е. В.*
Под общей редакцией *Ивановой Е. М.*

Я познаю мир: Детская энциклопедия: Разведка
Я11 и шпионаж / И. А. Дамаскин; Худож.: Е. В. Шелкун, — М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. — 400 с.: ил.
ISBN 5-17-007905-2 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-02378-8 (ООО «Издательство Астрель»)

Этот том популярной детской энциклопедии «Я познаю мир» посвящен таинственной работе разведки. Вы узнаете, какие существуют виды разведки, овладеете терминами из словаря разведчиков, и прочтете много увлекательных историй из жизни секретных агентов. Эта книга рассчитана на читателя, считащего профессию разведчика самой творческой и почетной.

УДК 087.5:351/354(031)
ББК 67.401.212я2

ISBN 5-17-007905-2 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-02378-8 (ООО «Издательство Астрель»)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Разведка — это получение тайных сведений из-за рубежа, которые нельзя получить иным путем и которые необходимы для интересов государства как в мирное, так и в военное время.

Профессия **разведчика** — одна из древнейших в мире. Даже в древнегреческих мифах, в Библии и Коране можно встретить немало упоминаний о различного рода тайных операциях, проводившихся с целью разведки. А в древнеиндийских законах Ману прямо подчеркивалась необходимость ведения разведок.

И древнерусские летописи рассказывают, что разведка велась князьями Киевской Руси, а затем и Московского княжества. Разведчики следили за ордами кочевых племен, выявляли намерения соседних государств и способствовали победам Александра Невского, Дмитрия Донского и других полководцев.

Без разведки государство слепо и глухо. Оно ничего не знает, что замышляют его противники. Может быть они втайне готовят нападение? А может быть и наоборот, много шумят и угрожают, а сами не готовы к войне?

Помните, у Пушкина в «Сказке о золотом петушке» сказано:

«...Петушок мой золотой
Будет верный сторож твой:
Коль кругом все будет мирно,
Так сидеть он будет смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебе войны,
Иль набега силы бранной,
Иль другой беды незваной,
Вмиг тогда мой петушок
Приподымет гребешок,
Закричит и встрепенется
И в то место обернется»...
... Петушок с высокой спицы
Стал стеречь его границы.
Чуть опасность где видна,
Верный сторож, как со сна,
Шевельнется, встрепенется,
К той сторонке обернется
И кричит: «Кири-ку-ку.
Царствуй лежа на боку!»
И соседи присмирели,
Воевать уже не смели:
Таковой им царь Додон
Дал отпор со всех сторон!

Вот какая разведка была у царя Додона в сказке! Но за неимением золотых петушков государства вынуждены содержать многочисленные и дорогостоящие разведывательные службы. Причем во многих случаях не только для того, чтобы обороняться от врагов, но и для того, чтобы более успешно нападать самим, найдя слабое место у противника.

Но у разведки, помимо задач, связанных с обороной и наступлением, есть и множество других. О некоторых из них мы сейчас расскажем.

ЧТО НАДО ЗНАТЬ О РАЗВЕДКЕ

Чем занимается разведка?
Чингисхан — отец промышленного шпионажа
Кто есть кто в разведке?
Разные виды разведки
«Хвосты», «колпаки» и кое-что другое
О конспирации
Как сохраняется тайна

ЧЕМ ЗАНИМАЕТСЯ РАЗВЕДКА?

Для того чтобы узнать, когда и какими силами противник собирается напасть, надо знать его планы. А военные планы соответствуют политическим, которые разрабатывают и принимают руководители государств с помощью своих министров, государственных деятелей, чиновников и содержатся в глубокой тайне. Вот проникнуть в эти тайны и выведать политические и дипломатические планы противника и должна разведка, которая так и называется **«политической»**. Требуется незаурядный ум, чтобы разгадать замыслы врага, раскрыть секреты, в которые посвящен лишь самый тесный круг лиц. Не случайно великих писателей Дефо, Бомарше, Грибоедова мы видим в роли разведчиков.

В средние века все тайны сосредоточивались в придворных кругах. Поэтому в качестве разведчиков выступали многие аристократы, те, кто близко стоял к трону. Было также множество авантюристов, искателей приключений, людей без роду и племени. Их жизнь была сюжетом увлекательных романов Дюма.

С годами армии росли, усложнялись техника и вооружение, управлять ими стало сложнее, понадобились хорошие пути сообщения, появилось новое понятие «театр военных действий». Дипломаты стали вести все более сложные игры между собой, заключались и разрывались союзы между государствами. И за всеми этими

изменениями должна была следить разведка. Теперь уже ею занимались не отдельные хитрые и талантливые люди, а создавались целые **разведывательные службы**, появилась **«агентурная сеть»**, которой руководили специалисты в области разведки. Она стала интересоваться не только чисто военными планами, но и многими другими вопросами жизни государства. Тайные переговоры и заключаемые на них секретные соглашения, характеры и слабые стороны государственных деятелей, борьба различных сил и соперничество политических партий — все это интересует политическую разведку.

Иногда разведки и сами принимают меры к тому, чтобы события развивались в нужном им направлении. Для этого подкупают государственных деятелей или, наоборот, распространяют о них порочащие сведения, чтобы вывести их из строя. Американская разведка ЦРУ совершила в XX веке несколько государственных переворотов, устранив «плохих» и посадив на государственные посты нужных ей людей.

Но кроме политической есть и другие виды разведки.

ЧИНГИСХАН — ОТЕЦ ПРОМЫШЛЕННОГО ШПИОНАЖА

Не только за военными и политическими планами предполагаемого противника охотятся разведки.

Испокон веков люди пытались овладеть чужими тайнами. В книге «Борьба за огонь» французского писателя Рони-старшего рассказывается, как одно доисторическое племя охотилось за секретом другого, овладевшего умением добывать огонь. Секреты выделки шкур, изготовления луков и копий — все становилось **объектом шпионажа.** Библейские вожди засылали своих разведчиков в тыл врага «вызнавать все о земле, ее плодородии и богатствах».

Древний Рим собирал подробные сведения о своих соседях и возможных противниках, в том числе о климате, состоянии дорог, плодородии земель, трудолюбии населения, о продовольственных запасах и местах хранения сокровищ, накопленных царями и правителями.

Все это впоследствии получило сложные названия: **«промышленная»**, **«научно-техническая»** и **«экономическая»** разведки.

По мере того как наука и техника развивались, росли и требования к разведке, и ее достижения.

Шпионы римского императора Юстиниана — странствующие персидские дервиши — раскрыли секрет производства шелка, привезли из Китая шелковичных червей в полостях своих посохов. В свою очередь и японцы заслали в Китай официальную делегацию якобы с целью пригласить в Японию китайских мастеров по производству шелка. И хотя делегация заведомо знала, что ей откажут, она провела

столько времени при дворе китайского императора и вела себя так умело, что выведала все секреты, и вскоре Япония стала производить свой шелк.

Но подлинным основателем экономического и военно-промышленного шпионажа можно, пожалуй, назвать монгольского завоевателя **Чингисхана**. Ни одного похода он не предпринимал без изучения экономической обстановки на землях будущего противника. Его тайные агенты приносили ему сведения о природных богатствах, полезных ископаемых, уровне развития ремесел и военного дела, сокрытых сокровищах, богатых могильниках. С помощью разведки в его руки попали огромные богатства персидских царей Аббасидов, сокровища китайских царей и багдадских халифов, золото исидов.

Своеобразным был подход Чингисхана к тому, что ныне называют ноу-хау. Почти поголовно уничтожая население завоеванных государств, он сохранял жизнь мастерам, оружей-

никам, златокузнецам, архитекторам и другим людям, владевшим тайнами ремесла. Более того, он установил закон: учиться у всех народов тому лучшему, что они создали.

Сотни и даже тысячи лет прошли с той поры. Но и по сей день разведки продолжают охоту за новейшими достижениями науки и техники. Вы прочтете об этом несколько увлекательных историй.

КТО ЕСТЬ КТО В РАЗВЕДКЕ?

Разведчиком обычно называют человека, для которого разведка служит основной профессией. Он имеет специальное разведывательное образование и является штатным сотрудником одного из разведывательных учреждений. Выполняя свои задания, профессиональный разведчик может находиться и «под крышей», то есть в качестве дипломата, журналиста, бизнесмена и т.д.

Разведчики бывают **«легальные»** и **«нелегальные»**. «Легальный» разведчик выступает за границей как гражданин своей страны, работающий в одном из ее представительств (например, посольстве). Разведчик-«нелегал» действует под видом гражданина того государства, где он находится, или иностранца из третьей страны.

Помощники разведчика — **агенты**, не являющиеся профессиональными разведчиками, но выполняющие поручения разведки. Иногда их роль в добыче важной информации даже выше, чем роль разведчика, так как они имеют доступ к таким секретам, которые разведчику недоступны.

Теперь очень важный вопрос: кого же мы называем шпионами?

В одной из американских книг сказано: «Все наши агенты — это разведчики, а все вражеские — это шпионы». Для простоты и мы можем согласиться с этим: все, кто работает

против нашей страны, — это шпионы, а все, кто на нашу страну, — это разведчики.

Шпион — слово презренное во всем мире. Обычно это люди, за деньги продающие интересы и тайны своей родины. Они несут самое тяжкое наказание.

Но есть глубокое различие между героями-разведчиками и продажными шпионами, хотя и те и другие преследуют как будто одну и ту же цель: выведать тайны противника. Однако вряд ли можно назвать шпионами казненных в годы Второй мировой войны в Германии участников «Красной Капеллы», помогавших нашей разведке (вы об этом прочтете подробнее). Они были бесстрашными антифашистами, готовыми умереть так же, как и те бойцы, которые сражались на фронте. Они не получали за свою работу никаких денег, их цель была одна — спасти народ Германии от фашизма. Подобных случаев в истории было немало.

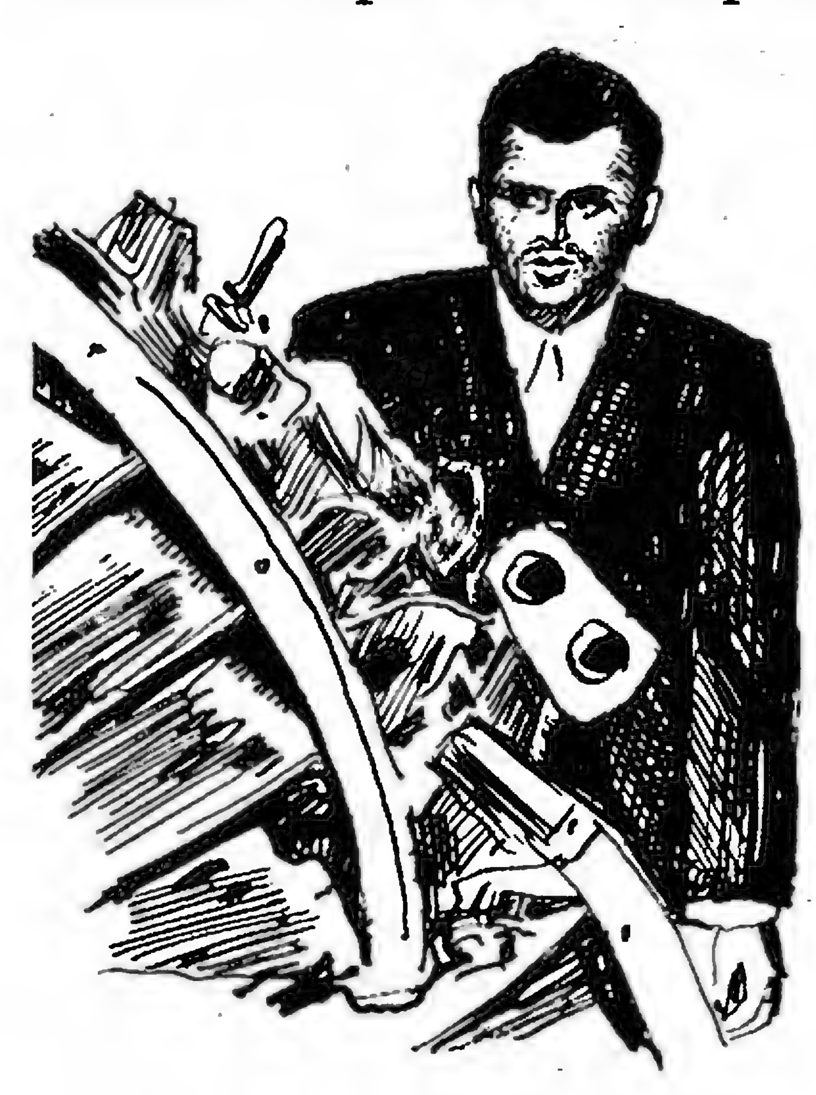
Еще одно понятие, которое вам встретится в книге: **резидент**. Это — сотрудник разведки, руководящий резидентурой, то есть группой подчиненных ему разведчиков и агентов.

Наконец, надо знать и то, кто такие контрразведчики. **Контрразведка** имеется в каждом государстве, это служба, призванная бороться с вражеской разведкой, препятствовать ей в сборе секретных сведений.

Контрразведчики проводят сложные операции по разоблачению и поимке вражеских разведчиков и шпионов.

При этом следует заметить, что захваченных шпионов и разведчиков-нелегалов ждет самое тяжкое наказание, вплоть до смертной казни.

Однако в мирное время иногда удается спасти жизнь и вернуть свободу разведчикам и агентам-нелегалам, произведя их обмен на захваченного вражеского агента. Такой обмен показан в фильме «Мертвый сезон».

Френсис Гарри Пауэрс

А в реальной жизни так был обменен советский разведчик Рудольф Абель на американского летчика Френсиса Гарри Пауэрса, совершавшего разведывательный полет над территорией СССР и сбитого 1 мая 1960 года в районе Свердловска.

Легальных же разведчиков, имеющих дипломатический статус, в случае их провала объявляют **«персонами нон грата»** (то есть «нежелательными персонами») и выдворяют из страны в 24 часа.

Разведку и контрразведку называют «секретными» или «специальными службами», сокращенно **«спецслужбами»**.

РАЗНЫЕ ВИДЫ РАЗВЕДКИ

В настоящее время существуют понятия: «внешняя разведка», «военная разведка», «войсковая разведка» и другие.

Внешняя разведка ведет разведку за рубежом, а в военное время — и в тылу врага. Она отслеживает и собирает информацию о внешнеполитических планах иностранных государств и международных организаций, о деятельности их ведущих политических лидеров и способствует достижению целей российской внешней политики. Она добывает экономическую и научно-техническую информацию о достижениях зарубежной науки и техники, что помогает развитию техники в нашей стране, а также помогает осуществлять контроль за производством новых видов оружия за рубежом.

Внешняя разведка совместно с контрразведкой обеспечивает безопасность российских официальных лиц и граждан за рубежом, предотвращает акции, проводимые иностранными спецслужбами и криминальными структурами, наносящие ущерб России.

Совместно с контрразведкой и иностранными спецслужбами внешняя разведка борется с организованной международной преступностью, наркобизнесом, терроризмом, распространением ядерного оружия и т.д.

Военная разведка также ведет работу за рубежом, а в военное время — и в тылу врага, обращая больше внимания на военные вопросы.

Войсковая разведка действует на фронте, в ближайшем тылу врага.

Радиоразведка перехватывает разговоры противника по радио, благодаря чему получает очень много важной информации.

Криптографическая разведка расшифровывает коды и шифры, применяемые иностранными государствами.

Авиационная и космическая разведки — их названия говорят сами за себя. Сейчас, когда из космоса можно сфотографировать даже номер автомашины и заголовок газетной статьи, некоторые считают, что одна эта разведка может покрыть все разведывательные интересы государства. Но это не так. Ведь планы и намерения таятся в головах людей, их из космоса не сфотографируешь. Поэтому и продолжает существовать и активно действовать обычная, многие века существующая агентурная разведка.

«ХВОСТЫ», «КОЛПАКИ» И КОЕ-ЧТО ДРУГОЕ

Читая «шпионскую» книжку или глядя «шпионский» фильм, вы часто можете столкнуться с некоторыми специфическими выражениями. Например: «ты не привел за собой хвост?», или «я заметил наружку», или «агент такой-то находится под колпаком» и другими. Это своеобразный разведывательный сленг, в котором несложно разобраться.

Наличие «хвоста» и «наружки» означает одно и то же, то есть что за разведчиком ведется слежка, так называемое **«наружное наблюдение»**. Его могут вести с целью установить личность разведчика, выявить его связи, место закладки тайника, зафиксировать бросок письма и т.д.

Когда-то наружное наблюдение велось одним — двумя агентами, которых называли «филерами», и его нетрудно было выявить. Теперь же контрразведки применяют в некоторых случаях по 15–20 автомашин, сменяя их и двигаясь по параллельным улицам, так что заметить их почти невозможно, используют радиосвязь, приборы ночного видения, вертолеты, а на машину разведчика могут тайно установить радиомаяк, который будет точно указывать ее местонахождение.

Выявить такое наблюдение разведчику очень непросто и на то, чтобы убедиться, что «хвоста» за ним нет, ему иногда приходится потратить целый день.

Что касается выражения «быть под колпаком», то оно означает «находиться под наблюдением спецслужб». Надо сказать, что разведчики его раньше не употребляли, оно вошло в обиход после появления фильма «Семнадцать мгновений весны».

Есть еще несколько выражений, которые полезно знать и понимать.

«Явка» — это встреча разведчика с его коллегой (резидентом или другим разведчиком).

Другой смысл этого термина: заранее оговоренное место тайной встречи (иногда вы можете прочесть: «Он провалил явку», то есть вольно или невольно выдал место встречи разведчиков). Для каждой явки обязательно устанавливается пароль и отзыв, действующие определенное время.

«Явочная квартира» — это та, на которой проводятся явки, а на «конспиративной квартире» сверх того может храниться радиостанция, оружие, на ней разведчик может скрыться от преследования и переждать определенное время, пока опасность не минует и т.д.

«Почтовый ящик» — условный адрес, где проживают доверенные лица, через которых ведется переписка разведчиков.

«Связи» разведчика — это его знакомые, обладающие полезной для него информацией, через которых он получает интересующие его сведения. Иногда их называют «источниками».

Ну вот, теперь, вооружившись этими знаниями, мы можем пускаться в загадочный и таинственный мир разведки.

О КОНСПИРАЦИИ

Вам уже встретилось выражение «конспиративная квартира». Что же означает термин «конспиративный», «конспирация»?

Само слово **«конспирация»** означает «методы, применяемые нелегельной организацией

для сохранения в тайне ее деятельности» и происходит от латинского conspiratio — «тайное соглашение, сговор, заговор, мятеж». От него произошло и слово «конспиративный».

Мы специально выделяем этот термин в особый раздел. Почему? Потому что в нем заключается одно из главных отличий разведки от других способов добычи информации. Ведь поиском информации занимаются и дипломатика, и журналистика, и маркетинг. Но только разведка делает это тайно, с использованием секретных источников и часто с нарушением законов той страны, где она работает.

Это — одна сторона конспирации.

Имеется и другая: сохранение в глубокой тайне всего того, чем занимается разведка. Есть пословица о том, что секрет, который знают больше двух человек, уже не секрет, так как многие люди обладают печальной привычкой — болтливостью, как говорится, «из них так и прет» желание поделиться секретом, который им стал известен.

В древнегреческом мифе о царе Мидасе рассказывается, что у него были ослиные уши. Об этом никто не знал, кроме его брадобрея. Но тому так не терпелось поделиться этой тайной с кем-нибудь, что он ушел в поле, вырыл ямку, шепнул в нее: «У царя Мидаса ослиные уши» — и, закопав ямку, успокоился. Но на этом месте выросли камыши, которые, качаясь на ветру, шептали: «У царя Мидаса ослиные уши». Вскоре об этом знало все царство.

Несчастного брадобрея казнили и поделом: доверенную тебе тайну надо уметь хранить.

История полна примеров того, как благодаря болтливости государственных деятелей, генералов, ученых разведка узнавала очень много вражеских секретов. Но есть и обратные примеры, когда из-за болтливости или неаккуратности сотрудников разведок проваливалась важная операция и гибли люди.

Когда Александр Македонский повел наступление в Азии, до него дошли слухи о растущем недоброжелательстве в стане его союзников и наемников и о подготовке ими заговора. Он проверил это при помощи очень простой уловки. Он объявил, что пишет домой, и посоветовал своим воинам сделать то же. Но когда курьеры взяли письма и отправились в путь, Александр вернул их и стал читать все письма, которые они везли. А в них заговорщики, забыв о правилах конспирации, сообщали о своих планах. Так был раскрыт заговор, и противники Александра были казнены.

Разведчики, работающие за рубежом, всегда понимают, что они находятся под постоянной слежкой, и помнят пословицу: «И у стен есть уши». Поэтому, даже находясь дома, они не ведут серьезных разговоров, которые враг может подслушать с помощью установленных в стенах и предметах мебели «жучков». А ведь врага могут интересовать и служебные, и денежные, и личные дела разведчика, и его настроение, и отношения с сослуживцами, и многое другое. Поэтому приходится разговаривать о погоде, футболе, мелких покупках и других пустяках.

Не случайно во всех странах во время войны висели яркие плакаты, призывавшие к сохранению тайны. Немецкий плакат гласил: «Тс-тс-с! Враг подслушивает!», а советский — «Болтун — находка для шпиона!».

КАК СОХРАНЯЕТСЯ ТАЙНА

В архивах сохранилась подписка сотрудника, вступающего на службу в разведку в 1919 году. Из этого документа видно, какое значение разведка придавала и придает конспирации и сохранению тайны.

«Подписка на агента... 1919 года ... дня.

Я, нижеподписавшийся ..., поступивший в отдел Агентурной разведки Восточного фронта, даю настоящую подписку в том, что:

1) Все возложенные на меня ею обязанности обязуюсь точно и скоро исполнять.

2) Не разглашать никаких получаемых сведений.

3) Все сведения после тщательной проверки передавать своему начальнику или лицу, им указанному.

4) Не выдавать товарищей и служащих отдела агентурной разведки хотя бы под угрозой смерти.

5) Не разглашать о деятельности отдела, а также и о штате служащих вообще и не произносить «агентурная разведка».

6) Признаю только Советскую власть и буду работать только на укрепление добытой кровью трудового народа революции.

7) Мне объявлено, что в случае невыполнения указанного в подписке, моя семья будет преследоваться наравне с семьями белогвардейцев и контрреволюционеров.

8) Требую смертного для себя приговора, если разглашу какие-либо сведения и буду действовать во вред Советской власти, в чем и подписуюсь».

Конечно, дав такую подписку, человек делал все для того, чтобы сохранить в тайне доверенные ему секреты.

БЕЗ НАДЕЖНОЙ СВЯЗИ ОТ РАЗВЕДКИ НЕТ ПОЛЬЗЫ

Гонцы, скороходы и их судьбы
Голубиная почта
и «огненный» телеграф
Новый шаг — появление почты
Плюсы и минусы радиосвязи
Шифры и коды
Условности
Тайнопись
Как разведчики связываются
со своими агентами
Тайники и контейнеры

ГОНЦЫ, СКОРОХОДЫ И ИХ СУДЬБЫ

Какими бы ценными ни были добытые разведчиком сведения, они ничего не стоят, если не будут своевременно доставлены по назначению. Представьте себе: разведчик получает совершенно достоверные данные о том, что враг нападет, предположим, 15 мая, и посылает об этом письмо, которое достигнет адресата 16 мая, после уже состоявшегося нападения. Чего стоят такие сведения? Поэтому связь в разведке должна действовать четко и бесперебойно.

С самых древних времен проблема безотказной связи была одной из самых главных, и способы связи менялись вместе с развитием науки и техники.

Когда-то использовались **гонцы** или скороходы, конные или пешие, умевшие пройти и пробежать за день огромное расстояние. Помните гонца, принесшего в Афины весть о победе при Марафоне? Он пробежал 42 км 195 м

и упал замертво. С тех пор это расстояние стало дистанцией марафонского бега. Теперь его свободно преодолевают десятки тысяч любителей спорта, а в те времена это, видимо, считалось рекордом.

Но гонцы не всегда были самым надежным видом связи. Их могли перехватить по дороге, письма изъять, а самих гонцов казнить. Могли подкупить. Иногда поступали хитрее: спящему гонцу подменивали письмо, и он привозил своему повелителю совсем противоположное тому, с чем был послан. Помните, у того же Пушкина в «Сказке о царе Салтане»:

Едет с грамотой гонец
И приехал наконец.
А ткачиха с поварихой
С сватьей бабой Бабарихой
Обобрать его велят;
Допьяна гонца поят
И в суму его пустую
Суют грамоту другую.

После многочисленных случаев «провалов» гонцов письма стали прятать во всякие укромные места, а одно послание, которое было очень важным, но не очень срочным, написали несмываемыми чернилами на выбритой голове гонца, и когда волосы немного подросли, отправили его в путь. И хотя по дороге его задержали и тщательно обыскали, у него ничего не смогли найти, а по прибытии гонца на место волосы снова наголо обрили и прочли донесение.

Иной раз гонца заставляли дословно выучить наизусть длинное послание. Это было

определенной гарантией того, что оно не попадет в руки врага. Правда, иногда схваченного гонца подвергали пыткам, и он выдавал свою тайну. Но есть и обратный пример из древней истории: плененный врагами посланец **Муций Сцеволла** поклялся, что он не знает никакой тайны и в подтверждение своих слов положил руку на огонь. Рука сгорела. Он испытал страшные муки, но тайны не выдал.

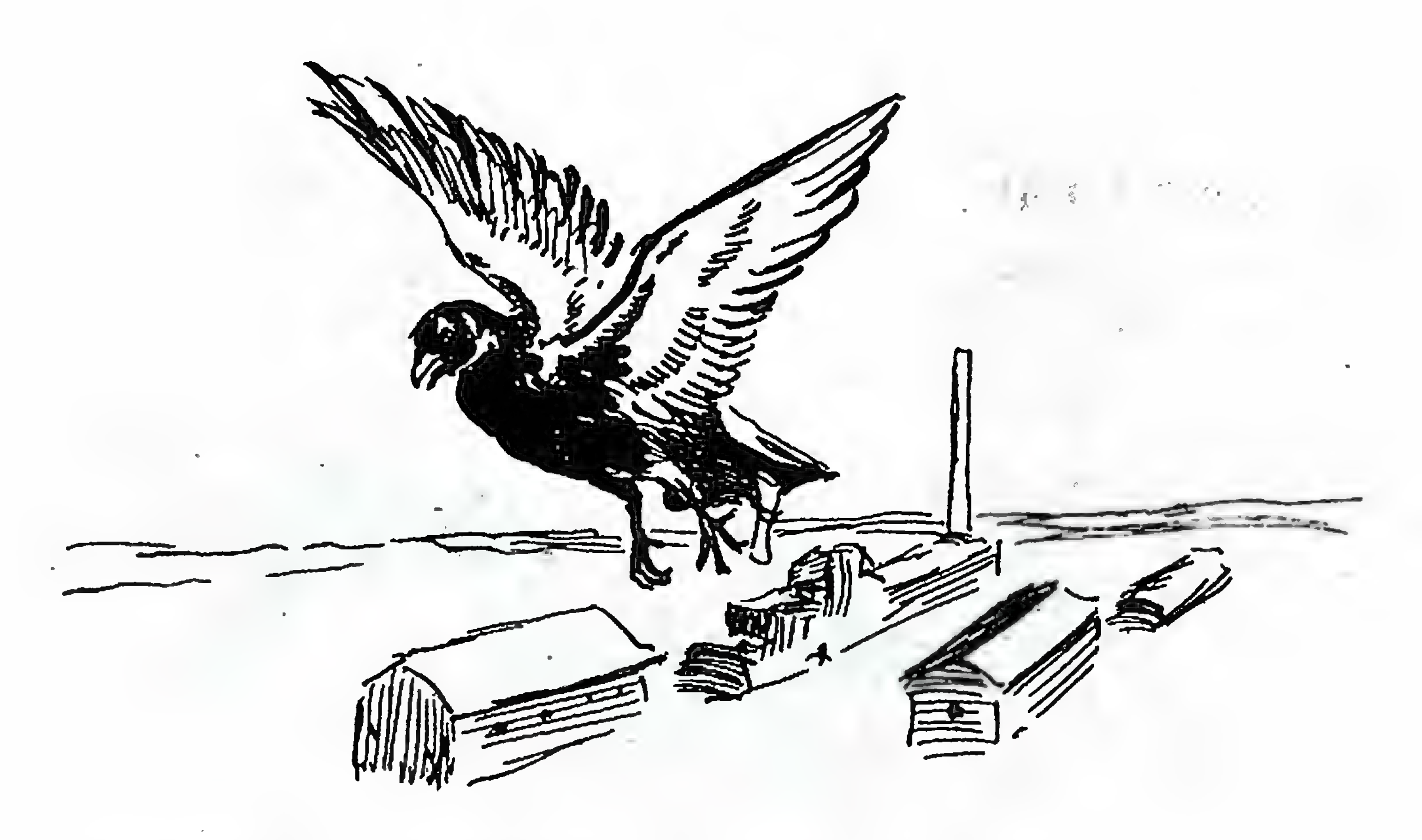
С тех пор имя Муция Сцеволлы стало нарицательным и вошло в историю как символ мужества.

Но, надо сказать, гонцов часто подстерегала печальная участь, даже если они благополучно достигали цели. Во многих странах древности и Средневековья существовал жестокий обычай: гонца, принесшего дурную весть, казнили. «Не вели казнить, вели миловать!» — с этих слов часто начинался доклад гонца королю, царю или князю. Иногда царь миловал гонца. Бывали и обратные случаи, когда человек, не имевший никаких заслуг, но принесший радостные известия, непомерно награждался и возвышался.

Однако несмотря на все трудности, которые им приходится преодолевать, гонцы, курьеры и связники и по сей день остаются одним из важнейших средств связи разведчика с его руководителями. Но к этому мы еще вернемся.

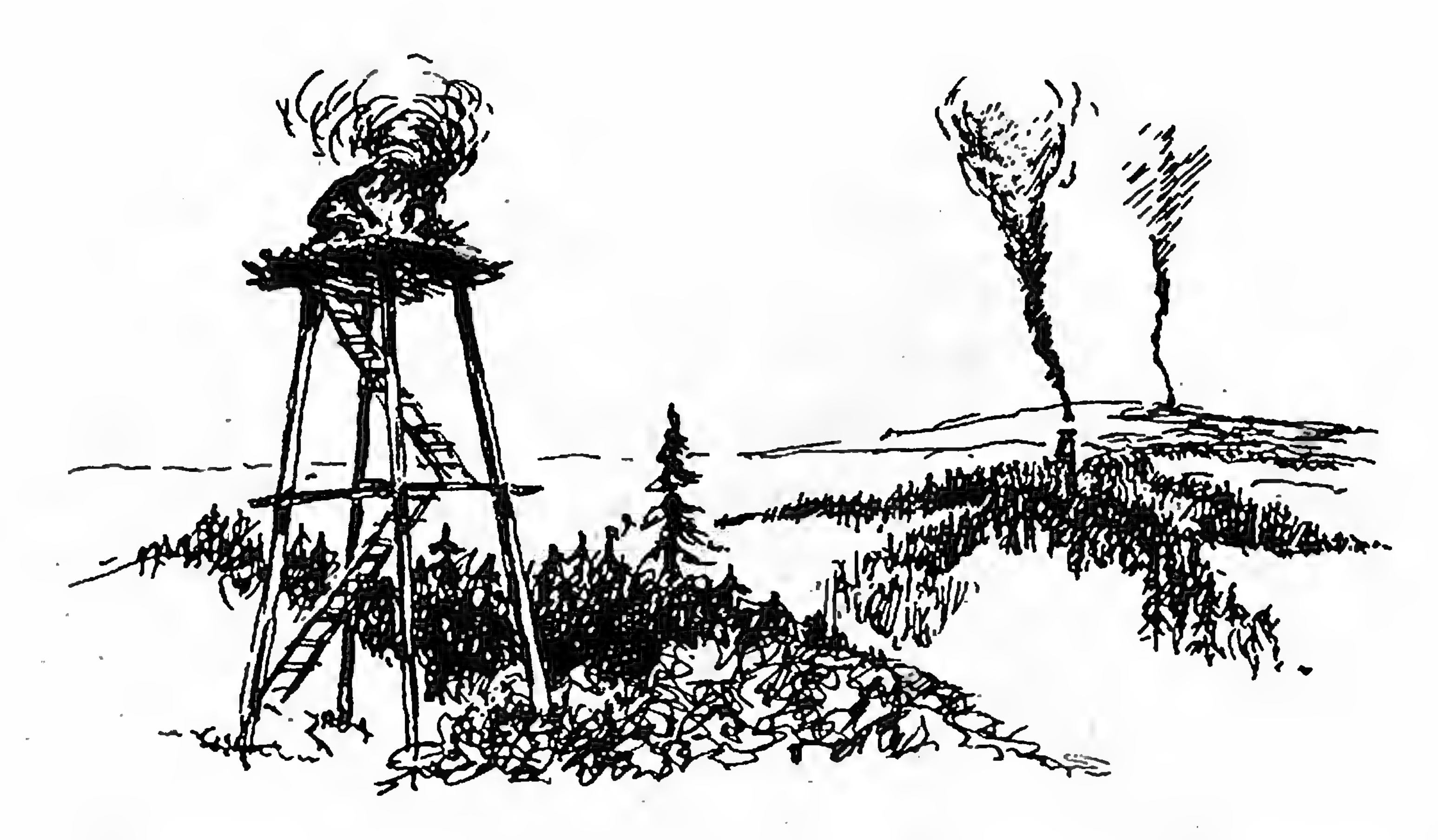
ГОЛУБИНАЯ ПОЧТА И «ОГНЕННЫЙ» ТЕЛЕГРАФ

У всех народов Древнего Востока дрессировка не только голубей, но и ласточек для курьерской службы на дальние расстояния была обычным делом. Этим можно объяснить почти равную современной скорость, с которой иногда передавались секретные сообщения императорского Рима. Позже от ласточек отказались, но до Второй мировой войны широко применялся такой способ связи, как **голубиная почта**. Он основан на том, что как бы далеко и

каким бы способом ни увезли почтового голубя от его родного дома, он всегда возвратится в него. Разными путями доставляли голубей разведчику. Он помещал свое донесение в специальную капсулу, прикрепленную к ножке голубя, и выпускал его. И голубь через линию фронта, через любые преграды летел в свою клетку, где донесение извлекали из капсулы. Но и против почтовых голубей нашли средство. При виде летящего голубя выпускали специально натренированного ястреба и... донесение попадало в руки врага. А во время Первой мировой войны особые отряды охотников следили за воздухом и подстреливали перелетающих линию фронта голубей.

В древности во многих странах, в том числе и на Руси, применялся «огневой» способ подачи сигналов от передовых разведывательных постов. На зрительном расстоянии друг от друга возводились вышки с запасом сухой соломы или другого легко воспламеняющегося

вещества. На вышках постоянно дежурили дозорные. При появлении вражеских отрядов разведчики подавали сигнал, и дозорные мгновенно зажигали костры. Цепочка таких вышек шла до самой столицы, и уже через несколько часов московские князья знали о нападении врага. Но и у этого способа были недостатки. Во-первых, с его помощью можно было сообщить лишь о факте нападения, а не о силе и намерениях врага. А во-вторых, противник мог заслать в тыл небольшие диверсионные группы и ликвидировать дозоры на одной-двух вышках, тем самым прервав и выведя из строя всю цепочку.

НОВЫЙ ШАГ — ПОЯВЛЕНИЕ ПОЧТЫ

С появлением регулярной почтовой связи разведка стала использовать и ее в своих интересах. Письма, большей часть зашифрован-

ные и закодированные, а иногда написанные симпатическими (невидимыми) чернилами, стали направляться обычной почтой. К шифрам, кодам и тайнописи мы тоже еще вернемся. А сейчас вспомним случай, когда пользование обычной почтой нанесло японской разведке большой ущерб, а советской принесло большой успех. В конце 20-х — начале 30-х годов XX века советская резидентура в Харбине приобрела очень важного агента, простого почтальона, китайца, который доставлял из японского посольства в почтовое отделение посольскую и разведывательную почту. По дороге он заносил ее в советскую резидентуру, где материалы обрабатывали (снимали с них копии), возвращали почтальону, и он нес их дальше. Таким образом советская разведка получила очень много ценной информации, в том числе знаменитый «План Танака», содержавший намерения японских правящих кругов захватить Китай, Монголию, значительную часть территории СССР, а также огромные районы юго-восточной Азии.

Разведки быстро поняли, что направлять свои послания обычной почтой опасно и стали использовать дипломатическую, пользующуюся неприкосновенностью. Она перевозится дипломатическими курьерами в специальных запечатанных мешках — **вализах.** История знает очень немного случаев нарушения неприкосновенности дипкурьеров, и один из них — нападение на советских дипкурьеров Теодора Нетте

и его товарища, которые были убиты в Латвии в двадцатых годах. Именем Нетте был назван пароход. Памяти этого трагического события посвящено стихотворение Маяковского «Товарищу Нетте, пароходу и человеку».

Для того чтобы даже в случае захвата дипломатической почты противник не смог прочесть материалы разведки, придумали специальное устройство, уничтожающее их при попытке вскрытия вализа без кода.

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ РАДИОСВЯЗИ

Дальнейшее развитие науки и техники позволило разведке использовать **радиосвязь.** С ее помощью достигается практически мгновенная передача разведданных в Центр и прием ответных радиограмм. Поначалу **радиопередатчики** были громоздкие, тяжелые и потребляли

огромное количество электроэнергии, так что иногда при включении передатчика притухал свет в соседних квартирах и даже домах, что сразу вызывало подозрения у окружающих, особенно «подогретых» антишпионской пропагандой в военное время.

А можете себе представить, как трудно было девушкам радисткам-разведчицам в тылу врага таскать на себе тяжеленные рации, а к ним батареи питания!

При этом у радиосвязи обнаружилось еще несколько серьезных недостатков. Во-первых, она была ограничена в расстоянии. Например, рации советских разведчиков, находившихся в Берлине в начале войны, «доставали» только до Минска, а Минск уже к 28 июня 1941 года был захвачен немцами. Во-вторых, контрразведка с помощью **радиопеленгаторов** может засечь место, откуда ведется радиопередача. Десятки, а то и сотни радистов и радисток были схвачены во время радиосеансов в годы войны. В-третьих, сами радиосигналы без особого труда перехватываются противником, и если ему удалось узнать код, он свободно может читать радиограммы. И наконец, если противнику удается захватить радиста и — с применением пыток, подкупа или угрозы смерти — перевербовать его и заставить работать на себя, то он может начать **«радиоигру»** и снабжать Центр, с которым работал радист, ложной информацией. Правда, каждый радист должен передать сигнал опасности, то есть включив в

радиограмму условный знак, проинформировать своих о том, что вынужден работать под контролем врага. К сожалению, такие сигналы не всегда легко включить в текст радиограммы, да и воспринимаются они не всегда правильно, и «игра» продолжается. Казалось бы, к захваченной рации контрразведка может посадить своего радиста, тем более если коды и шифры тоже захвачены. Однако это не так просто. Дело в том, что у каждого радиста есть свой «почерк», и в Центре быстро раскусят, что на рации работает кто-то другой.

Как бы то ни было, во время Второй мировой войны все крупнейшие разведки широко использовали «радиоигры» для введения противника в заблуждение. Об этих «играх» мы еще поговорим.

Но со временем и с развитием техники произошли серьезные изменения: наступила эра космической радиосвязи, когда расстояние потеряло значение. С помощью спутника информация может быть передана в любую точку земного шара; сами передатчики стали миниатюрнее, размером с пачку сигарет, и надежнее. Стремительными, почти неподвластными пеленгаторам стали радиопередачи. С помощью специальных устройств записанная на пленку в обычном темпе радиограмма ускоряется во много раз, так что текст, занимающий несколько страниц, «выстреливается» за считанные секунды. Конечно, засечь и перехватить такую радиопередачу очень трудно. Однако возможно.

Поэтому научно-исследовательские службы разведок ведут непрерывную гонку, в которой вперед вырываются то одни, то другие.

Одни ученые стремятся сделать связь менее уязвимой, другие, наоборот, делают все для того, чтобы раскрыть секреты, передаваемые по радио, по международной телефонной сети, через Интернет и другими как «традиционными», так и необычными способами.

А так как разведчики всегда исходили из того, что их сообщения могут попасть в чужие руки, они никогда не забывали работать над тем, как сделать свою переписку нечитаемой для противника. Но об этом в следующих рассказах о шифрах, кодах и других тайнах разведывательной переписки, которых за века у разведчиков накопилось немало.

ШИФРЫ И КОДЫ

Направляя свое донесение, письмо, радиограмму, разведчик всегда должен исходить из того, что его послание может оказаться в руках врага. Поэтому с глубокой древности при переписке использовались такие способы, которые позволяли бы в любом случае сохранить в тайне написанное.

Вначале использовались самые примитивные **шифры** — то есть каждая буква алфавита заменялась какой-нибудь цифрой. Такой шифр действует безотказно в короткой записке. Но

чем длиннее послание, тем уязвимее оно становится. Дело в том, что в любом языке имеется строгая закономерность: каждая буква повторяется в тексте определенное количество раз. Если у вас есть время и желание, то проделайте опыт. Возьмите страницу любой книги и просчитайте все употребленные в ней буквы. Окажется, что буква «О» вам встретится (примерно) 182 раза, «И» — 144, «А» — 138, «Н» — 118, «Е» — 112, «В» — 92 раза и т. д. Это только на одной странице, а ведь шифровальщики, или, как их по другому называют, криптографы, более точно проверили сочетание букв по сотням и тысячам страниц. Используя эту закономерность, они стали легко читать зашифрованную цифрами переписку.

И началась нескончаемая война тех, кто шифрует переписку, и тех, кто расшифровывает ее. Для зашифровки стали использовать все более и более сложные цифровые системы, книги, специальные машины, компьютеры. Дешифровальщики, со своей стороны, усложняли свои методы. И в той, и в другой областях работают тысячи специалистов, докторов наук и даже академиков.

Код — это ключ к шифру, а также условность, с помощью которой ведется переписка. Коды бывают самые разные — от простых до сложнейших, для расшифровки которых требуются специальные машины.

Большой победой разведки бывают случаи, когда удается захватить шифровальные книги,

машины, коды противника или завербовать шифровальщика. О некоторых из таких операций вы прочтете в книге.

УСЛОВНОСТИ

Если противнику удалось перехватить и даже расшифровать послание разведчика, то он может столкнуться еще с одной трудностью: **условностями**, о которых договорились разведчики между собой и кроме двух человек о них никто не знает. Например, если речь идет о вражеской стране, то министерство обороны называют «цирк», генеральный штаб — «омут», одного командующего армией — «свинопас», а другого — «регент», соседние страны — «приход», «азалия», «карета», приказ — «поздравление», нападение — «отдых» и т. д., а все числа сдвинуты на десять дней назад. Тогда сообщение может выглядеть так: «Омут поздравил Свинопаса с его отдыхом в карете с 15 июня. Регент присоединится к отдыху на следующий день».

Попробуйте сами прочитать это послание и разобраться в нем. Зная эти условности, вы наверняка сделаете это без труда.

Английская разведка включала в радиопередачи на Францию во время Второй мировой войны специальные фразы для своих агентов, которые на первый взгляд носили самый бессмысленный характер. Представьте себе: идет музыкальная программа или спектакль, и в

музыкальную фразу или в монолог героя, признающегося в любви к героине, вдруг врывается фраза: «Голубая корова перепрыгнула через высокую канаву» или «У дяди Джо сгорела любимая зимняя шляпа». Эти фразы содержали важный смысл для агентов о выброске грузов, высадке десантов, о заданиях и т. д.

В довоенной переписке советской разведки с зарубежными резидентами можно было встретить забавные фразы типа: «У Марты новые польские сапоги» или «Джон засветил свой сапог, и ему требуется новый». Слово «сапог» означало поддельный паспорт, которым пользовался разведчик.

Такие условности в какой-то степени помогают конспирации разведывательной переписки.

ТАЙНОПИСЬ

Тайнопись, пожалуй, почти так же стара, как и сама разведка. Обычно ее наносили между строк какого-нибудь совершенно нейтрального письма о здоровье дорогой тетушки или о покупке нового дома. Самая незамысловатая тайнопись наносится лимонным соком или молоком. Последним способом, кстати, пользовался молодой В. И. Ленин, когда из тюрьмы писал письма своим друзьям и соратникам.

Проявить такую тайнопись несложно: достаточно прогреть письмо над огнем или прогладить его горячим утюгом.

Но конечно, и контрразведке такие примитивные способы тайнописи быстро стали известны. Поэтому все время находились новые и новые рецепты тайнописи. Началась гонка между теми, кто писал письма, и теми, кто пытался перехватить их и прочесть. Спецслужбы готовили для своих агентов всё более замысловатые рецепты. Важно было найти такой рецепт, который, при обнаружении его у агента, не являлся бы уликой. Поэтому рецепты стали создавать из обычных лекарств, находящихся в продаже в любой аптеке, которые в определенном сочетании становились составом для тайнописи.

У контрразведки тоже появились свои проблемы. Она могла проявить и прочесть текст, но после этого письмо уже нельзя было отправить адресату, так как следы проявления оставались. Поэтому очень много усилий прилагалось для создания такого проявителя, который лишь на короткое время проявлял текст, а затем он снова исчезал, и письмо шло к тому, кому оно было предназначено.

К тайнописи следует отнести и **микротайнопись.** Ее начали применять давно, едва ли не сразу после изобретения микроскопа. Специалисты художники-шрифтовики под микроскопом наносили на крошечный кусочек бумаги, ткани или кожи текст разведывательного послания и вклеивали его в нейтральное письмо, или в оправу очков, или еще в какое-нибудь незаметное место. Получатель мог прочесть его тоже с помощью микроскопа.

С появлением фотографии, и особенно микрофотографии, появились так называемые «микроточки». Текст целого письма, иногда с чертежами, может уместиться на крошечной точке, такой, как вы видите в конце этого предложения. Эту точку спрятать нетрудно, и она является одним из надежных способов разведывательной связи.

КАК РАЗВЕДЧИКИ СВЯЗЫВАЮТСЯ СО СВОИМИ АГЕНТАМИ

Способы связи бывают **контактные** и **бесконтактные.**

При контактной связи два разведчика встречаются друг с другом. Встреча может быть длительной или моментальной. Длительная происходит в обусловленном заранее месте — на улице, в парке, ресторане, автомашине, на конспиративной или явочной квартире. Это позволяет в спокойной обстановке передать и принять материалы, деньги, обсудить положение разведчика, узнать его настроение, выслушать личные просьбы, передать ему приветы от родных и руководства, поднять его дух, предупредить о возможной опасности. И конечно же, дать новое задание, обговорить способы его выполнения и назначить место и время новой встречи.

Этот способ всем хорош, кроме одного: кто-то из разведчиков может находиться под на-

блюдением и привести за собой «хвост». Это чревато провалом всей операции: первая опасность в том, что может быть выявлен и другой участник встречи, а вторая, самая страшная — они могут быть схвачены «с поличным» во время самой встречи.

При моментальной встрече один из разведчиков незаметно передает другому материалы (например, микропленку) в тесной толпе, в туалете или в другом месте, где их контакт не будет замечен.

ТАЙНИКИ И КОНТЕЙНЕРЫ

Для бесконтактной встречи обычно используют тайники или контейнеры. **Тайник** закладывают в самых разных местах — в парке, у дороги, в изгороди и т. д. Английский шпион Пеньковский, например, закладывал тайники в подъезде жилого дома, американский шпион Огородник — на мосту через Москву-реку.

Изъятие тайника дело непростое, и разведчиков часто ловят именно при проведении этой операции. Так, при изъятии тайников, заложенных Пеньковским и Огородником, были разоблачены английский и американский разведчики, которых схватили с поличными.

Тот, кто заложил тайник, подает об этом специальный сигнал для того, кто должен

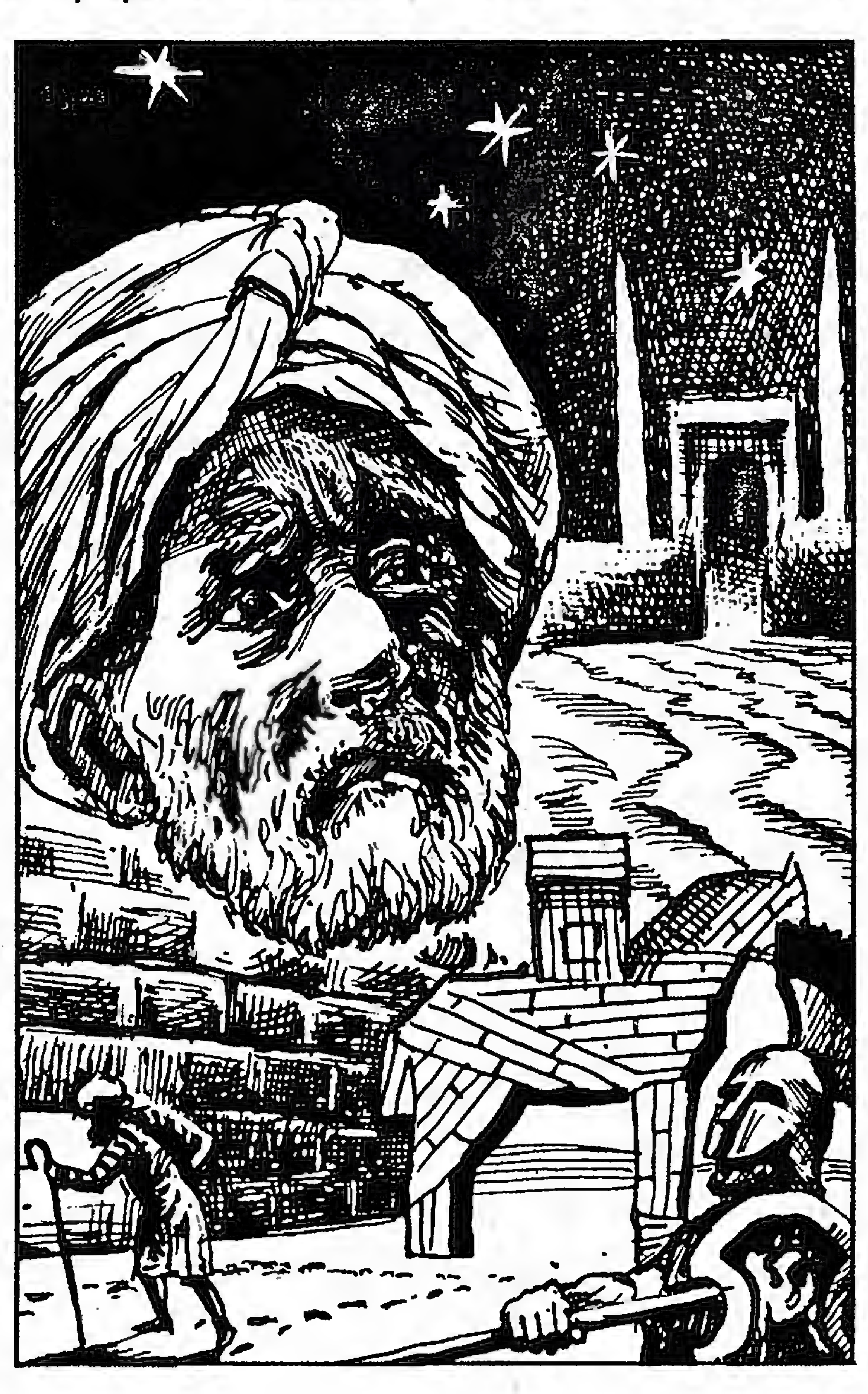
изъять его, например, ставит незаметную для других полоску мелом на телеграфном столбе, или оставляет в условленном месте налепленный кусочек жвачки, или проезжает в определенное время мимо определенного места с открытым окном задней дверцы автомобиля и т.д. Изъявший тайник также подает об этом сигнал.

Тайники закладывают на несколько часов, несколько дней и даже на несколько лет.

«Жизнь» контейнеров значительно короче. Как правило, **контейнер** по внешнему виду представляет собой какой-нибудь брошенный предмет — пачка из-под сигарет, смятая баночка из-под кока-колы или другого напитка, кусок деревяшки, камень. Опасность состоит в том, что кто-нибудь может отбросить его ногой, или какой-нибудь добросовестный прохожий или дворник выкинет его в мусорный ящик. Поэтому контейнер закладывают на очень короткий срок, и он не должен привлекать чужого внимания.

Но и тайник может быть обнаружен случайно. Во время войны имел место случай, когда дети, играя в лесу, нашли тайник и сообщили об этом в милицию. Возле тайника была выставлена засада и схвачены фашистские шпионы и диверсанты, явившиеся за оружием, деньгами и документами, спрятанными в тайнике.

ШПИОНАЖ В БИБЛЕЙСКИЕ И ДРЕВНИЕ ВРЕМЕНА

Задание пророка Моисея
Коварный Саул и хитрый Давид
Хусий — агент влияния
Жадная Далила
Троянский конь и «синдром Кассандры»
Царь — шпион

ЗАДАНИЕ ПРОРОКА МОИСЕЯ

Если мы посмотрим на древнюю историю, изложенную в Библии, то увидим множество примеров того, как уже в те времена работали разведка и контрразведка.

В Библии очень много выражений типа: «И послал Моисей высмотреть Иазер...» или заданий: «Исчислите все общество сынов Израилевых от двадцати лет и выше, всех годных для войны у Израиля».

А в Книге Чисел содержится развернутое разведывательное задание: «И послал их Моисей от пустыни Аарона соглядати землю Ханаанскую.

Когда посылал их **Моисей** обозревать землю Ханаанскую, тогда сказал им: «Подите в южную страну и взойдите на гору; и осмотрите землю, какова она, и народ живущий на ней, силен ли он или слаб, малочислен он или многочислен? Какова земля, на которой он живет, хороша ли она или худа? И каковы города, в коих он живет, в станах ли он живет или в крепостях? Какова земля, тучна ли она или суха? Есть ли на ней дерева или нет? Будьте смелы и возьмите плодов земли». Было же это ко времени созревания винограда».

Разведчики выполнили задания и, вернувшись через сорок дней, даже принесли срезанную ими кисть сочного винограда, а также гранатовых яблок и смокв. Но большинство разведчиков так были поражены богатством

Ханаанской земли, силой ее жителей и укреплениями ее городов, что впали в панику. Боясь идти войной на хананеян, они уверяли свой народ: «Там видели мы и исполинов... и мы были в глазах наших перед ними как саранча, такими же мы были и в глазах их...»

За это все разведчики, распускавшие «худую» молву о Ханаанской земле, были поражены Господом и умерли.

А все остальные были осуждены кочевать по пустыне сорок лет, по году за каждый день, проведенный разведчиками в походе.

КОВАРНЫЙ САУЛ И ХИТРЫЙ ДАВИД

Израильский царь Саул не доверял и завидовал своему военачальнику Давиду. У него зародилась мысль расправиться с Давидом, и тот был

вынужден на некоторое время скрыться. Но он не был полностью уверен в жестоких намерениях царя и поручил своему разведчику Ионафану, сыну Саула, выявить истинные планы царя.

Давид и Ионафан договорились об условностях, с помощью которых Ионафан известит Давида о выполнении задания: Давид должен сесть у камня Азель в пустыне, а Ионафан пустит в ту сторону три стрелы, как будто стреляя в цель.

— Потом я пошлю отрока, — сказал Ионафан, — со словами: «Пойди, найди стрелы сзади тебя, возьми их». Это будет означать, что ты в безопасности и можешь возвращаться. Если же я скажу отроку: «Вот стрелы впереди тебя», то уходи.

Все так и произошло. За обедом царь Саул сказал, что Давид обречен на смерть.

Тогда вышел Ионафан в поле, стал пускать стрелы так, что они летели дальше отрока, и кричал ему: «Смотри, стрела впереди тебя, скорей беги, не останавливайся!»

Давид понял этот сигнал и скрылся в пустыне.

Саул послал за ним своих разведчиков и поручил им: «Идите, удостоверьтесь еще, разведайте и высмотрите место его, где будет нога его, и кто видел его там; ибо мне говорят, что он очень хитр. И высмотрите и разведайте о всех его убежищах, в которых он скрывается, и возвратитесь ко мне с верным известием, и я пойду с вами; и если он в этой земле, я буду искать его...»

Разведчики выполнили задание и доложили Саулу, где скрывается Давид. Саул со своими людьми пошел искать и ловить его. Но Давид тоже не дремал. Его известили о замыслах Саула, и Давиду удалось скрыться от него.

ХУСИЙ — АГЕНТ ВЛИЯНИЯ

Поскольку мы взялись изучать работу разведки, то полезно узнать и такой термин, как **«агент влияния»**. Это агент, который не только передает своему руководству важные сведения о противнике, но способен оказывать нужное влияние на вражеского царя, короля или президента, давая ему гибельные для него советы.

...Прошли годы, и **Давид** сам стал царем израильтян. Тут-то опять проявились многие его качества, в том числе и способности вести разведку.

А дело было в следующем.

Его сын Авессалом составил сильный заговор против отца. Он разослал лазутчиков во все края и сказал: «Когда услышите звук трубы, то говорите: „Авессалом воцарился в Хевроне“».

У Авессалома было много соратников, и в числе заговорщиков был его главный советник Ахитофел. Он ненавидел Давида.

Когда стало ясно, что удержаться у власти Давид не может, он вместе с семьей и слугами бежал из Иерусалима. По дороге он встретил своего друга Хусия.

— Если ты пойдешь со мной, — сказал ему Давид, — то будешь мне в тягость. Но если ты возвратишься в город и скажешь Авессалому: «Царь, я раб твой; доселе я был рабом отца твоего, а теперь я твой раб», то ты расстроишь для меня советы Ахитофела. С тобою будут священники Садок и Авиафар, и всякое слово, какое услышишь из дома царя, пересказывай священникам. А у них есть два сына, через них пересылайте мне всякое известие, какое услышите.

Хусий отправился в Иерусалим, куда в это время вступил Авессалом вместе со своим главным советником Ахитофелом.

Хусий пришел к Авессалому и воскликнул: «Да живет царь! Да живет царь!»

Авессалом удивленно спросил Хусия:

— Таково-то усердие твое к твоему другу Давиду! Отчего ты не пошел с другом твоим?

Хусий на это отвечал:

— Нет, кого избрал Господь и этот народ, с тем я и останусь. И притом, кому я буду служить? Не сыну ли его? Как служил я отцу твоему, так буду служить и тебе.

Авессалом поверил ему, принял к себе на службу и сделал вторым советником после Ахитофела, советы которого воспринимались как исходящие от Бога.

Ахитофел предложил Авессалому совершить нападение на Давида и убить его. Эта идея понравилась Авессалому и всем его старейшинам, но он все же решил выслушать мнение Хусия и пригласил его.

Хусий выслушал совет Ахитофола и не согласился с ним. Он сказал, что такое нападение немыслимо и из него ничего не получится, а вместо этого надо неспеша собрать большое войско и с ним идти на Давида. Авессалом согласился с этим мнением.

Хусий немедленно направил своих посланцев проинформировать обо всем Давида.

Но с посланцами случилось приключение. Их заметил некий отрок, который донес о них царю Авессалому, и тот послал за ними в погоню своих рабов. Посланцы скрылись в деревне, пришли в дом одного человека, у которого во дворе был колодец, и спустились туда. Хозяйка растянула над колодцем покрывало и насыпала на него крупы, так что надежно замаскировала его.

Рабы Авессалома зашли во двор, но, ничего не обнаружив, вернулись ни с чем.

А посланцы Хусия продолжили свой путь и доложили обо всем Давиду, который хорошо подготовился к обороне.

Узнав о том, что Давиду удалось спастись, главный советник Ахитофел с горя удавился.

После этого началось сражение. Авессалом, запутавшись длинными волосами в ветвях дуба, повис на них, мул, бывший под ним, убежал, а воины Давида убили Авессалома и бросили его в лесу в глубокую яму.

Об этом Хусий доложил Давиду, и хотя Авессалом был врагом Давида и хотел убить его, Давид опечалился этой вестью. Он назначил на высокие должности тридцать семь своих помощников и храбрых воинов, но Хусия, который сделал для него не меньше других, среди них не было.

Такова «благодарность» царей!

Многим разведчикам пришлось испытать ее в своей жизни.

ЖАДНАЯ ДАЛИЛА

В парке Петродворца есть знаменитый фонтан «Самсон, разрывающий пасть льва». Тот, кто видел его, не мог не запомнить мощную фигуру библейского богатыря Самсона.

Не было равных ему в сражениях. В одном только сражении с филистимлянами он ослиной челюстью убил тысячу врагов. В другой раз он поймал триста лисиц, привязал к их

хвостам факелы и пустил на жатву Филистимскую, «выжег и копны и нежатый хлеб, и виноградные сады и масличные».

Затаили филистимляне зло на Самсона. Как-то раз он направился в Газу, где провел ночь у блудницы. Целую ночь жители ходили кругом, чтобы подстеречь и убить его, когда он попытается пройти через городские ворота. Но когда он встал и увидел ворота запертыми, то схватил двери городских ворот с обоими косяками, выломал их, положил на плечи и отнес на вершину горы.

В чем же была скрыта такая небывалая сила Самсона? Оказывается, в его волосах. При его рождении ангел предсказал его родителям, что пока бритва не коснется его волос, он будет самым сильным человеком на земле.

Понимая, что силой с Самсоном не справиться, филистимляне пошли на хитрость и придумали шпионскую операцию. Ее целью было выведать причину силы Самсона и лишить его этой силы. Для этого использовали единственную слабость Самсона: он любил женщин. На этот раз он влюбился в некую Далилу.

Вожди-филистимляне, узнав об этом, пошли к Далиле и предложили сделку: Далила выведывает, в чем сила Самсона и как одолеть, связать и усмирить его, а каждый из вождей платит ей за это по тысяче сто сиклей серебра — довольно большую по тем временам сумму.

Далиле деньги были нужны больше, чем любовь Самсона, и она охотно согласилась.

Когда настала ночь, Далила спросила Самсона, в чем его великая сила и чем его надо связать, чтобы усмирить.

Самсон опасался женщин и не мог сразу сказать правду.

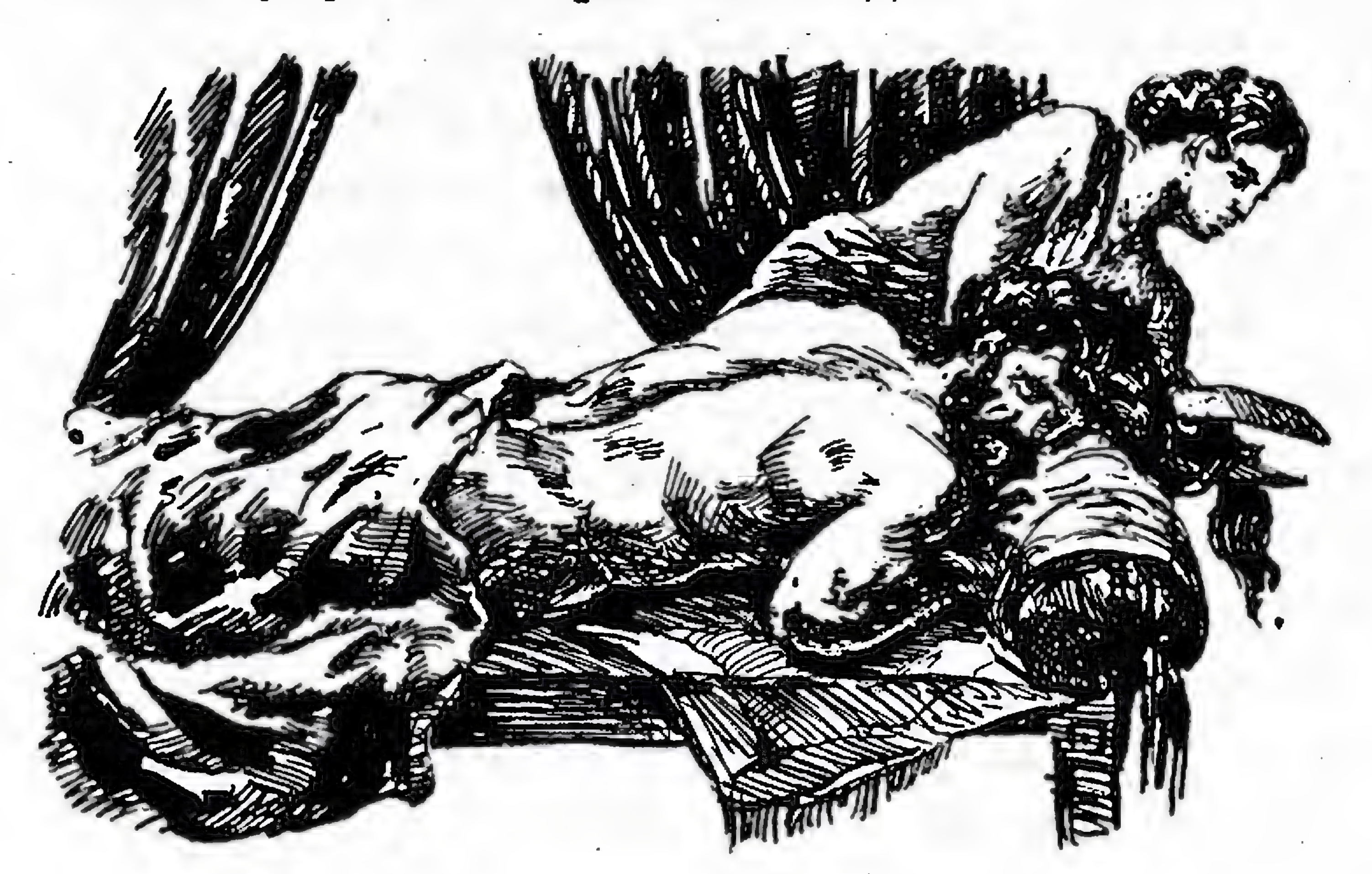
— Если меня свяжут сырыми тетивами, то я сделаюсь бессилен, как все люди.

Но когда она решила проверить его и, разбудив ночью, закричала, что идут филистимляне, он легко разорвал тетиву. Так повторялось три раза. Он расправлялся со всеми путами, которыми связывала его Далила по его же совету.

Далила рыдала и упрекала Самсона в том, что он не любит ее.

И не выдержало сердце богатыря. Он открыл ей свою великую тайну.

— Бритва не касалась головы моей. Если же остричь меня, то отступит от меня сила моя, и буду я как простые люди.

Далила поверила Самсону, прокралась к филистимлянам и сказала, чтобы они пришли с веревками и ножницами, но не забыли бы и серебро, которое должны ей.

Когда Самсон уснул, по зову Далилы пришли филистимляне и остригли его.

— Проснись, филистимляне идут на тебя! — закричала Далила. Он вскочил, но сил у него уже не было.

Самсона скрутили, выкололи ему глаза, заковали в медные цепи и, закрыв узницу, заставили молоть муку.

Прошло много дней, и филистимляне решили отпраздновать победу над своим врагом. В огромном доме собрались все филистимлянские вожди, а на кровле было еще три тысячи мужчин и женщин.

Слепого Самсона хотели выставить на потеху победителей. Но упустили одну деталь: за время заключения у него снова отросли волосы, и вернулась прежняя сила.

И когда Самсона подвели к столбам, на которых покоился дом, Самсон уперся в эти столбы и воскликнул:

— Умри, душа моя, вместе с филистимлянами!

Дом закачался и обрушился на владельцев и на весь народ, бывший в нем. «И было умерших, которых умертвил Самсон при смерти своей более, нежели сколько умертвил он в жизни своей», — говорится в библейской легенде о Самсоне и Далиле.

ТРОЯНСКИЙ КОНЬ И «СИНДРОМ КАССАНДРЫ»

Троянская война началась из-за того, что сын троянского царя Приама похитил и привез в Трою супругу одного из греческих царей Менелая, Елену Прекрасную. Война длилась девять лет, не принося успеха ни той, ни другой стороне.

На десятый год греческий герой Одиссей, известный своей хитростью, вместе с другом отправился на разведку в Трою. Прежде всего они разыскали Елену, от которой уже знали, что Троя ей надоела и она стремится домой, к мужу. С помощью Елены они похитили Палладий — статую богини Афины, которая покровительствовала городу.

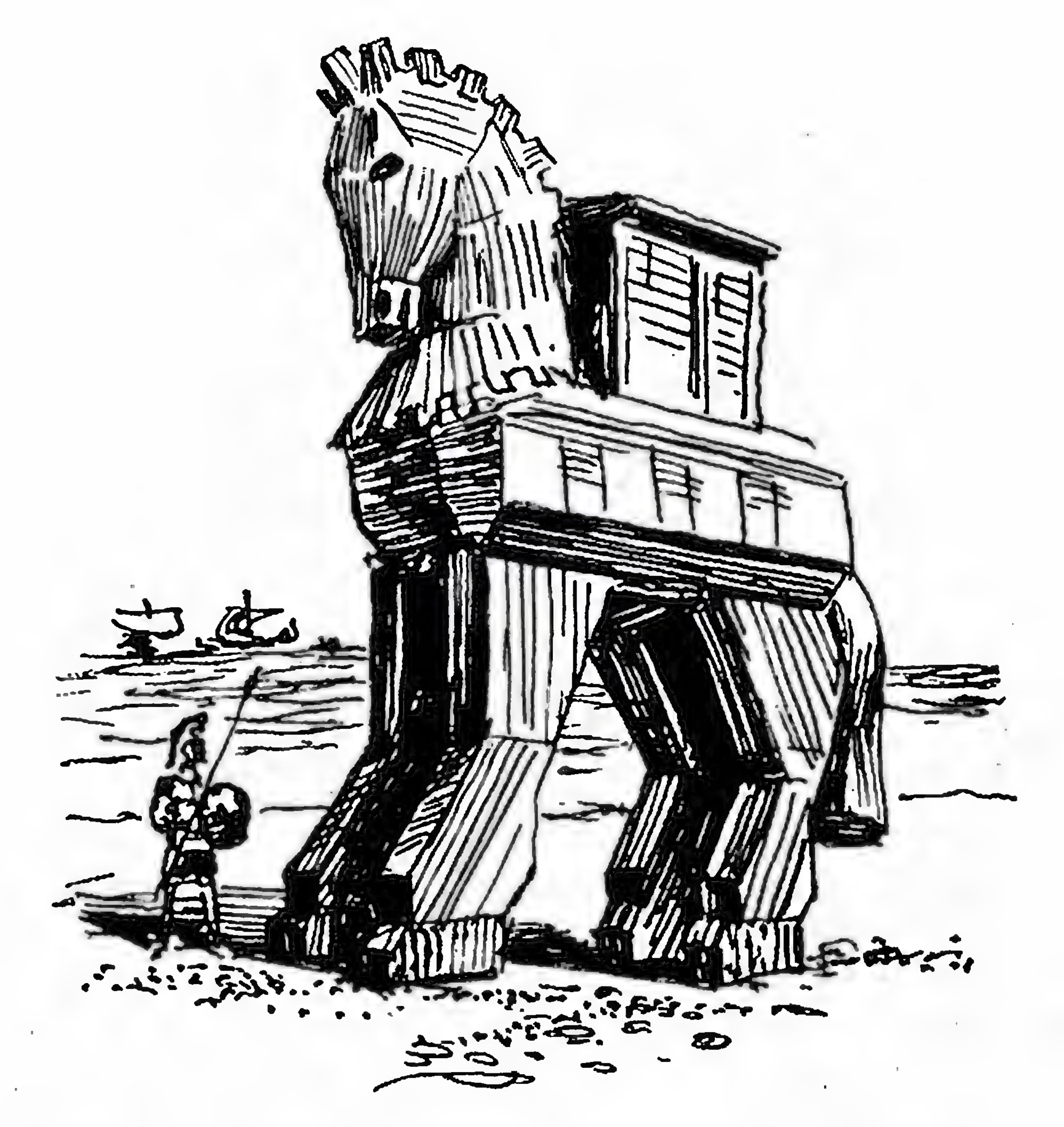
Прощаясь, Одиссей попросил Елену:

— Если через несколько дней ты увидишь большого коня, сделай все, от тебя зависящее, чтобы конь попал в город.

Елена обещала сделать так, как он просит.

Вернувшись в лагерь, Одиссей начал «обманную операцию». По его совету был построен огромный деревянный конь. Внутрь поместили отряд самых храбрых воинов. После этого войско покинуло лагерь, сняв осаду, погрузилось на корабли и отплыло, будто бы домой, а на самом деле к острову Тенедос, где и затаилось.

Возле коня оставили одного разведчика, двоюродного брата Одиссея, Синона.

Когда любопытствующие троянцы столпились вокруг коня, Синон объяснил им, что конь оставлен в дар Афине, и предложил поставить его в Трое. Воины и жители не знали, как поступить, тем более что жена царского сына Елена Прекрасная уговаривала взять коня в город. Рядом стоял престарелый царь Приам и согласно кивал головой. Он был стар и болен, потерял в боях нескольких сыновей, устал от войны, и ему хотелось верить, что греки действительно ушли, а коня, прославляющего богиню Афину, надо взять в город, чтобы ублаготворить ее и закончить эту бойню.

Но около Приама стояла еще одна женщина, его дочь Кассандра, и кричала:

— Не втаскивайте в город коня! В нем таится опасность и гибель Трои! Я вижу падающие стены, огонь, пожирающий город, и кровь, потоком льющуюся по его улицам! Заклинаю вас, не трогайте коня!

В Кассандру когда-то влюбился Аполлон. Надеясь на взаимность, он наградил ее даром пророчества. Но царевна отвергла его домогательства. Аполлон не имел права отнять обратно свой дар. Тогда он внес «поправку»: не лишая ее дара, сделал так, что пророчества Кассандры всерьез никто не принимал. Ей никогда не верили.

Теперь, когда она призывала отказаться от коня, ей опять не поверили...

А сейчас небольшое отступление, которое надо прочесть всем, кто интересуется разведкой.

То, что происходило, можно назвать «синдромом Кассандры». Ее информация не соответствовала мнению царя Приама, и поэтому отвергалась. Так уж повелось еще с той, далекой поры и по сей день. Очень часто руководители государств — цари, короли, императоры, президенты, верховные главнокомандующие, премьер-министры, фюреры — верили и верят тем разведчикам и аналитикам, чьи доклады совпадают с их уже сложившимся мнением. А тем, кто приносит вести недобрые или не соответствующие взглядам высшего руководства, не верят, считая их или ошибающимися, или вражескими шпионами, которые специально дезинформируют. Вот он, «синдром Кассандры»!

...Так случилось и на этот раз. Кассандре не поверили, коня втащили в город, а что было дальше — известно: ночью греческие разведчики вылезли из коня, и судьба Трои была решена.

ЦАРЬ — ШПИОН

Если взглянуть на карту древнего мира, то на южном берегу Черного моря можно увидеть Понтийское царство. Царем его с 121 по 63 год до нашей эры был **Митридат VI**. О жизни пяти предыдущих Митридатов историки знают немного, этот же получил прозвище «Великий». Но, откровенно говоря, он был великим негодяем. Судите сами: в борьбе за трон он умертвил свою родную мать, братьев, сестру и даже собственных сыновей, не считая более сотни тысяч других граждан. А в нашу книгу он попал потому, что был не только организатором шпионской службы, но и сам выдающимся шпионом.

Он взошел на трон одиннадцатилетним мальчиком. Его мамаша (тоже не очень светлая личность) несколько раз покушалась на жизнь своего сына. Ему пришлось бежать от нее в горы, где поначалу он вел жизнь охотника. Потом перебрался в город и, скрыв свое имя, нанялся служителем при караване. По-видимому он уже тогда предвидел свое будущее и времени даром не терял. К четырнадцати годам он изучил двадцать два (!) языка и обошел с караваном почти всю Малую Азию.

Зная, что это пригодится ему в дальнейшем, он, как заправский шпион, изучал обычаи местных племен, разведывал их военные силы, нравы, сильные и слабые стороны властителей.

Наконец, набравшись сил и знаний, он вернулся в Синоп. Тут он, уже не стесняясь, объявил, кто скрывается под скромной личиной служителя каравана. Начал с того, что убил брата, а мать заключил в темницу. Теперь ему никто не мешал занять трон, что он и сделал. Укрепившись, повсюду разослал своих шпионов, дав каждому четкое задание. Митридат готовился к большим войнам не только в Малой Азии и на Кавказе, но и с самим Римом. Для того чтобы «обеспечить тылы», он в это время и умертвил мать, второго брата, сестру и сыновей.

После этого начался период его восемнадцатилетних войн с римскими полководцами Суллой, Лукуллом и Помпеем. Войны шли с переменным успехом. Имея точные разведывательные данные, Митридат всегда знал слабые

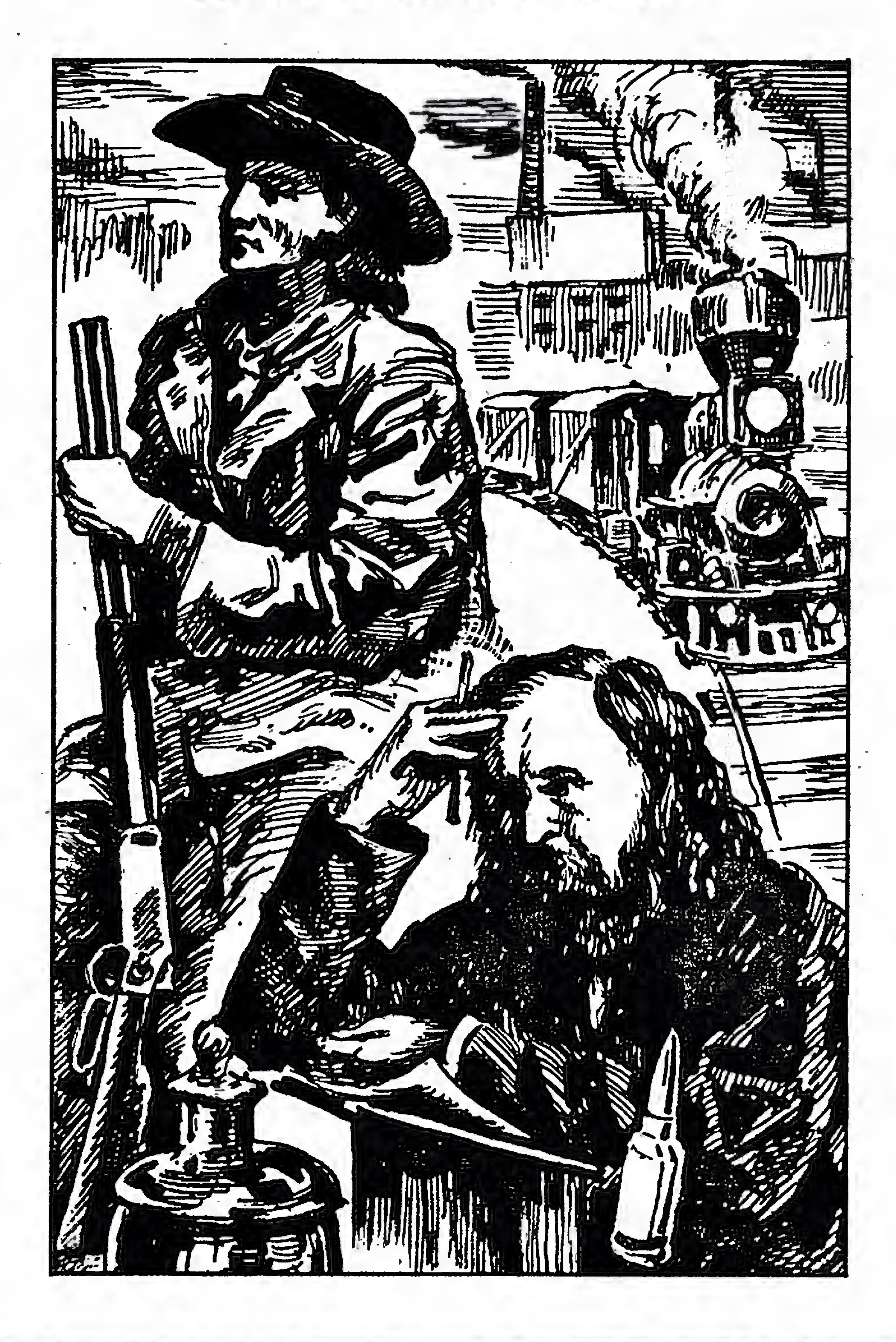

стороны противника и наносил удары в нужное время и в нужном месте.

Опьяненный успехами, он приказал истребить сто тысяч римских подданных и решил идти на Рим. Но тут он совершил ошибку, свойственную многим властителям: он не поверил своей разведке, которая предупреждала, что силы Рима велики и далеко не исчерпаны. Его вторая ошибка заключалась в том, что он провозгласил свободу римским рабам, а на занятых территориях освобождал рабов, рассчитывая, что они вольются в его армию. Хотя разведчики предупреждали царя, что освобожденные рабы частью бросятся в бегство к себе на родину, а частью сплотятся в разбойничьи шайки, действующие и против римлян, и против самого Митридата. Так и случилось.

Митридат стал нести поражения. Его сторонники отвернулись от него. Покинутый всеми, он принял большую дозу сильнодействующего яда. Так закончилось царствование царя-шпиона Митридата VI.

РАЗВЕДКА В СРЕДНИЕ ВЕКА И ПОЗЖЕ

Охота за «китайским секретом»
Скрипач в лохмотьях крадет рецепты стали
Шпионы терпят фиаско
И великие ученые помогали разведке
Создатель «Робинзона Крузо» — тайный агент
Петр Толстой — «дачник» Петра Великого
Загадочный шевалье д'Эон
Храбрый аббат
Герой романа Фенимора Купера «Король шпионов»
Ценные донесения «северянки»
Серенада в Честь «южанки»

ОХОТА ЗА «КИТАЙСКИМ СЕКРЕТОМ»

В XVIII веке началась охота за «китайским секретом» — способом производства фарфора. В Китай засылали множество шпионов, и первым из них, преуспевшим в этом деле, стал французский монах-иезуит. Ему удалось проникнуть в закрытый город Циндэчжень, где

находилась императорская фарфоровая мануфактура. Он детально изучил технику производства твердого фарфора из каолина и, несмотря на бдительность китайской контрразведки, сумел отправить во Францию образцы сырья. Некоторое время спустя там началось производство знаменитого севрского фарфора.

В свою очередь английский агент Томас Бриан, работавший в Севре, похитил у французов метод производства фарфора, и вскоре он был запатентован в Англии.

Надо сказать, что немецкими химиками (точнее, алхимиком Фридрихом Бётгером) секрет производства фарфора был открыт самостоятельно в начале XVIII века, и погоня за секретом саксонского фарфора была не меньшей, чем за китайским. Бётгер так тщательно берег свою тайну, что, кроме него, ее никто не знал: по его настоянию половину рецепта выучил наизусть ученый Немиц, вторую половину — Гартельмей.

Можно смело утверждать, что в течение целого столетия фарфор был главной мишенью шпионажа.

СКРИПАЧ В ЛОХМОТЬЯХ КРАДЕТ РЕЦЕПТЫ СТАЛИ

Но, естественно, охота шла и за другими производственными секретами.

Английский литейщик Фомо, находя английскую сталь того времени низкокачественной, переодевшись в лохмотья, под видом странствующего скрипача отправился на континент, где, посетив все европейские сталелитейные центры, сумел выкрасть секреты производства лучших сортов стали. Вскоре его заводы сделались крупнейшими в Англии.

Он умер богатым человеком, а его дети получили дворянский титул!

Далеко не все промышленные секреты приходилось добывать с неимоверным трудом. Например, изобретение пороха приписывается немецкому монаху Бертольду Шварцу, жившему в XIV веке, в то время, как секрет его производства был почти одновременно похищен или куплен без особого труда рядом европейских шпионов у мусульман и китайцев. Так же легко были похищены у арабских алхимиков все секреты производства кислот.

ШПИОНЫ ТЕРПЯТ ФИАСКО

С другой стороны, в древние времена, как и сейчас, шпионы часто терпели фиаско, благодаря чему многие секреты древности остались нераскрытыми и по сей день. Например, так и не удалось выведать тайну «греческого огня», опаснейшего оружия Средневековья, хотя в течение четырех столетий промышленный шпионаж всех стран был сосредоточен на нем. Он сжигал все кругом и, если его пытались гасить водой, вспыхивал с новой силой. Секрет огня не раскрыт до сих пор, и даже сравнение его с напалмом не в пользу последнего.

Помимо упомянутого «греческого огня» к нераскрытым относятся секреты герметической закупорки, холодного света, абсолютно чистого железа, сверхтвердой стали и многих ядов.

Бывали в истории и случаи, когда некоторые секреты, могущие принести вред человечеству, уничтожались умышленно. В частности, в 1903 году русского профессора Филиппова, который изобрел способ передачи на расстояние по радио ударных волн взрыва, нашли мертвым в его лаборатории. После этого по приказу Николая II все документы были изъяты и сожжены, а лаборатория разрушена. Неизвестно, руководствовался ли царь интересами собственной безопасности или будущим человечества, но действительно подобные средства передачи силы атомного или водородного взрыва были бы гибельными для населения всего земного шара.

И ВЕЛИКИЕ УЧЕНЫЕ ПОМОГАЛИ РАЗВЕДКЕ

Шли годы и десятилетия. Объектов для промышленного шпионажа все прибавлялось. Постепенно он становился «узаконенным». Так, декрет французского правительства 1791 года, признававший «за всяким, кто привезет во Францию какой-либо иностранный промысел, такие же льготы, какими пользовался бы его изобретатель», фактически явно поощрял **промышленный шпионаж.**

В шпионаж вовлекались все новые лица, и среди них были не только платные шпионы, но и ученые с мировым именем.

Мысль о том, что качеством пива можно отомстить за поражение в войне, кажется забавной. Но именно ею руководствовался Луи Пастер после войны 1870 года, когда, добыв все сведения о рецептах немецкого пива, создал свое, французское, превосходящее то, которое производилось в Германии. В своем патенте на изобретение Пастер писал: «Это будет пиво национального реванша». В ответ немцы заслали шпионов во Францию, они добыли пастеровский рецепт, и... равновесие было восстановлено.

Не стеснялся собирать через шпионов интересующие его сведения как у конкурентов, так и в далекой Европе и Томас Альва Эдисон.

В конце XIX века фирма «Дженерал электрик» впервые в истории стала использовать настоящих ученых, в частности известного математика Стейнмена, как для научно-исследовательской, так и для разведывательной деятельности.

К промышленному шпионажу начали привлекать специалистов самых разных профессий, даже нелегальных адвокатов. Их задача — инструктировать шпионов, как далеко они могут заходить в своих действиях. А поскольку в законодательствах многих стран имеются большие пробелы, то оказывается, что очень далеко. Например, если английский промышленник, оставивший в кабинете посетителя, вернувшись, застанет его за фотографированием сверхсекретных документов или макетов,

он решительно ничего не может предпринять: здесь нет никакого нарушения неприкосновенности жилища (ведь хозяин сам впустил гостя), а фотоаппарат и пленка принадлежат посетителю и, согласно английским законам, пострадавший даже не может отобрать их. Если же он попытается избить шпиона, то может быть привлечен к ответственности за побои и ранения.

СОЗДАТЕЛЬ «РОБИНЗОНА КРУЗО» — ТАЙНЫЙ АГЕНТ

Кто не знает **Даниеля Дефо**, рассказавшего об увлекательных приключениях Робинзона Крузо? Но мало кому известно, что Дефо в то же время был одним из крупнейших профессиональных разведчиков своего времени.

Его молодые годы полны приключений. Он дважды сидел в тюрьме, в 1703 году был выставлен к позорному столбу, его противники распространяли слух о том, что ему якобы публично обрезали уши. Трое из его школьных друзей были повешены за участие в заговоре. Все это кое-чему научило Даниеля, он стал осмотрительнее и решил, что сотрудничать всегда надо с сильной, побеждающей стороной.

Чтобы избежать очередного тюремного заключения, Дефо стал **тайным агентом** английского правительства. В отличие от других

агентов, действовавших за границей, Дефо проявлял свои способности в Англии в период заговоров и мятежей, борьбы между «якобитами» — приверженцами свергнутого короля Иакова II Стюарта — и сторонниками пришедшего к власти короля Георга I, между партиями тори и вигов.

Сначала Дефо добросовестно служил правительству вигов. По его заданию он под чужой личиной пробирался в Шотландию, где проникал в убежища якобинцев и, выдавая себя за их союзника, вынюхивал все секреты.

Когда к власти пришло правительство тори, оно решило использовать Дефо в своих интересах. Но поскольку он уже был известным писателем, направление его деятельности изменилось. Теперь он, выдавая себя за противника правительства, стал редактором якобитской газеты. Но повел дело так, что из органа, враждебного правительству, призывающего к

мятежу и вызывающего брожение в народе, газета превратилась в развлекательную. Она приобрела большое количество читателей. Дефо перехватывал и обезвреживал статьи, которые могли создать затруднения правительству тори.

В 1717 году правительство с помощью Дефо и других агентов узнало, что якобиты готовят новое восстание, и им в этом способствует шведский посол Юлленборг, действующий по указанию короля Карла XII.

Дефо составил проект того, что теперь называют «активным мероприятием» против шведов. Для этого он использовал факт казни в 1708 году в Швеции российского разведчика, соратника Петра I, графа Паткуля. Дефо решил воскресить дискуссию об этом злодеянии Карла XII. Он написал и в тот же день напечатал памфлет, якобы являющийся переводом какой-то оригинальной брошюры пастора, который лично присутствовал при последних часах жизни Паткуля и при его колесовании. В памфлете превозносились муки и невинность несчастного Паткуля и зверство Карла XII. Памфлет сыграл свою роль. Общественное мнение Англии обернулось против шведов, а следовательно, и против поддерживаемых ими якобитов.

Дефо провел еще не одну подобную акцию, но никогда и никому не поведал о своих тайных делах, поэтому большинство из них остались нераскрытыми.

ПЕТР ТОЛСТОЙ — «ДАЧНИК» ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Казалось бы, в пятьдесят два года трудно начинать новую жизнь и делать карьеру. Но именно так случилось с **Петром Андреевичем Толстым**. Потомок древнего боярского рода, он родился в 1645 году. Во время стрелецкого бунта призывал к расправе с Нарышкиными, родственниками матери царя Петра. За что и был удален в Великий Устюг, где прослужил воеводой двенадцать лет. Но, как говорили раньше, «попал в случай».

В захолустный Великий Устюг приехал сам царь. Толстой порадовал его артиллерийским салютом, великолепным обедом и умной беседой. «Проси чего хочешь», — милостиво сказал Петр. Толстой многого не просил, лишь разрешить ему на старости лет изучить военно-морскую науку.

Так он в пятьдесят два года оказался студентом в Италии, где прилежно занимался и получил хороший аттестат.

Но моряком ему не суждено было стать. Хорошо образованного, элегантно одетого и хитроумного Толстого Петр решил использовать на дипломатическом поприще и направил послом в Оттоманскую империю, в Турцию, где он провел четырнадцать лет. В те времена должность посла и резидента разведки мало чем отличались друг от друга. Поэтому мы и говорим о Толстом, как о разведчике.

Время для России было тяжелое: шла трудная война со Швецией, и Турция угрожала нападением с юга. Надо было всеми силами не допустить этого.

Отправляя Толстого, Петр дал ему самое настоящее разведывательное задание, даже слово «выведывать» не забыл вписать.

А как было действовать Толстому в незнакомой стране, на кого опереться, если не было ни одного близкого человека?

Но все же один такой человек нашелся. Им оказался патриарх Иерусалимский Досифей. У него было много своих агентов из числа православных, которые занимали разные должности в турецких канцеляриях. Они имели возможности подкупать падких на взятки турецких чиновников. Досифей сам был нелегальным резидентом Петра и поддерживал с ним связь через курьеров-монахов.

Толстой нашел общий язык с Досифеем и подружился с ним. Досифей выполнил много просьб и поручений Толстого, невзирая на смертельную опасность — ведь он не был дипломатом, и султан мог пытать и казнить его.

Одним из первых успехов совместной работы Толстого и Досифея было получение копии грамоты, которую султан направил своему послу в Москве. Эту копию Досифей со специальным курьером отправил в Москву, и царь Петр раньше турецкого посла узнал о намерениях султана. Но главной задачей Толстого было предотвратить нападение турок, на которое их

толкали крымские татары и другие противники России — Франция и Швеция. Султан не хотел войны, но Великий визирь Далтабан поддерживал татар и сговорился с ними: они инсценируют бунт против султана, а Великий визирь пойдет с войсками усмирять бунтовщиков. Но, прибыв в Крым, поведет войско не на татар, а соединившись с ними, направится на Киев или Азов.

У Толстого в это время уже были агенты в окружении Великого визиря. Прослышав через них о его планах, Толстой нашел подход к матери султана и оповестил ее и Муфтия (верховного священнослужителя) о заговоре. Узнав о заговоре, султан возмутился, и по его приказу Великий визирь был схвачен и тут же задушен.

Чтобы «подружиться» с матерью султана, Толстой подарил ей дюжину горностаев и соболей, алмазное перо на шапку и кушак с отделкой из драгоценных камней. Не худшие подарки получил и Муфтий, который стал агентом Толстого.

Вообще Петр Андреевич не скупился на подарки и взятки, которые тогда назывались «дача», а человек, который их давал, — «дачником». Так что Толстой был великим «дачником»! Турецкий чиновник, поставленный для наблюдения за русским послом, доносил, что Толстой «ради продления мира раздал в различных местах и различным людям около трех тысяч кошелей с полутора миллионами талеров».

Но многие люди — это были христиане — работали на благо России не ради получения вознаграждения. Как докладывал Толстой, «эти люди чистосердечно трудятся без боязни».

Однако враги Толстого не дремали, и вокруг него начали сгущаться тучи. Посольство находилось в постоянном враждебном окружении, за каждым его шагом велось наблюдение, некоторых сотрудников пытались «обусурманить». С одним из них Толстой жестоко расправился: по его приказу тому поднесли чарку отравленного вина.

Толстой регулярно направлял в Москву подробную информацию о составе турецкой армии, ее дислокации и передвижениях, о турецком флоте, типах кораблей и их вооружении. Он прознал о том, что турки направили в Россию множество шпионов, в том числе из христиан и греков, и сообщил об этом Петру, который отдал соответствующие распоряжения.

Действуя подкупом, «дачами», используя мать султана и Муфтия, Толстой выполнял

главную задачу: удержать Турцию от вступления в войну с Россией. Но для этого Толстому приходилось постоянно «раскошеливаться». Только в 1706 году Муфтий получил от него «два сорока» соболей, визирь — сорок соболей и на радостях задавил двух самых умных пашей, противников Толстого. Это так понравилось Толстому, что он всклúкнул: «Дай Вышний, чтобы и остальные все передавились!»

Однако в конце 1710 года Турция все же объявила России войну, и ее первой жертвой стал сам Петр Андреевич. Он был арестован и заключен в Семибашенный замок, в глубокую земляную темницу, «зело мрачную и смрадную». Его дом и имущество разграбили. По турецким обычаям того времени это было нормальным явлением — с началом войны всех вражеских дипломатов сажали в тюрьму, где содержали в тяжелых условиях.

Толстому ежедневно угрожали мучениями и пытками, стремясь выяснить, каким министрам и сколько он давал денег. Но он не только молчал, но, находясь в тюрьме, начал активно действовать. Он добился, чтобы ему разрешили свидания с послом молдавского господаря Кантемира и через него установил контакт с внешним миром.

Почти полтора года провел Толстой в турецкой тюрьме, а затем, еще до заключения мира, с помощью взяток (своих денег и соболей у него уже не было, помогли агенты) вышел на волю. Но отпускать Толстого в Россию

турки не хотели, окружили его плотным кольцом соглядатаев. Однако и в этих условиях Толстой связался со своей агентурой и начал сообщать о положении во дворе султана, в правительстве и дипломатическом корпусе.

ЗАГАДОЧНЫЙ ШЕВАЛЬЕ Д'ЭОН

В 1755 году в Петербург в качестве тайного курьера и эмиссара Людовика XV прибыла очаровательная мадемуазель Лия де Бомон. Перед ней стояла трудная задача — проникнуть в окружение императрицы Елизаветы, выведать секретные планы русского правительства в отношении договора с Англией и попытаться повлиять на эти планы, изменив их в пользу Франции. Ни больше ни меньше!

Под именем Лии де Бомон скрывался шевалье д'Эон. Кем же он был на самом деле?

Об этом существует множество версий, нам же придется довольствоваться одной из них.

Шевалье Шарль-Женевьев-Луи-Огюст-Андре-Тимоте д'Эон-де-Бомон родился в аристократической семье и с младенческих лет подавал немало надежд. По невыясненным причинам мать нарядила его девочкой, когда ему было четыре года, и до семи лет он ходил в платье. Видимо, это и сказалось впоследствии на всем образе жизни шевалье.

Но пока все шло нормально. Юный шевалье отличался в юриспруденции, равно как

и в фехтовальном искусстве. Совсем молодым он получил степень доктора гражданского и церковного права и был принят в адвокатуру. А фехтовал он, будучи с виду хрупким и слабым, настолько мастерски, что был единодушно избран старшиной фехтовального клуба.

Родной город Тоннер стал тесен для одаренного и энергичного юноши. «В Париж, в Париж!» — сказал он сам себе и родителям и вскоре оказался в столице.

Ко времени, к которому относится начало нашего рассказа, Людовик уже прослышал о некоторых проделках юного шевалье, который нередко мистифицировал окружающих, выдавая себя за женщину.

Королю пришла в голову мысль — если к Елизавете не мог проникнуть мужчина, может быть это удастся даме? Д'Эон был приглашен к королю. Его величество выглядел хмурым.

— Я слышал, шевалье, что вы проделываете шутки с окружающими, выступая перед ними в женском платье. Совместимо ли это с честью дворянина?

— Ваше величество! Это действительно лишь невинные шутки, никому не приносящие вреда и никого не оскорбляющие. Но если вашему величеству будет угодно...

— Подождите, шевалье. Сколько времени вам потребуется, чтобы... — король на мгновение задумался, — трансформироваться в женщину и явиться ко мне во дворец так, чтобы никто не узнал?

— Два часа, сир.

— Хорошо. Я жду вас. Вот вам кольцо, которое послужит пропуском во дворец.

...Точно в указанный срок перед Людовиком предстала очаровательная девушка, миловидная и целомудренная. Если бы король не знал, что всего два часа назад она была мужчиной, он бы мог поклясться, что видит ее впервые.

— Я поражен, — произнес король. Он немного помолчал и продолжал: — Шевалье, я хочу дать вам ответственное поручение, от выполнения которого, может быть, зависит судьба Франции.

— Я готова служить вашему величеству и Франции в том месте и таким образом, каким вы мне прикажете, — приятным грудным голосом ответила девушка.

Король удивленно посмотрел на нее, но, взяв себя в руки, сказал:

— Тогда извольте выслушать меня. Я знаю, что вы достаточно искушены в фехтовальном искусстве, но шпаги, которые вам

придется скрестить с русским канцлером Бестужевым-Рюминым, несколько иного рода...

В Петербург шевалье д'Эон направился вместе со своим «дядей», неким Дугласом.

Прибыв в Петербург, парочка остановилась в доме французского агента-банкира. Надо было спешить: до дня предстоящей ратификации российско-английского договора, которую надо было сорвать, оставалось не так уж много времени. Дуглас нервничал: всем его действиям мешали люди Бестужева-Рюмина, бравшие под контроль каждого француза, прибывавшего в столицу империи. Зато на милую девушку Лию никто из них не обращал внимания, и вскоре ей удалось беспрепятственно повстречаться с влиятельным сторонником Франции вице-канцлером Воронцовым.

Сообразив, что привлекательная француженка будет способствовать оказанию на царицу выгодного ему влияния, Воронцов поспешил представить ее ко двору.

Стареющая императрица стремилась окружать себя молодежью, любила удовольствия, лесть, с наслаждением слушала волнующие рассказы о легкомысленных нравах французского двора, при котором, как ей было известно, существовал знаменитый «Олений парк» — хорошо организованный и систематически пополнявшийся прекрасными наложницами королевский гарем.

И когда перед ней появился свежий французский цветок, занесенный из садов Версаля,

милая, веселая девушка — это, безусловно, вызвало откровенный интерес Елизаветы. Так, в одночасье, Лия де Бомон стала ее любимицей, была назначена фрейлиной, а затем и чтицей императрицы.

Сейчас трудно сказать, о чем разговаривали длинными зимними ночами владычица великой державы и ее скромная чтица.

Так или иначе, некоторое время спустя английский посол в Петербурге сэр Вильямс вынужден был направить в Лондон сообщение лорду Холдернею: «Должен с сожалением уведомить, что канцлер (Бестужев-Рюмин) находит невозможным побудить ее величество подписать договор, которого мы так горячо желали».

Благополучно вернувшись из далекой таинственной России, шевалье д'Эон блестяще справился еще с несколькими щепетильными дипломатическими поручениями Людовика XV, за что признательный король публично пожаловал д'Эону годовой доход в три тысячи ливров.

Но поручения следовали одно за другим, и для их выполнения требовалось принимать то мужское, то женское обличье. Когда Франция вступила в войну, шевалье д'Эон пошел в действующую армию, где стал адъютантом герцога де Брольи, начальника королевской секретной службы, и не раз выполнял его разведывательные задания, но успел отличиться и в одном из сражений.

Позднее он был направлен в Лондон и на дипломатическом поприще добился таких ус-

пехов, что получил ранг полномочного министра. Но там же оказался втянут в приключения, содержание которых выходит за рамки нашего рассказа и представляет огромный интерес для романиста.

Мотовство и любовь к роскоши постоянно заставляли шевалье пребывать в долгах, несмотря на огромные суммы, переводимые королем. И интриги, интриги... Тут и использование д'Эоном в целях шантажа личных писем Людовика, и ревность любовницы короля маркизы Помпадур, немало крови испортившей шевалье, и новые шпионские похождения, и мистификация «Лией де Бомон» лондонского общества, и непримиримая поначалу борьба с королевским агентом Бомарше, вылившаяся затем в дружбу с великим драматургом...

ХРАБРЫЙ АББАТ

Отношения между наполеоновской Францией и Англией к 1806 году обострились до предела. Наполеон провозгласил введение континентальной блокады Англии. Он отдал распоряжение об аресте всех английских подданных во Франции и о запрещении покупать и продавать английские товары. Все виды связи были прерваны, а переписка между Европой и Британскими островами запрещена.

Как всегда, при подобных запретах пышным цветом расцвел «теневой промысел», в первую

очередь контрабанда, хотя по французским законам она каралась жестоко, вплоть до смертной казни.

Естественно, что услугами контрабандистов широко пользовались и английская разведка, и заговорщики-роялисты, эмигранты, поддерживавшие тайные связи со своими единомышленниками во Франции. Это было опасным делом. Десятки и сотни связников попали в руки французской полиции и были убиты при оказании сопротивления или казнены по приговору суда.

К движению роялистов, боровшихся против Наполеона, присоединилось множество самоотверженных людей, но, конечно, прилипло и немало проходимцев.

Некий аббат Ратель разместился вместе со своей любовницей мадемуазель Жюльеной Спер в замке мадам де Комбремон. Он направлял в Англию весьма ценную информацию, которую якобы приобретал за огромные деньги. Кроме денег на расходы он получал жалованье для себя и Жюльены Спер. Когда же британские чиновники решились потребовать от него отчет о расходах, а заодно и здраво оценили поступавшие от него сведения, оказалось, что он получил восемнадцать тысяч фунтов стерлингов и почти триста тысяч франков, которые потратил на себя и мадемуазель Спéр, а половина его информации по сути не стоила ни гроша.

Совсем другим оказался аббат Леклерк, он же Буавалон. Этот преданный своему делу

роялист характеризовался его биографами как «упрямый, деятельный, ловкий, предприимчивый, скромный конспиратор, и что всего замечательнее — бескорыстный».

Все самое опасное время Террора аббат Леклерк прожил в Париже, где выступал в роли адвоката. Он был настолько хорошо осведомлен обо всем, что делалось во Франции, что это даже вызвало подозрения у его сторонников в Англии: не подставлен ли он французской разведкой. Нет, аббат Леклерк действовал честно. Он собирал информацию из всех доступных ему источников, а также донесения множества роялистских агентов во Франции.

Когда Наполеон организовал «Булонский лагерь», где концентрировались и проходили подготовку войска, предназначенные для высадки в Англии, Леклерк получил задание сообщать все, что можно узнать об этом лагере. Он переехал на побережье и там постоянно курсировал в маленькой коляске. Лошадьми правил его верный секретарь Пьер-Мари Пуа. Леклерк находил пристанище в домах своих друзей-роялистов, но нигде не проводил больше одной ночи. Он имел немногочисленную, но весьма осведомленную **агентуру**. Одним из его агентов был высокопоставленный чиновник, представитель военного министерства Франции в Бресте, а другой служил в административном совете императорского флота. От нескольких агентов Леклерк получал копии политических донесений.

Для связи с Англией Леклерк выезжал со своим секретарем в прибрежные городки. В каком-нибудь рыбацком трактире они подсаживались за столик к бедным рыбакам. Сам Леклерк обычно говорил мало, а Пьер-Мари Пуа угощал соседей коньяком и ставил хорошую закуску. В завязавшемся разговоре объяснял им, что он коммерсант, который должен известить живущего в Лондоне эмигранта о причитающемся тому наследстве. При этом подчеркивал, что ничего политического в этом деле нет, даже зачитывал свое письмо вслух. Конечно, он не раскрывал, что между строками письма написано другое, невидимыми чернилами.

Кто-нибудь из рыбаков всегда соглашался за приличное, по его понятиям, вознаграждение передать это письмо на английское судно, которое встретится ему в море во время лова рыбы.

Связь Леклерка поддерживалась бесперебойно все время его деятельности.

ГЕРОЙ РОМАНА ФЕНИМОРА КУПЕРА

Прообразом героя романа знаменитого американского писателя Фенимора Купера «Шпион» стал **Натан Хэйл**, смелый, искренний, но неопытный разведчик, патриот, повешенный англичанами в сентябре 1776 года.

Несмотря на неудачу, которую Хэйл претерпел в своей работе, он считается «отцом» американской военной разведки, и поэтому о нем и его соратниках нельзя не рассказать. Собственно говоря, сам Хэйл ничего особенного не совершил, но его смерть от рук ненавистных англичан явилась сигналом для молодых американских патриотов, которые поднялись на борьбу с врагом, и многие из них занялись той самой разведкой, которую так неудачно пытался вести Натан Хэйл.

О Хэйле известно, что во время войны молодых Соединенных Штатов за независимость он выполнял поручения генерала Джорджа

Вашингтона в тылу английских войск. Ему удалось получить некоторую информацию об их дислокации и вооружении, но почти сразу же он был схвачен англичанами. Начальник британской военной полиции Каннингем весьма жестоко обошелся с Хэйлом. Тот не выдержал допросов, обнаружил сильное волнение, чем вызвал еще большее подозрение у англичан, и допросы стали еще более жестокими. Хэйл, как полагают исследователи, выдал все секреты, которые знал, и это стоило ему жизни — его казнили. Он стал первым казненным американским разведчиком.

После того как известие о его смерти дошло до американских войск, по существу и началось рождение регулярной американской военной разведки.

Первыми на этот путь вступили Бенджамин Толмедж, его брат Инок и Роберт Таунзенд, однокурсники Хэйла по Иельскому университету. Они в тылу у англичан организовали целую агентурную сеть, или «цепь», как назвал ее Джордж Вашингтон. Звенья этой цепи маскировались кличкой «Самюэль Калпер» и были хорошо законспирированы, хотя у американской разведки в то время еще не было никакого опыта. Один из разведчиков, Вудхолл, стал подписываться «Самюэль Калпер-старший» а Таунзенд — «Самюэль Калпер-младший». Руководитель цепи полковник Толмедж имел кличку «мистер Джон Болтон».

Основные действия «Калперы» развернули в Нью-Йорке, на Манхэттене и в его окрестностях, где в то время располагался английский штаб, а большая часть британского флота базировалась в нью-йоркском порту. Таунзенд содержал крупный универсальный магазин, где проводил встречи с агентурой, а английские офицеры — покупатели выбалтывали секреты, которые он бережно копил.

«Калперы» помимо разведки провели и первую контрразведывательную операцию, в результате которой был захвачен и, можно сказать, в отместку за Хэйда казнен английский разведчик майор Андре.

Произошло это так. Поселок Ойстер-Бэй (Устричная бухта), расположенный в двадцати пяти милях от центра Нью-Йорка, был оккупирован англичанами. По случайному стечению обстоятельств высокопоставленные английские офицеры разместились в доме, принадлежащем Роберту Таунзенду. У него была младшая сестра Сара.

Молодая девушка всеми силами старалась принять участие в борьбе с англичанами. Она входила в группу разведки, однако долгое время ничем не могла проявить себя.

Но вот как-то раз, в конце августа 1780 года, английский полковник Симкоу пригласил к ужину своего друга по имени Андре. Подававшая гостям ужин Сара заметила, как вошедший посыльный положил на буфет письмо, адресованное «Джону Андерсону», которое

вскрыл, прочел и положил к себе в карман Андре. После этого она подслушала разговор между Андре и полковником Симкоу и поняла, что речь идет ни больше, ни меньше, как о захвате с помощью измены крупнейшей американской базы Вест-Пойнт, на складах которой хранились почти все запасы американской армии, в том числе и вооружение, полученное от Бомарше.

Надо было срочно сообщить об этом Роберту, находившемуся в Нью-Йорке. Сара нашла выход. На следующее утро ей не составило труда уговорить влюбленного в нее английского капитана Даниеля Юнга направить в Нью-Йорк курьера за провизией для полковника Симкоу, которую он должен был приобрести в магазине ее брата. В список заказанных продуктов Сара вложила Роберту записку, в которой сообщала об Андре, «Джоне Андерсоне» и об английских планах захвата Вест-Пойнта. Как только записка дошла до Таунзенда, «цепь» заработала.

Великолепный всадник Остин Роу поскакал по проселочным дорогам Лонг-Айленда в городок Сетокет, где жил его друг. Немедленно по получении донесения тот направился на берег, где было развешено белье для просушки. Небольшая «смена декорации» на веревке — и вот с противоположного берега спешит на своей лодченке Коллеб Брустер. Получив донесение, Брустер тут же тронулся в обратный путь, не забыв сообщить о своем благополучном

прибытии. На веревке он вывесил сигнал — красную юбку.

Дальше, как говорится, дело техники. Брустер уже находился на американской территории, где доставил документ начальнику разведслужбы Бенджамину Толмеджу. И надо же, какое совпадение: как раз перед этим Толмедж получил письмо от коменданта Вест-Пойнта, генерала Бенедикта Арнольда, который сообщал, что в район, где находится Толмедж, возможно попадет друг генерала Джон Андерсон, и просил выделить драгунов для его охраны!

Мы не будем описывать всех перипетий операции по разоблачению и срыву английского плана захвата Вест-Пойнта. Это увело бы нас в сторону от темы очерка. Достаточно заметить, что Бенджамин Толмедж проявил себя не только как разведчик, но и как блестящий контрразведчик. Правда, изменнику генералу Бенедикту Арнольду удалось бежать, но его соучастник Джон Андерсон, он же Андре, был пойман, отдан под суд и повешен.

Первый президент Соединенных Штатов Джордж Вашингтон однажды сказал, что и Натан Хэйл, и майор Андре были честными и храбрыми офицерами и умерли достойно.

Остается с сожалением констатировать, что даже в условиях «открытого» американского общества имена участников группы «Калпер», в том числе и Сары Таунзенд, долгое время хранились в тайне и стали известны лишь более столетия спустя.

«КОРОЛЬ ШПИОНОВ»

Он родился в небольшом саксонском городке Мерзебуре, по созвучию был законченным мерзавцем, шпиком и шпионом в худшем значении этого слова, но в то же время выдающимся разведчиком и контрразведчиком.

Речь идет о **Вильгельме Штибере**, знаменитом прусском мастере шпионажа. Он был соратником «Железного канцлера» Бисмарка (получившего это прозвище за то, что в своих речах требовал проводить политику «железом и кровью»), который однажды назвал его «королем шпионов». Историки говорили о Штибере, что он поднялся «до олимпийских высот международного негодяйства».

Штибер появился на свет 3 мая 1818 года в семье мелкого чиновника. Выучившись, стал юристом. Первым его «подвигом», отмеченным в истории, было то, что он спровоцировал заговор, а затем выдал прусским властям дядю своей жены Шлеффеля, у которого был любимцем. Единственной виной Шлеффеля было то, что тот имел либеральные взгляды и распространял их среди рабочих.

С того времени весь жизненный путь Штибера отмечен многочисленными провокациями. Изображая из себя либерала, он втирался в либеральную среду, провоцировал своих «друзей» на выступление против режима, а затем выдавал их. Однажды он шел во главе демонстрации, выкрикивающей мятежные

лозунги против короля Фридриха-Вильгельма Прусского, трусливого и слабоумного (позже этот король был отстранен от власти и помещен в психиатрическую клинику). Когда демонстрация приблизилась к королю, тот трясся от страха, но Штибер каким-то образом умудрился пробраться к нему и шепнуть на ухо: «Не бойтесь, ваше величество, я с вами, все будет в порядке!» Король был так счастлив, что приметил Штибера, а затем назначил его начальником своей секретной полиции.

Еще будучи адвокатом, Штибер стремился завоевать доверие либералов, защищал их в суде, выступал с громкими прогрессивными речами. Кроме того, он небезуспешно провел дела по защите трех тысяч уголовных преступников.

Успеху защиты способствовало то, что, являясь редактором полицейского журнала, он был вхож в министерство полиции и знакомился с данными, которые полиция собирала для предъявления в суде против его клиентов. Не знавшие этой детали судьи и публика поражались его проницательности и уму. Знакомство и дружбу с уголовниками Штибер затем не раз обращал в свою пользу.

После отстранения от власти короля Фридриха-Вильгельма регентом, а затем и королем стал Вильгельм I, который снял Штибера с поста начальника полиции, и он оказался в опале. Но времени Штибер не терял, а направил свои стопы в Петербург. Там принял участие в организации службы зарубежной слежки,

которая просуществовала до 1917 года как Зарубежный отдел русской охранки. Одновременно с этим, находясь в Петербурге, шпионил в пользу Германии.

Настоящая разведывательная работа Штибера началась после его знакомства с канцлером Бисмарком.

Первой успешной акцией Штибера было похищение его агентом Борманом (по заданию Бисмарка) важных документов у представителя Австрии в Союзном сейме Германского союза барона Прокеш-Остена. Это дало возможность Бисмарку скомпрометировать своего противника и добиться его отзыва. После этого Бисмарк, готовивший войну против Австрии, поручил Штиберу взять на себя обследование военного потенциала этой страны.

Отправившись в Австрию под видом странствующего торговца, он приобрел лошадь и бричку, которую нагрузил легким товаром — дешевыми статуэтками святых угодников, иконами и порнографическими картинками. Ни разу не заподозренный ни в чем полицией, Штибер, разыгрывая из себя «рубаху-парня», месяцами вращался в среде гражданских и военных австрийцев, выуживая сведения, которые обилием и точностью своих деталей поразили даже начальника генерального штаба прусской армии фон Мольтке. С помощью Штибера Пруссия в 1865 году разгромила австрийские войска и положила конец влиянию Австрии на Союз германских государств.

После этой победы Штибер становится руководителем отряда тайной полиции, созданной Бисмарком для обслуживания главного штаба.

Штабные дворяне, презиравшие шпионов, не пустили Штибера в офицерскую столовую. Тогда Бисмарк пригласил его к своему столу. Кроме того, он предложил Мольтке наградить Штибера орденом за отличную работу.

Мольтке пожаловал ему медаль, но после вручения извинился перед коллегами, что наградил презираемого ими человека. В ответ Бисмарк назначил Штибера на пост губернатора Брюнна (Брно), столицы Моравии в период прусской оккупации.

По просьбе Бисмарка и при его поддержке Штибер заложил основы германской контрразведки. Он ввел строгую цензуру всех писем и телеграмм, идущих с фронта. С целью поднятия духа армии и населения он организовал Центральное информационное бюро. В ежедневных сводках оно сообщало о тяжелых

потерях врага, о панике, царящей в его рядах, о болезнях, недостатке боеприпасов, о раздорах. Этой тенденциозной информацией Штибер наводнял не только Германию, но и другие европейские страны.

Заслуги Штибера не остались без высочайшего внимания. Король Вильгельм I, еще недавно гнушавшийся Штибером и относившийся к нему с недоверием, стал называть его своим «плохо понятым и недостаточно оцененным подданным» и тайным агентом, заслуживающим не только золота, но и общественного почета и военных отличий.

ЦЕННЫЕ ДОНЕСЕНИЯ «СЕВЕРЯНКИ»

Донесения от нее к ее агентам-связникам в ее же собственном доме передавались не из рук в руки, а через тайник в фигуре лежащего в гостиной льва. В кабинете же стоял настоящий живой конь с обвязанной соломой копытами. Недаром ее называли Безумная Бет...

В 1861 году началась гражданская война в Соединенных Штатах между федералистами, то есть «северянами», сторонниками упразднения рабовладельчества, и конфедерацией — объединением рабовладельческих штатов. Обе стороны широко использовали разведывательные и контрразведывательные службы, в тех и других было немало женщин.

Самой ценной разведчицей «северян» была мисс **Элизабет Ван-Лью.** Она родилась в 1818 году в Ричмонде, столице штата Вирджиния. Получив образование в Филадельфии, вернулась домой ярой аболиционисткой — сторонницей освобождения негров. Элизабет не скрывала своих убеждений, демонстративно освободив девять собственных невольников, нескольких негров выкупила из рабства, чтобы воссоединить с родными, находившимися во владении ее семьи.

Мать и дочь Ван-Лью были гостеприимными, обаятельными и щедрыми людьми, их передовые взгляды не ставились им в укор и у них было множество друзей и знакомых среди всех кругов местной знати. В последующей разведывательной работе Элизабет сыграют огромную роль ее связи: ведь Ричмонд был столицей Конфедерации, и все самые свежие новости стекались в гостиную Ван-Лью. Послеобеденные беседы гостей поставляли неоценимую информацию.

Элизабет Ван-Лью была женщиной слабого телосложения, невысокого роста, но представительной, живой и решительной, хотя это сочеталось в ней с внешней кротостью.

На решительный путь борьбы ее толкнула казнь Джона Брауна — знаменитого борца за освобождение негров. «С этого момента наш народ находится в состоянии войны», — записала она в своем дневнике. И она начала свою разведывательную деятельность. По собственной

инициативе Элизабет стала направлять федеральным властям одно письмо за другим, информируя их об обстановке, складывающейся на Юге. Одновременно с этим она бесстрашно выступала на улицах Ричмонда как ярая аболиционистка: отвергая возможность прикрыть себя маской «лояльной патриотки Юга», она демонстративно отказалась шить рубашки для солдат Вирджинии.

«Позорное» поведение мисс Ван-Льюю и ее матери клеймилось в газетах, вызывая порой яростный гнев толпы. Но большинству рядовых южан она казалась просто чудачкой, и основой ее поведения они считали безобидное помешательство, что и послужило причиной ее прозвища «Безумная Бет». Ее спасло то, что для заядлого южанина-вирджинца была непостижимой даже мысль о том, что, находясь в здравом уме, дама-аристократка может выступать против дела южан.

Донесения Элизабет были оценены по достоинству, и она стала постоянной и единственной сотрудницей разведки, действовавшей всю войну в тылу врага.

Для пользы того дела, которому она служила, Элизабет Ван-Льюю не гнушалась никакими средствами, подвергала постоянной опасности не только себя, но и мать и брата, растрачивала все нажитое ее семьей, не раз рисковала стать жертвой самосуда. Но хотя ее и обвиняли в аболиционизме и добром отношении к «северянам», ни один контрразведчик

не заподозрил в ней умелой и изобретательной руководительницы агентурной сети.

Прежде всего Элизабет наладила сбор информации. Помимо постоянных посетителей ее салона, она устанавливала связи с десятками людей, носителей тех или иных данных, которые ей могли пригодиться. Ее агентура была повсюду. Вот только один пример.

У Элизабет была молодая негритянка-рабыня Мэри Баусер, которую она отпустила на свободу за несколько лет до войны и, так как та была чрезвычайно умной девушкой, отправила ее на Север, где и оплачивала ее обучение. Но когда нависла угроза войны, Элизабет вызвала ее в Ричмонд и вскоре устроила официанткой в «Белый Дом» Юга, к самому президенту Джефферсону Дэвису!

Одним из источников полезной для Севера информации стала, как ни странно, военная тюрьма «Либби», где содержались взятые в плен «северяне». Они знали очень много о тактике южан, дислокации их частей, уязвимых позициях и так далее. Элизабет и ее мать,

войдя в доверие к коменданту тюрьмы лейтенанту Тодту, проникли туда под видом оказания гуманной помощи раненым, и вскоре к удивлению военного министерства информация оттуда полилась широким потоком.

Связь со своими добровольными помощниками Элизабет поддерживала самыми разнообразными способами. Записки с вопросами и ответами прятались в корзинах с продовольствием или в них завертывались склянки с лекарствами. Пленным передавались книги, которые через несколько дней возвращались обратно с незаметно подчеркнутыми словами. Иногда удавалось и лично побеседовать с пленными.

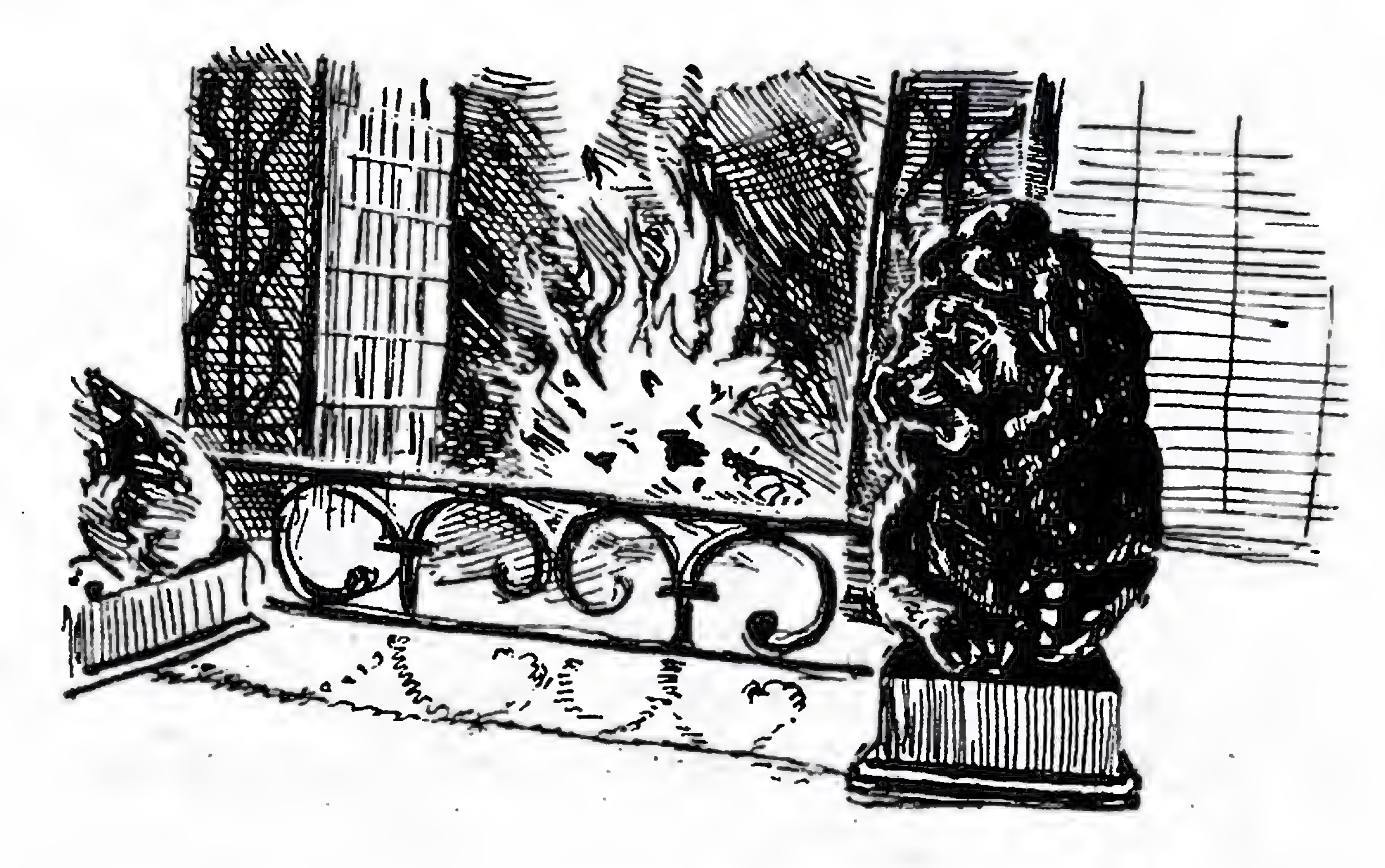
Несмотря на откровенно «антиюжное» поведение Элизабет и предъявляемые ей газетами обвинения, единственным официальным взысканием, которому подверглась «Безумная Бет», было запрещение посещать военную тюрьму. Такое случалось несколько раз. Тогда Бет наряжалась в свое лучшее платье и, как говорится, не мелочась, отправлялась прямо к генералу Уиндеру — начальнику контрразведки, или к Джуде Бенджамину — военному министру южан. Несколько минут ей приходилось выслушивать упреки в плохом поведении, каяться, что-то обещать и... дело кончалось тем, что Бенджамин или Уиндер, который был вправе подписать ей смертный приговор, подписывал разрешение на посещение военной тюрьмы! Бывали случаи, когда платье аристократки могло стать помехой, и Элизабет от-

правлялась на тайную встречу под покровом ночи, переодевшись сельской батрачкой.

Но собранную информацию надо было переправить в штаб «северян» генералу Шарпу. Для этой цели она создала пять точек связи. Начальным пунктом был ее собственный дом, где она составляла шифровки и прятала прибывающих с Севера агентов-связников. Иногда эти агенты не появлялись, а лишь доносились слухи о пойманных и расстрелянных шпионах. Тогда она отправляла через линию фронта своих слуг, которые вообще стали надежными помощниками в ее деле.

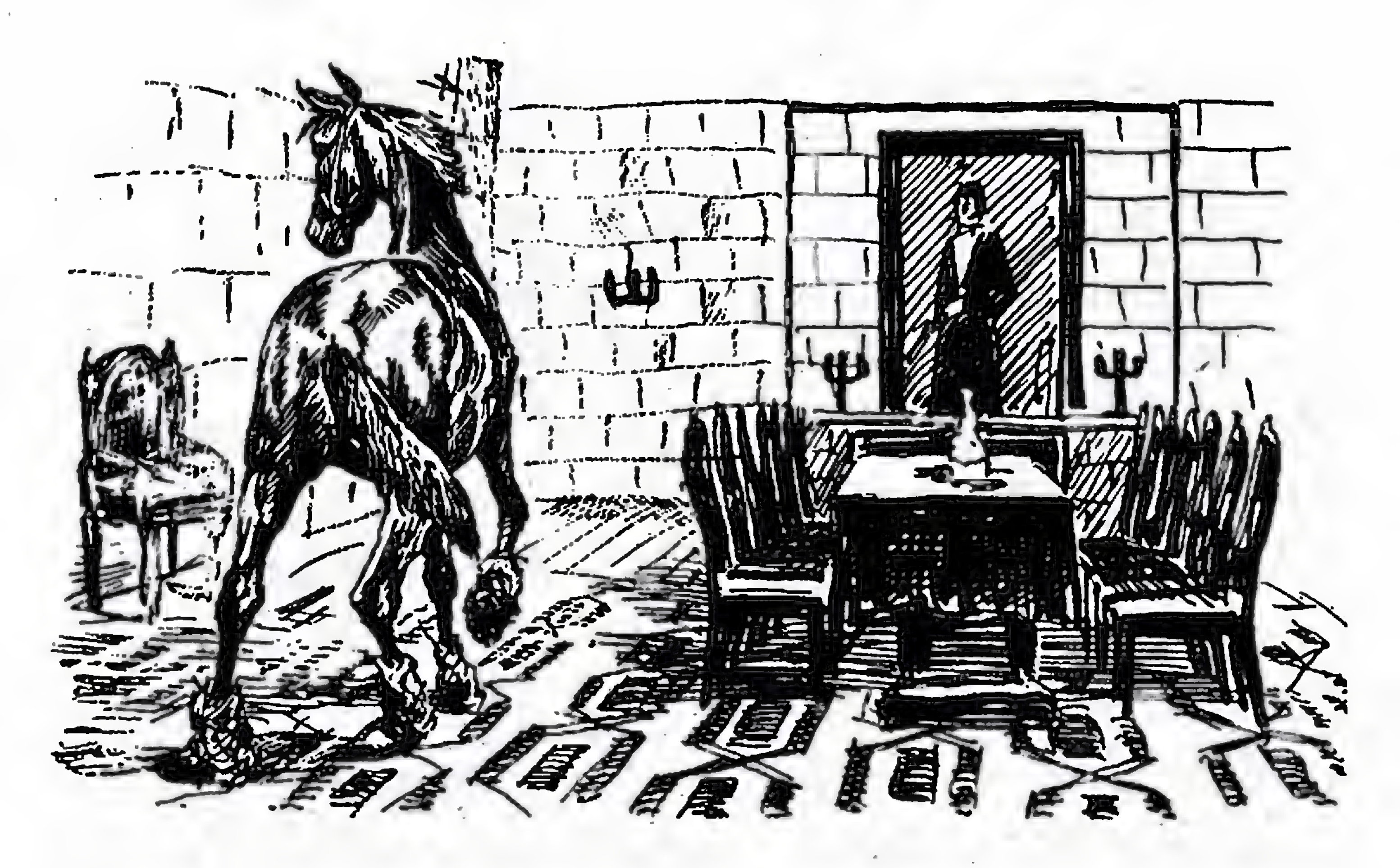
Секретные донесения Бет, зашифрованные ее личным кодом, часто бывали написаны рукой кого-нибудь из ее слуг. Для них она раздобыла военные пропуска, позволявшие им беспрепятственно передвигаться между ее домом в городе и фермой, где был один из переправочных пунктов. Слуги постоянно носили корзины с продуктами; в корзину с яйцами, например, вкладывалась пустая скорлупа с тонкой бумажкой внутри; молоденькая швея из дома Ван-Лью проносила через фронт донесения, зашитые в образчики ткани или в платье.

Видимо, учитывая склонность своих негритянских помощников к театральным эффектам, Элизабет придумала такой способ передачи донесений внутри своего дома: в библиотеке возле камина находилась фигура лежащего льва. Ее можно было поднять, как крышку коробки. Туда, как в почтовый ящик,

Элизабет опускала свои донесения. Прислуга, производя уборку, вынимала донесение и относила его на ферму Ван-Лью. Правда, эта театральность имела и юридический смысл: в случае провала служанка могла смело клясться на Библии, что никаких поручений от мисс Ван-Лью не имела и никаких документов от нее не получала.

Элизабет всегда считала, что нужно не уходить от опасности, а идти навстречу ей. Одно время военным комендантом заключенных военнопленных был капитан Гибс. Элизабет удалось поселить его с семьей в своем доме в качестве постояльцев и долгое время пользоваться его протекцией. Иногда поступки «Безумной Бет» действительно выходили за рамки разумного. Когда военное министерство южан с целью укрепить свою кавалерию стало конфисковать лошадей из частных конюшен, Элизабет спрятала свою последнюю лошадь в

кабинете, а чтобы заглушить стук копыт, обвязала их соломой.

Однажды Ван-Лью оказалась на грани провала. Один из агентов «северян» оказался провокатором и выдал южанам всех, с кем был связан. Однако люди, которых он предал, не выдали ее.

Перед падением Ричмонда по просьбе Элизабет ей переправили федеральный флаг. Когда войска южан оставили город, на улицы вышла бушующая толпа, и одним из объектов ее ненависти стал особняк Ван-Лью. Но Элизабет смело вышла навстречу толпе, в которой были и ее разъяренные соседи.

— Я знаю вас, Том, ... и вас, Билли, ... и вас, Джон, ... и вас, ... и вас. Через час здесь будет генерал Грант, и если вы причините хоть малейший вред этому дому или кому-нибудь из проживающих в нем, то ваши собственные дома запылают еще до обеда.

Толпа образумилась и разошлась. А вскоре передовой отряд «северян» вошел в столицу южан. Его встречал развевающийся над домом Ван-Лью большой федеральный флаг.

Дальнейшая жизнь Элизабет Ван-Лью была мрачной и безотрадной, хотя генерал Грант, ставший президентом, высоко оценил ее заслуги, обратившись к ней от имени правительства и армии Севера: «Вы слали мне самые ценные сведения, какие только получались из Ричмонда во время войны». Президент Грант назначил ее почтмейстером Ричмонда. На службе ее вынуждены были терпеть, но общество, которое она «предала», до конца дней не простило ей этого.

За услуги, оказанные ею армии федералистов, она не получила ни одного цента. Более того, ей даже не возместили понесенных ею затрат. После ухода президента Гранта с поста она была понижена в должности — стала мелким чиновником министерства почт, а затем лишилась и этого скромного заработка.

Последние годы «Безумная Бет» прожила в нищете. За ней преданно ухаживали верные негры, такие же жалкие бедняки, как и она.

СЕРЕНАДА В ЧЕСТЬ «ЮЖАНКИ»

Звездой конфедератского шпионажа безусловно можно назвать мисс **Белл Бойд**. Американский романист Джозеф Хергесхеймер пи-

сал о ней: «Мисс Белл Бойд была поистине пленительна в кринолине».

Эта прирожденная авантюристка, для которой опасные для жизни военные приключения были хлебом насущным, родилась в семье федерального чиновника в Мартинсберге, штат Вирджиния.

В июле 1861 года, когда уже шла гражданская война, ей только исполнилось семнадцать лет. Ее родной город Мартинсберг был захвачен «северянами». Однажды солдаты пытались водрузить над домом семьи Бойд федеральный флаг. Мать Белл воспротивилась этому и пыталась захлопнуть дверь перед их носом. Тогда федеральный унтер-офицер силой распахнул дверь и наговорил матери грубостей. Белл не выдержала этого и, по ее собственным словам, «...вскипела негодованием, выхватила пистолет и выстрелила в него. Его унесли смертельно раненным, вскоре он умер».

Федеральные офицеры произвели

вежливое расследование случайного убийства и, приняв во внимание возраст мисс Белл, признали его неумышленным.

Безнаказанность воодушевила мисс Белл, которая внушила себе, что она сильнее «янки». Вскоре она стала работать на разведку южан.

У корреспондента «Нью-Йорк Геральд» и федеральных офицеров, разместившихся в доме семьи Бойд, над которыми Белл явно издевалась, она без труда выуживала самые последние военные новости. Она переправила в штабы «южан» множество рапортов и донесений.

К 23 мая 1862 года она собрала чрезвычайно важные сведения о предстоящем наступлении федеральных войск: объединенные силы генералов Банкса, Майта и Фремонта должны были обрушиться на войска генерала Джексона. Эти сведения требовалось переправить срочно, не тайком, ночью, а средь бела дня. Она демонстративно нарядилась в темно-синее платье, белый чепчик и накрахмаленный передник, в таком виде прошла через боевые порядки федеральных войск и оказалась на нейтральной полосе под огнем. По ней стреляли из ружей, вокруг рвались снаряды — один из них разорвался в семи метрах от нее, сыпались осколки, но она благополучно прошла через это и призывно махнула своим белым чепчиком солдатам Первого Мэрилендского полка и Луизианской бригады, которые радостными возгласами приветствовали ее и приняли в свои объятия.

Генерал Джексон, которому немедленно доставили важное донесение, отнесся к нему со всей серьезностью: этот человек, в отличие от многих других, умел ценить усилия разведки и поступающую от нее информацию. Он сразу же принял меры — сконцентрировал на нужном направлении все свои отряды и разбил наступающие части «северян».

Вскоре девушке было вручено послание:

«Мисс Белл Бойд!

Благодарю Вас от имени моего и всей армии за огромную услугу, которую Вы оказали сегодня Вашей Родине.

Всегда Ваш друг Т. Д. Джонсон, командующий южной армией».

После этого феноменального успеха Белл Бойд продолжала оказывать помощь армии «южан». Но вскоре она допустила роковой промах, доверив свое донесение агенту Севера. Оно было вручено военному министру Федерации Стэнтону, который тут же направил сыщика федеральной разведки Криджа для ареста Белл Бойд и ее доставки в Вашингтон. Крилж, грубый и жестокий человек, никак не поддался чарам юной красавицы и в точности исполнил приказ.

Однако Белл повезло. Некоторое время спустя ее обменяли на арестованного на Юге шпиона «северян». Белл отправили в столицу Конфедерации Ричмонд, где для ее встречи был выстроен караул, а вечером под ее окнами городской оркестр сыграл серенаду.

Дальнейшая судьба очаровательной шпионки — это типичный хэппи-энд. Она отправилась в морское путешествие, побывала в Англии, где встретилась с федеральным морским офицером Уайльдом Хардингом. Его чувства к ней оказались столь сильными, что он, не задумываясь, вышел в отставку, и вскоре мисс Бойд стала миссис Хардинг. Она ни в коей степени не стыдилась своей славы «шпионки мятежников» и прожила многие годы в довольстве и известности, проведя ряд выгодных турне для чтения лекций о своих подвигах.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Лоуренс Аравийский
Успехи немецких диверсантов
Жестокая «Фрау Доктор»
Эта знаменитая Мата Хари

ЛОУРЕНС АРАВИЙСКИЙ

Одна из самых блестящих и романтических фигур в истории разведки — это сэр **Томас Эдвард Лоуренс.** Он был равнодушен к женщинам и деньгам. Он любил только себя и Британскую империю, которым верно служил. О себе он сказал: «Я в общем-то похож на пешехода, который ловко увертывается от автомобилей, движущихся по главной улице».

Он родился 15 августа 1888 года в небогатой английской семье. Учился в Оксфорде, вначале в школе, а потом в университете. Школу он, по его словам, «ненавидел от всей души», так как она отвлекала его от главного — чтения книг о крестовых походах и археологии. Эти два предмета он знал досконально, как и все то, что касалось Ближнего Востока, куда направлялись крестоносцы и где было много объектов для археологических поисков.

В 1910 году Лоуренс, к тому времени уже сотрудник английской разведки, обосновался на Арабском Востоке. Он тщательно изучил быт, нравы и обычаи арабов, их религию, прекрасно знал арабский язык и наречия

Лоуренс Аравийский

многих бедуинских племен. На Аравийском полуострове не осталось, пожалуй, ни одного местечка или оазиса, где бы он не побывал. Со всеми вождями арабских племен он установил приятельские отношения (трудно сказать «дружеские», так как в этой «дружбе» каждый искал свою выгоду). Лоуренс вызнал сильные и слабые стороны всех вождей, знал, кого и чем можно соблазнить.

Какую же цель преследовал Лоуренс?

Дело в том, что все арабские земли и проживавшие там народы находились в то время под господством Турции. А с началом Первой мировой войны свою лапу протянула туда Британская империя. Но воевать с турками английским регулярным войскам, привязанным к своим базам, в этих пустынных местах было неудобно. Нужны были небольшие подвижные группы, которые привыкли к жизни в безлюдной и безводной пустыне и могли бы свободно пробираться по вражеским тылам, совершать диверсии. Кроме того, это давало возможность воевать с турками чужими руками, сохраняя основные силы на других фронтах.

Созданием таких «летучих» повстанческих сил и занялся Томас Лоуренс. Белокурый и голубоглазый, он никак не походил на араба. Но одетый в бурнус с наполовину закрытым лицом, загорелый и превосходно владеющий языком, он легко сходил за бедуина. А твердая воля, склонность к авантюризму и интригам, лицемерие, честолюбие и упорство в достижении цели

позволяли ему становиться лидером в любом сообществе. К тому же он обладал большими деньгами, которыми снабжала его британская разведка. Лоуренс питался одной пищей с арабами и жил в тех же условиях, что и они. Своих последователей-разведчиков он поучал: «Вам придется чувствовать себя как актеру, играя свою роль днем и ночью в течение ряда месяцев, не зная отдыха и с большим риском».

Иногда Лоуренс проводил вечер с одним шейхом, затем садился на верблюда, ехал всю ночь и утром встречался с другим. Разговаривать с ними было не всегда легко.

В своих инструкциях, названных «27 статей», он писал:

«Добейтесь доверия вождя и удерживайте его. Укрепляйте, если можете, престиж вождя перед другими за свой счет. Никогда не отказывайтесь и не разбивайте тех планов, которые он может предложить. Всегда одобряйте их, а похвалив, изменяйте мало-помалу, заставляя самого вождя вносить предложения до тех пор, пока они не совпадут с вашим собственным мнением».

Действуя умело, тактично и напористо, Лоуренс сумел стать любимцем саудовского короля Хуссейна, а затем и его сына Фейсала, руководящего многими племенами. Он подсказал им лозунг: «Объединение арабов для борьбы с Турцией». Под этим лозунгом было поднято восстание и создана боеспособная армия, снабженная британским оружием. Восстанием фактически руководил Лоуренс, получивший звание полковника и прозвище «Лоуренс Аравийский». Его голова была оценена турками в двадцать тысяч фунтов стерлингов. Отряды Фейсала — Лоуренса причинили большой ущерб турецкой армии.

В своих мемуарах Лоуренс выставлял себя сторонником национально-освободительной борьбы арабов за независимость. В действи-

тельности же его беспокоили лишь интересы Великобритании, стремившейся захватить новые колонии. Можно ли осуждать за это англичанина, воспитанного на традициях Британской империи и верящего в то, что «My country is my country, good or bad, but it is my country!» — «Моя страна — это моя страна, хорошая или плохая, но это моя страна!».

В итоге Первой мировой войны, в том числе и деятельности Лоуренса, Великобритания получила новые колонии: Ирак, Палестину, нефтяную и военно-морскую базу в Хайфе, закрепила свое господство на Аравийском полуострове. Она лишится всего этого после Второй мировой войны, но тогда это было триумфом Британской империи и лично полковника Лоуренса.

После войны Лоуренс занялся другими делами. Одним из них стало новое задание, которое он выполнял, находясь в Индии на границе с Афганистаном.

В то время эмиром Афганистана был Аманулла, который пытался провести в стране некоторые реформы. Но Англию это не устраивало, и было решено любыми способами устранить его, посадив на престол другого эмира, послушного британским колонизаторам. Этим в 1927-1928 годах и занялся полковник Лоуренс.

Он наладил связь с разбойником и головорезом Бачайи Сакао, которого характеризует тот факт, что он убил собственного отца, жену,

муллу, не считая десятков других людей. На него-то и сделал ставку Лоуренс. Он пообещал Сакао афганский трон, если тот поможет сбросить Амануллу.

Лоуренс разработал и провел в жизнь коварный план с целью вызвать всеобщее недовольство Амануллой, прежде всего у правоверных мусульман. Агенты Лоуренса и Сакао стали агитировать против Амануллы и его реформ: он-де нарушает законы Пророка — отвергает ношение чалмы, исламские одежды, заставляет женщин снять чадру, велит им ходить в школы, разрешает мужчинам брить бороду и усы, хочет, чтобы люди лечились у врачей и т. д.

Эти, на наш взгляд, нелепые обвинения (кстати те же, с которыми сейчас выступают талибы и ваххабиты в Афганистане и Чечне) сыграли свою роль. Темное, неграмотное население поднялось против Амануллы.

Масла в огонь добавили распространенные Лоуренсом через своих агентов фотографии девиц, сидящих в откровенных позах на коленях мужчин. Подписи под этими фотографиями также обвиняли Амануллу в нарушении «святых велений Пророка и Священного шариата».

А затем Лоуренс распространил по всему Афганистану прокламацию от имени всех правоверных мусульман, провозглашающую свержение Амануллы и признание новым правителем Бачайи Сакао.

Бачайи Сакао захватил Кабул, возгласил себя эмиром и развернул активную антисоветскую деятельность. Базируясь на территории Афганистана, двадцать тысяч басмачей начали совершать бандитские налеты на советские республики Средней Азии — Таджикистан, Туркмению, Узбекистан.

Считая свою задачу выполненной и понимая, что бандит Сакао долго у власти не продержится, полковник Лоуренс в начале 1929 года поспешил в Лондон. Он подал в отставку и занялся писанием мемуаров. Но своих настроений не изменил. Он намеревался встретиться с Гитлером и установил контакт с вождем английских фашистов Освальдом Мосли.

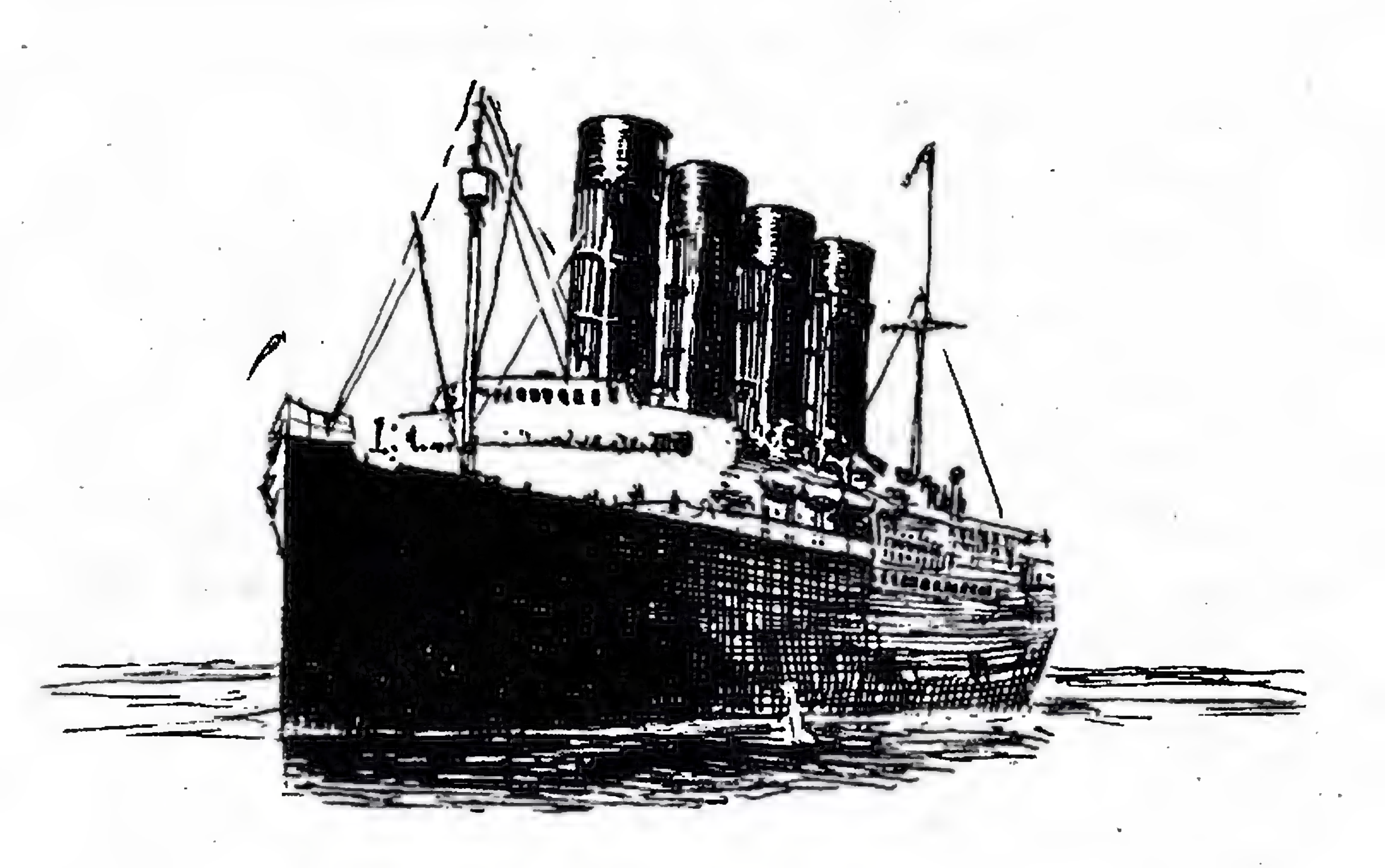
Однако трагическая катастрофа во время поездки на мотоцикле 19 мая 1935 года прервала его деятельность. В возрасте сорока семи лет сэр Томас Эдвард Лоуренс, полковник, похоронен в лондонском соборе Святого Павла среди британских военных героев и артистических знаменитостей.

УСПЕХИ НЕМЕЦКИХ ДИВЕРСАНТОВ

Во время Первой мировой войны единственным серьезным достижением немецкой разведки были **диверсионные акты**, которые она организовала и провела против Соединенных Штатов. Это была настоящая война, начатая еще задолго до вступления США в войну. В первую очередь она велась подводными лодками, и ее жертвами стали суда, перевозившие грузы, которые могли использоваться в военных целях. Подводной лодкой был потоплен и знаменитый пассажирский пароход «Лузитания», который одновременно с пассажирами перевозил боеприпасы. Множество людей при этом утонуло. Гибель «Лузитании» потрясла весь мир.

Американские корреспонденты сообщали из Германии, что немцы цинично реагировали на гибель людей.

— Поделом им, — говорили они о погибших американцах. — Зачем им было плыть на пароходе с боеприпасами? Люди, плавающие на кораблях с боеприпасами, должны ожидать, что их взорвут.

Многим судам все же удавалось ускользнуть от подводных лодок. Вот тогда-то немецкая разведка и решила, что **диверсии** должны совершаться на берегу.

Руководил германскими диверсантами флотский капитан Франц Ринтелен фон Клейст. О своих делах он сам поведал после войны в книге «Секретная война. Записки немецкого шпиона».

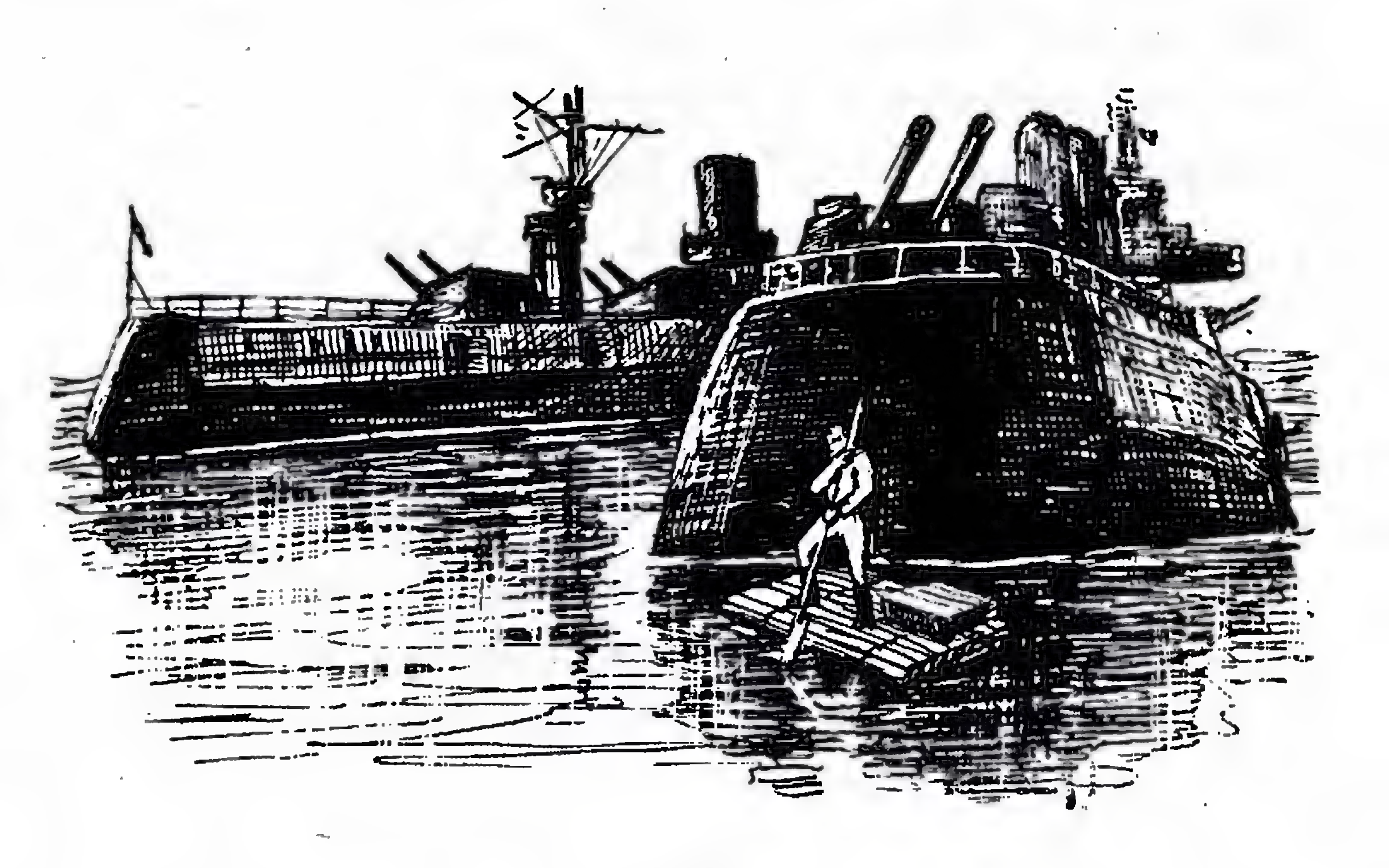
Это был умный, энергичный человек, умелый руководитель, корректный и приятный в общении. Прибыв в Америку, Ринтелен подобрал и завербовал многих агентов из числа патриотически настроенных немцев, местных жителей. Он снабжал своих **диверсантов** свинцовыми трубками, серной кислотой и сахаром, из которых они делали мины.

Замаскированная под сигару мина вызывала пожар в бункере судна, груженного боеприпасами, после его выхода в море. Пожар не всегда приводил к взрыву, иногда его удавалось залить большим количеством воды, однако при этом боеприпасы частично выходили из строя. Не случайно многие американские снаряды в боевой обстановке не взрывались. Это вызывало обиду на американцев и дополнительные раздоры между союзниками.

Адские машины маскировались также под консервные банки, детские игрушки или обыкновенные куски каменного угля.

Один из главных помощников Ринтелена, лейтенант Фэй, изобрел бомбу, которая прикреплялась к рулю корабля. Взрыв происходил в открытом море, руль отваливался, корма оказывалась разрушенной, корабль терял управление и становился добычей ветра и волн. Одной команде удалось покинуть корабль, другая успела подать сигнал бедствия, и пароход отбуксовали в порт.

В нью-йоркском порту поняли причину взрывов, и Фэй уже не смог, как раньше, пользоваться моторной лодкой, чтобы подплыть к намеченному судну. Он стал мастерить плот. Ночью он подплывал к кораблю и прикреплял мину к рулю. Ему удалось совершить несколько успешных диверсий в Нью-Йорке и других портах.

Но вскоре количество судов стало так велико, что Ринтелен и его помощники уже не могли справляться. К тому же стала активнее действовать американская контрразведка.

Когда США вступили в войну, Ринтелен выехал в Германию. По пути был снят с парохода, посажен в английскую тюрьму, а затем выдан американцам. Ринтелена осудили всего на четыре года тюрьмы, так как его преступления были совершены еще до вступления Америки в войну.

ЖЕСТОКАЯ «ФРАУ ДОКТОР»

Доктор **Элизабет Шрагмюллер**, пресловутая «Фрау Доктор», была одной из знаменитых шпионок. Однако сама «Фрау Доктор» вряд ли «ходила в разведку» лично. Она была выдающимся организатором, основательницей первой **разведывательной школы** в истории, проводившей методичную подготовку шпионов и ставшую примером для разведок всего мира.

Школа начала действовать во время Первой мировой войны в оккупированном Антверпене, который стал центром германского шпионажа, и ей были предоставлены солидные фонды и неограниченные возможности для успешной работы.

«Фрау Доктор» не только обучала и тренировала разведчиков. Она также руководила сетью агентов.

Вскоре после того как она заняла пост в разведцентре в Антверпене, она убедилась, что многие разведчики плохо подготовлены. Некоторых из них к этому времени поймали и расстреляли в лондонском Тауэре. Шпионы, с которыми «Фрау Доктор» встретилась на первых порах, были наемниками, заботившимися о том, чтобы заработать максимально при минимальном риске.

Доктор Шрагмюллер — ее никто уже не называл Элизабет — принялась за реорганизацию разведывательного центра с хорошо рассчитанной жетокостью, решив, что в целях наведения дисциплины в этой разношерстной компании должна заставить своих разведчиков и агентов бояться ее больше, чем противника.

В этом она преуспела. Стоило ей заподозрить кого-либо в недобросовестности или малейшей неискренности, она направляла этого человека на сравнительно легкое задание. Как только агент оказывался на вражеской территории, «Фрау Доктор» делала так, чтобы контрразведывательная служба противника узнавала о прибытии «нежелательного гостя». Агента тут же арестовывали, и имелось достаточно улик для предания его суду. Во Франции разоблаченных агентов, как правило, расстреливали, иногда гильотинировали, в Англии вешали или расстреливали.

Это производило потрясающее впечатление на учеников доктора Шрагмюллер, ко-

торых не вводили в заблуждение о том, как и почему их сотоварищ погиб. Таким путем «пропалывалась от сорняков» почва в школе «Фрау Доктор».

Однажды произошла такая история. Союзники предпринимали огромные усилия, чтобы проникнуть в антверпенский центр. После многочисленных усилий им удалось внедрить туда бельгийца. Это казалось бесценным достижением.

Вскоре после того как он завоевал доверие фрау Шрагмюллер (или ему показалось так), он услышал от нее, что она направила в Шотландию одного из своих лучших агентов. Из Шотландии тот должен был добраться до Парижа. Бельгиец срочно сообщил об этом в Париж и в Лондон. В Шотландии решили агента не трогать, и он, как это было ему приказано, отправился в Париж. Но в результате недоразумения был арестован в Дюнкерке излишне старательным французским офицером и обвинен в шпионаже.

Какими-то таинственными путями «Фрау Доктор» узнала об этом через два дня. Она вызвала бельгийца в свой офис и рассказала о невероятно быстром провале агента. Она также сказала, что только два человека знали о его миссии: она и бельгиец, стоящий перед ней. При этих словах «Фрау Доктор» спокойно достала револьвер из ящика стола и застрелила бельгийца, даже не выслушав его оправданий.

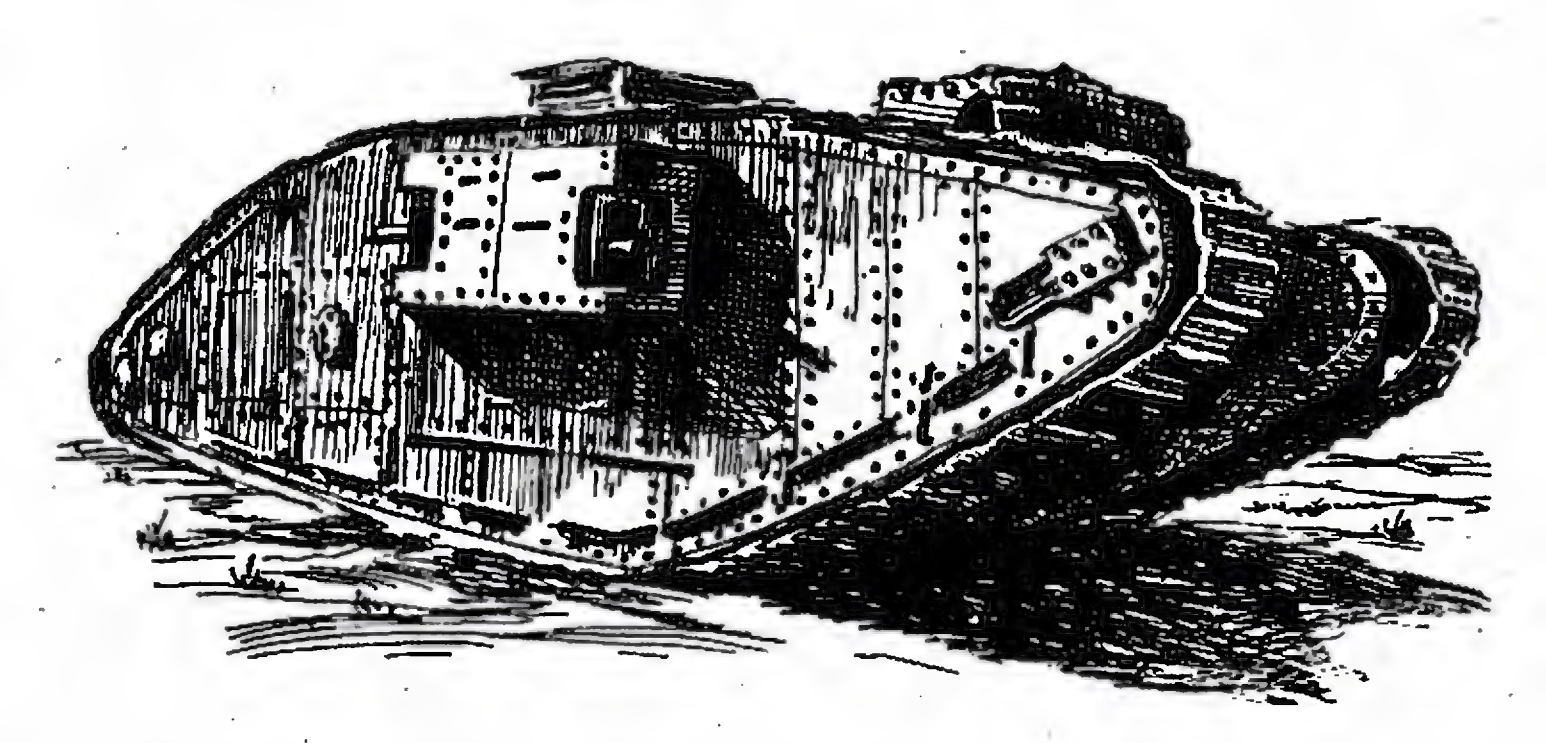

Доктор Шрагмюллер вообще была примечательной женщиной. Именно она первая услышала о том, что союзники намереваются применить новое секретное оружие — танки.

Три рапорта направила «Фрау Доктор» начальнику германского Генерального штаба генералу фон Фалькенхайну относительно английских танков. В последнем рапорте она подробно описала их устройство и вооружение. Но технические советники генерала объявили эти рапорты фантастическими и не заслуживающими внимания. Один эксперт расценил танки как трюк и в комментарии написал: «Этот так называемый танк бесполезен в бою против артиллерии и мощных мин».

Вскоре, в битве при Камбрэ, англичане использовали три сотни «бесполезных» танков. Они разгромили Вторую германскую армейскую группу. Многие специалисты утверждали впоследствии, что это стало поворотным пунктом Первой мировой войны.

Доктор Шрагмюллер изобрела несколько хитроумных кодов для передачи информации

из Англии в ее штаб-квартиру. Вот пара примеров. Двое ее агентов, Маринус Джансен и Ганс Рооз, работали в Англии под видом представителей табачной фирмы «Диркс и Компания». «Дело», которым они занимались в задней комнате небольшого офиса в Лондоне, было организовано доктором Шрагмюллер еще до войны.

Британские почтовые цензоры часто испытывали подозрения относительно множества писем, которые получал этот офис, и огромных заказов на сигары. Потребность в них была немыслимой. Еще более немыслимым было количество заказов из военно-морских портов — Портсмута, Чэтама, Девенпорта и Дувра. Эти заказы поступали к Джансену и Роозу, имевшим голландские паспорта. Затем пересылались в главный офис «Диркс и Компания» в Роттердам. Британские агенты в Голландии без особого труда установили, что роттердамская фирма являлась в действительности отделением организации доктора Шрагмюллер. Код, придуманный ею, был достаточно прост. Джансен и Рооз, к примеру, направляли телеграмму,

запрашивая о высылке сигар: «10000 Гаванна», «4000 Ротшильд», «3000 Коронас». Телеграмма поступала из Портсмута. Это означало, что в его гавани находятся десять миноносцев, четыре крейсера и три линкора.

Джансен и Рооз были арестованы, приговорены к смерти и расстреляны.

Другой код доктора Шрагмюллер был связан с использованием филателии. Она направила двоих своих лучших агентов, Иозефа Маркса и «Сюзетту», подлинное имя которой так и не было рассекречено, в Лондон. Они имели фальшивые голландские паспорта, большую сумму денег и альбом марок. Код, который предложила им доктор Шрагмюллер, был позднее скопирован многими спецслужбами всего мира.

Иностранные марки символизировали собой военно-морские соединения, вооружение, порты, укрепления, боеприпасы и даже людей. Перуанская марка 1897 года, изображавшая мост в Паукартамбо, представляла военно-морской порт в Ферт-оф-Форте, марка, выпущенная в Гаити в 1904 году, на которой были нарисованы вооруженные люди, означала военное снаряжение. Марки Британской империи и французских колоний изображали те или иные условности кода. Немецкие шпионы лишь вставляли в нейтральный текст нужные цифры или указывали их в количестве марок, которые они хотели бы купить или продать.

Все это, на взгляд непрофессионала, представляло собой набор специальных терминов и

жаргонных выражений, знакомых лишь заядлым филателистам. Таким приемом Иозеф и «Сюзетта» ухищрялись направлять специфическую информацию об оборонных силах Великобритании, но в конце концов Маркс был обнаружен и арестован британской контрразведкой. Он сказал своему следователю, что английская тюрьма теперь для него — единственно безопасное место, где он может укрыться от «этой женщины из Антверпена». Маркс был осужден, а «Сюзетту», хитроумную француженку, ученицу «Фрау Доктор», так и не удалось схватить.

Какова дальнейшая судьба «Фрау Доктор»? По одной версии она в 1934 году умерла в цюрихской богадельне, в Швейцарии, по другим данным знаменитая шпионка до своей смерти, последовавшей в 1940 году, жила в Мюнхене, где была профессором университета.

ЭТА ЗНАМЕНИТАЯ МАТА ХАРИ

Маргарет Гертруда Целле родилась 7 августа 1876 года в голландском городке Лауварден в семье шляпного мастера. Вскоре отец разорился и куда-то исчез, мать умерла. Сироту взял на воспитание дядюшка. Девушка подрастала, и убогая провинциальная жизнь все больше претила ей. Она мечтала о приключениях, о дальних странах. Как-то раз, читая брачную газету, наткнулась на предложение руки

Мата Хари

и сердца некоего капитана колониальных войск Рудольфа Маклеода. Некоторое время спустя она уже в качестве его жены постигает экзотику сначала Суматры, а затем Явы. Муж проявил себя недобрым, жестоким человеком. Доведенный им до отчаяния денщик попытался отравить детей. Сын Норман погиб, дочь Гертруду едва удалось спасти. Не избежала жестокостей мужа и Маргарет. В 1903 году она уехала в Европу. Дочку муж отсудил и оставил при себе.

В Париже она устроилась наездницей в цирк, а вскоре перешла в эстраду, используя для этого не только несколько загадочную «восточную» внешность и прекрасную пластичность, но и некоторые познания в области ритуальных танцев дикарей Явы и Суматры. Директор цирка помог организовать ей выступление в великосветских салонах. Она взяла экзотическое имя **«Мата Хари»**, точный перевод которого никому не известен, но разными авторами трактуется как «утренний» или «пробуждающийся» взгляд, или «око утра», или «глаз утренней зари», или что-то в этом роде.

Невиданное зрелище восточных танцев, к тому же со стриптизом, потрясло предвоенную

Европу. Париж, Вена, Берлин, Амстердам, Рим, Монте-Карло лежали у ее ног. Деньги сами текли в кошелек Мата Хари, она приобретала виллы, ценные бумаги, потом, правда, все это куда-то исчезло, и она оказалась в долгах, вынужденная сбегать от кредиторов. Пыталась поступить в гастролирующую в Европе труппу Дягилева, но безуспешно.

Видимо, сочетание всех этих качеств — таинственность, красота, связи в самых высоких кругах, нужда в деньгах — и привлекли к ней внимание разведок.

Но стала ли она **шпионкой**, и если да, то чьей и когда, и опять же, если да, то снабжала ли своих хозяев действительно ценной информацией или только числилась по «шпионскому ведомству» и получала от него деньги?

Кем была Мата Хари в действительности — шпионкой, авантюристкой, жертвой неправедного суда, кому она служила? На вопрос гипотетического следователя: «На кого вы работаете?» — она могла бы, пожалуй, честно ответить: «На себя», и была бы недалека от истины.

Постараемся, однако, рассмотреть хотя бы несколько из многочисленных существующих версий.

По одной из них считается, что Мата Хари стала немецкой шпионкой еще задолго до войны 1914 года, сразу же после развода с капитаном Маклеодом, когда ей впервые понадобились собственные средства, хотя бы и скромные. В пользу этой версии говорит тот факт,

что у германской разведки она значилась как «агент Н-21», а буквой «Н» обозначались лишь старые, довоенные агенты. Тем же, которые были приобретены после начала военных действий, присваивался индекс «AF». Других подтверждений этой версии нет, а ведь немцы, несмотря на свою педантичность, могли и сварьировать, присвоив ей, например, какой-нибудь резервный псевдоним. Во всяком случае, сведений об утечеке в Германию через Мата Хари каких-либо довоенных французских секретов обнаружено не было.

По другой версии, в июле 1914 года, за несколько недель до начала военных действий, Мата Хари выехала из Парижа в Германию, где ее и застала война. В день объявления войны танцовщицу видели завтракающей в ресторане с главой берлинской полиции. Это впоследствии и явилось основанием утверждать, что она им-то и была тогда завербована. Сама же Мата Хари дает этому факту весьма простое объяснение. На суде она показала: «В Германии полиция имеет право цензуры над театральными костюмами. Меня находили слишком обнаженной. Префект зашел осмотреть меня. Тогда же мы и познакомились».

К этому можно добавить, что глава полиции, человек известный в городе, вряд ли стал бы показываться в обществе не менее хорошо известной женщины, если бы она была его агентом. К тому же полиция всегда стояла далеко от шпионажа, тем более военного.

Далее. Существует версия, что Мата Хари была завербована во время войны германским военным атташе в Мадриде Гансом фон Калле, в любовницах которого она какое-то время состояла. Эта версия до некоторой степени похожа на правду, ибо, впоследствии, именно из Мадрида шли роковые для Мата Хари шифровки. Более того, в качестве варианта рассказывали о том, что участие в этой **вербовке** принимал будущий адмирал Канарис, в то время скромный капитан подводной лодки, а позднее руководитель военной разведки гитлеровской Германии. Когда друзья расспрашивали об этом факте, он только скромно улыбался в ответ.

Некоторые утверждали, что она завербована в Мадриде бароном фон Мирбахом.

Есть и другие версии того, как Мата Хари стала немецкой шпионкой. Но читатель вправе сказать: в конце концов неважно, как она стала шпионкой и кто ее первым завербовал. Важно то, какую пользу она принесла Германии и какой ущерб нанесла Франции, заслуживала ли она славы самой выдающейся шпионки и смертного приговора? К этому вопросу мы еще вернемся.

Мата Хари всегда нуждалась в деньгах: ее расходы превышали доходы. Но где взять деньги? И она принимает парадоксальное и роковое для себя решение: «Если германская разведка ни за что выложила мне такую большую сумму, почему бы не попробовать подоить и французскую?»

Мата Хари отправляется на прием к начальнику контрразведки капитану Ляду, благо повод для такого визита имелся: ей понадобился пропуск в прифронтовой город Виттель, куда ее давно приглашал мэр, и к тому же она намеревалась пройти там курс лечения.

Она переговорила с капитаном Ляду и поступила на службу во французскую разведку, ничего не сказав о том, что уже числится в штате германской.

Новоиспеченный агент получил задание сначала отправиться в Испанию, а оттуда — в Бельгию.

При расставании капитан Ляду многозначительно намекнул ей о том, что нельзя работать на два фронта, надо выбрать один, иначе дело может кончиться плохо. Мата Хари ответила витиеватой восточной фразой, из которой следовало, что она будет верой и правдой служить французской разведке.

Отпуская Мата Хари в Испанию, Ляду действовал почти наверняка: французская разведка знала шифр, по которому германский военный атташе в Мадриде сносился с верховным командованием в Берлине.

И действительно, некоторое время спустя взволнованный офицер принес Ляду расшифрованную телеграмму:

«В Мадрид прибыл агент Н-21. Ему удалось поступить на французскую службу. Он просит инструкций и денег (опять денег! — *И. Д.*). Сообщает следующие данные о распо-

ложении полков... Указывает также, что французский государственный деятель N находится в близких отношениях с иностранной принцессой...»

В ответной телеграмме германского штаба предписывалось:

«Предложите агенту Н-21 вернуться во Францию и продолжать работу. Получить чек Кремера в 5 тысяч франков на Контуар д'Эсконт».

Для судьбы Мата Хари эти малозначительные телеграммы оказались решающими — французская контрразведка получила подтверждение того, что именно она является немецким агентом Н-21.

Но в то же время Мата Хари оказала ценную услугу французской разведке. От своего любовника, германского резидента Ганса фон Калле, она узнала, что немцам известно о намеченной англичанами высадке десанта в Марокканском порту с помощью подводной лодки, и германское командование готовит разгром десанта. Она немедленно направилась к французскому резиденту в Мадриде полковнику Данвиню и сообщила ему об этом. Полковник направил шифровку в Париж. Немцы перехватили радиограмму и расшифровали ее. Поняв, откуда «дует ветер», руководство разведки сделало суровый выговор Гансу фон Калле, а тот, в свою очередь, крепко отругал свою возлюбленную. Та, сразу сообразив в чем дело, сделала правильный вывод: вновь побежала к

Данвиню и поставила его в известность о печальном факте — немцы знают французские шифры и читают французские радиограммы. Одно это, не считая того, что своим первым сообщением она спасла жизни сотням солдат и матросов, Мата Хари заслужила тот миллион, который обещал Ляду. Но «благодарность», полученная ею, оказалась иного рода.

Вскоре после рождественских праздников 1916 года, отмеченных в Испании, несмотря на военное время, пышно и торжественно, Мата Хари отправилась в Париж. Все хотели этой поездки: немцы потому, что она сулила им поступление интересной информации, французская контрразведка потому, что «птичка» сама летела в подготовленную ей западню, а Мата Хари потому, что надеялась получить заслуженный ею миллион. Но ровно через месяц за ней пришли. 13 февраля французская полиция арестовала ее по обвинению в шпионаже в пользу Германии.

Теперь самое бы время сказать об ущербе, который обвиняемая причинила Франции. Но дело в том, что свой вердикт: «виновна» к этому времени уже вынесли, как это нередко бывает, средства массовой информации — французская пресса. Захлебываясь от душераздирающих и щекочущих воображение обывателя подробностей, они обвиняли Мата Хари в том, что вследствие ее работы были потоплены семнадцать военных союзных кораблей и погибло не менее дивизии союзных войск. Положение несчаст-

ной женщины усугублялось тем, что все эти обвинения ложились на благодатную почву общественного мнения, взбудораженного провалом так называемой «операции Нивеля» — весеннего наступления французских войск, в неудаче которого прежде всего обвиняли немецких шпионов — и в первую очередь Мата Хари. Союзники потеряли в этой операции свыше двухсот двадцати тысяч солдат и офицеров.

Специалисты и военные эксперты назвали главные причины провала «операции Нивеля»: длительная подготовка операции при игнорировании оперативной и тактической маскировки, применение устаревших методов штурма живой силой, недооценка имевшихся у германского командования пятидесяти двух дивизий стратегического резерва. После провала наступления Нивель и ряд других генералов были смещены и уволены из армии.

Но как заманчиво было объяснить этот грандиозный провал предательством несчастной женщины, арестованной за два месяца до наступления, а еще за месяц до этого находившейся во власти своих личных проблем и к тому же лишенной связи с немецким командованием! Как важно было найти «козла отпущения»! Народ жаждал крови в отместку за пролитую на полях сражений.

Она была обвинена в выдаче секретов, относящихся к этому наступлению, а также в получении денежных сумм от немцев, и единогласно приговорена к смертной казни.

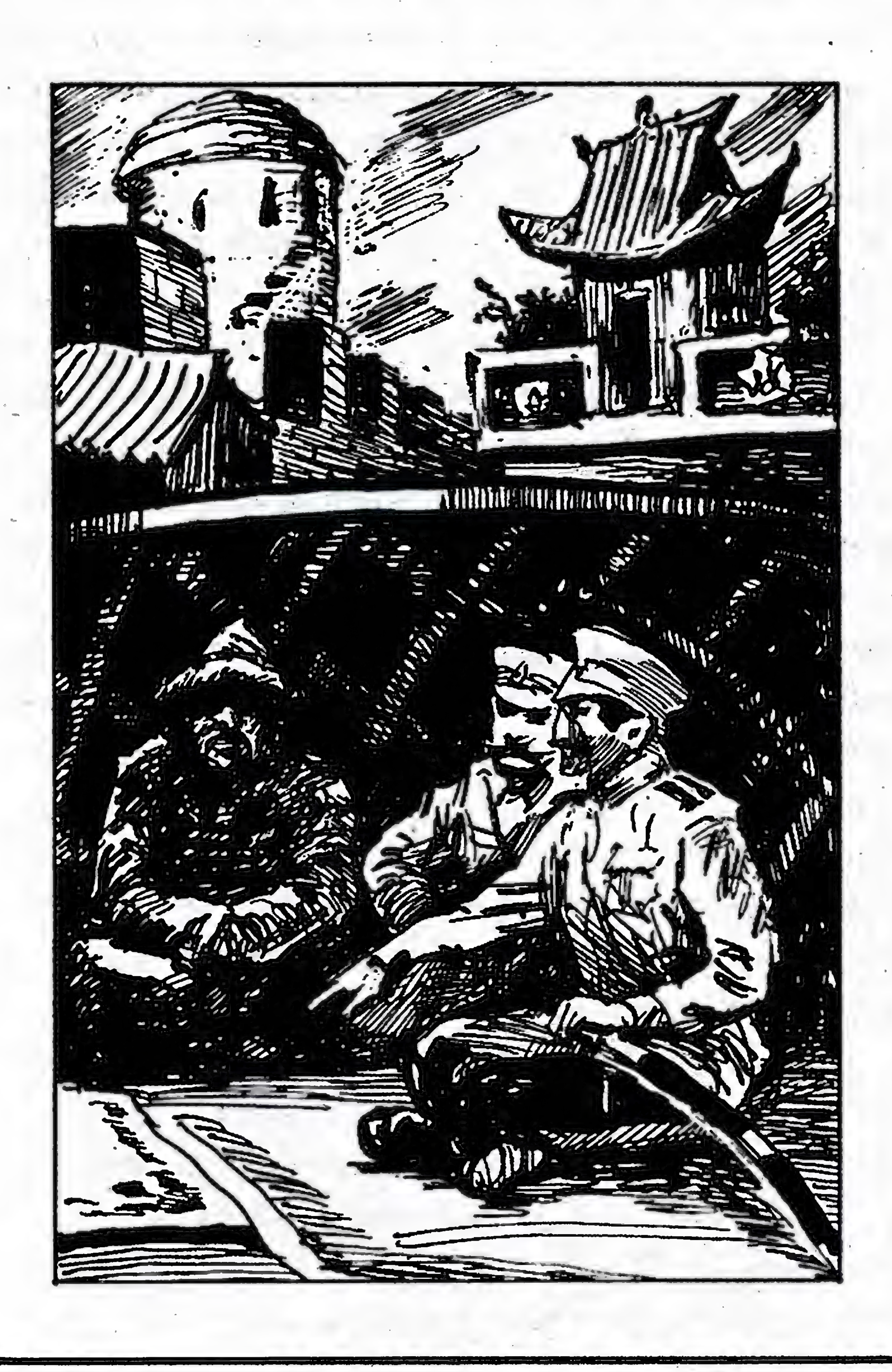
Своей смерти Маргарет Целле ждала в одиночной камере Сен-Лазарской тюрьмы. Но до последнего часа она играла роль той же Мата Хари — исполняла ритуальные танцы перед пришедшими утешить ее и обратить в свою веру монашками, доктору обещала открыть три секрета: один даст ему любовь, другой золото, третий вечную жизнь, а предложение старика адвоката заявить о том, что она якобы беременна от него, встретила громким хохотом.

Ранним утром 15 октября ее разбудили. Она капризно воскликнула: «Как? Так рано! На рассвете! Что за манера?» Отказалась от сигареты, но выпила стакан грога. На предложение пастора помолиться заявила: «Я не желаю прощать французам. Впрочем, все равно. Все — все равно. Жизнь ничто, и смерть тоже ничто. Умереть, спать, видеть сны, какое это имеет значение? Не все ли равно, сегодня или завтра, у себя в постели или на прогулке? Все это обман».

У ворот тюрьмы стояли пять автомобилей. Серым промозглым утром ее расстреляли в лесу на окраине Венсенского полигона.

МЕЖДУ ВОЙНАМИ

Конец «Таежного штаба»
Трое из Кембриджской «пятерки»
Еще двое из «пятерки»
«Брайтенбах»

КОНЕЦ «ТАЕЖНОГО ШТАБА»

В 1922 году освобождением Владивостока закончилась гражданская война. Разрозненные остатки Белой Армии отступили в Корею, Шанхай, Маньчжурию.

Однако на территории Приморья и Дальнего Востока осела американская и японская агентура, действовали террористы и диверсанты. Они нападали на села, кооперативы, небольшие милицейские участки, транспорт, перевозивший деньги и почту, перерезали линии связи, взрывали мосты. В некоторых районах они чувствовали себя полновластными хозяевами. В этих выступлениях просматривалась незримая руководящая рука. Но что за рука, кто руководил террористами, — было неизвестно. Лишь некоторые из арестованных что-то бормотали о каком-то «Таежном штабе». Что это за штаб, где находится, кто им руководит — никто не знал.

Наконец захваченный в плен бывший белый офицер подтвердил, что штаб существует. Все указания, деньги, оружие он получает из-за границы, из Харбина. Там и следовало искать руководящий центр подполья.

Такое задание было дано только что созданной **резидентуре** советской разведки в Харбине. Вскоре она выяснила, что там имеется «военный отдел» Харбинского монархического центра, возглавляемый генералом Кузьминым и профессиональным контрразведчиком

полковником Жадвойном, «спонсором» которого является японский резидент Такаяма.

Со стороны к «военному отделу» было не подступиться, пришлось искать человека, работающего там. Приобрели надежного помощника Сомова, но к оперативным секретам доступа он не имел. Поиски подходящей кандидатуры продолжались. От Сомова узнали о полковнике **Сергее Михайловиче Филиппове.** Во время гражданской войны служил в штабе Колчака, считался опытным, знающим офицером, пользовался авторитетом и был в курсе всех операций «военного отдела». И еще одна немаловажная деталь: он отрицательно относился к зверствам таежных банд, иногда сдерживал их активность. Некоторые даже обвиняли его в «красных» настроениях.

Но как подступиться к Филиппову? Зацепиться было не за что. Если бы он просился на родину, ему можно было бы предложить честным сотрудничеством заработать право на возвращение, как это делали со многими эмигрантами. Нуждавшихся в деньгах и не собиравшихся возвращаться вербовали обычно «втемную», от имени американской разведки (это называется **вербовка** «под чужим флагом»). Но ни возвращаться он не намеревался, ни в деньгах не нуждался.

От Сомова узнали, что во Владивостоке проживают его жена и дочь.

Но и противник не дремал. Однажды в эмигрантской газете появилось сообщение, что бе-

женец из Владивостока бывший красноармеец Мухортов рассказал о расправе над семьями офицеров. Перечислялись женщины и дети, которых чекисты казнили, отрубив им головы. Среди них были жена и дочь Филиппова.

Заметка сразу же вызвала сомнения у разведчиков. Разыскали Мухортова. Оказалось, что никакой он не красноармеец, а беглый уголовник, и заметку написал за деньги, полученные от Жадвойна. Стало ясно, что, ценя Филиппова как специалиста, японцы и белая контрразведка решили таким образом удержать его у себя, избавив от «красных» настроений.

Между тем из Владивостока пришла депеша, что жена и дочь Филиппова проживающими в городе не числятся.

Несколько дней спустя Сомов сообщил две важные новости. Во-первых, Филиппов, желая отомстить большевикам за гибель семьи, лично идет в рейд через границу в составе отряда полковника Ширяева. Во-вторых, фамилия его жены не Филиппова, а Барятинская, значит, наши поиски шли в ложном направлении.

Так как Сомову удалось узнать время и место перехода отряда через границу, об этом сразу же сообщили во Владивосток.

Отряд Ширяева беспрепятственно пропустили через границу, «вели» несколько километров, а затем в короткой схватке полностью разгромили. Ширяев бежал, Филиппова удалось взять в плен.

Несколько дней местные чекисты, используя материалы, поступившие из резидентуры, упорно и настойчиво работали с ним, добиваясь добровольного перехода его на свою сторону, но безрезультатно. Во время одного из допросов он заявил:

— Вы со мной ничего не сделаете. Самое страшное, что может испытать человек, я уже испытал — насильственную смерть самых близких мне людей.

— Вы ошибаетесь, Сергей Михайлович, — поправил его оперработник, — мы не мстим невинным людям.

— Но моя жена и дочь зверски убиты! — воскликнул Филиппов.

Вместо ответа чекист встал, подошел к двери и открыл ее:

— Елена Петровна, Ирочка, идите сюда.

Жена и дочь бросились на грудь ошеломленному Филиппову.

Когда ему стала известна подоплека затеянной японцами и белой контрразведкой против него провокации, он без колебаний дал согласие на сотрудничество с советской разведкой и поклялся честью офицера до конца служить ей. Воспользовавшись легендой об удачном побеге из окружения и обратном переходе границы, Филиппов вскоре вернулся в Харбин. Теперь у него была еще и слава «боевого партизана».

Резидентура получила надежный источник информации о всех планах и делах «военного отдела», о работе «Таежного штаба» и о

всех террористических группах, действующих в Приморье.

Филиппов сообщил о подготовке в Приморье крупного восстания, которым руководил «Таежный штаб», и о том, что для координации действий туда направляется жестокий и беспощадный поручик Ковалев. Было решено направить Филиппова в «Таежный штаб» для его разгрома.

Надо было, чтобы Филиппов исчез, тогда белая контрразведка не заподозрила бы его ни в чем. Решили инсценировать убийство Филиппова. За несколько долларов в тюрьме купили труп какого-то казненного, без головы. Его положили в постель Филиппова, кругом устроили беспорядок, оставили следы грабежа. То, что грабители отрубили голову и унесли с собой, в Харбине того времени никого не удивило. Это было в порядке вещей. Состоялись похороны «Филиппова», и о нем забыли.

Так как Филиппов сообщил точные сведения о переходе Ковалевым границы, он был задержан. По его удостоверению (на вымышленное лицо) в «Таежный штаб» направился Филиппов, которого сопровождал отряд чекистов под видом белогвардейцев во главе с комиссаром И. М. Афанасьевым.

Вскоре разведчики были в курсе всех вопросов подготовки восстания. Но надо было вообще ликвидировать штаб, тем более что у его руководителей появились кое-какие подозрения в отношении Филиппова и его отряда.

Операция, которую провели с этой целью Филиппов и Афанасьев, вряд ли имеет аналоги в истории разведки. Филиппов, страстный фотограф-любитель, всегда носил с собой фотоаппарат. По его предложению руководители «Таежного штаба» расположились для группового фотографирования. Рядовые, в том

числе и члены его отряда, стояли в стороне: их очередь была следующей. Отряд Филиппова замер в ожидании условного сигнала командира. И вот вспыхнул магний. В тот же момент раздались выстрелы, и главари штаба были уничтожены. Остальные, растерявшись, сдались без сопротивления. Лишь одному бандиту удалось скрыться, перейти границу и добраться до Харбина, где он и доложил о происшедшем.

Оказавшись единственным «представителем» «Таежного штаба», Филиппов принял срочные меры для предотвращения восстания и для ликвидации оставшихся отрядов. Положение в Приморье стабилизировалось.

В 1925 году во Владивостоке состоялся судебный процесс над эмиссаром Ковалевым и выявленными с помощью группы Афанасьева — Филиппова руководителями белогвардейского подполья, которые должны были возглавить намечавшееся восстание. На нем была полностью разоблачена подрывная деятельность белогвардейских организаций и «центров» в Приморье.

ТРОЕ ИЗ КЕМБРИДЖСКОЙ «ПЯТЕРКИ»

Это условное название группы агентов советской разведки из числа студентов Кембриджского университета. Скорее всего, их было больше, но обычно принято говорить о пяти: Киме Филби, Дональде Маклейне, Гае Бёрджесе, Джоне Кернкроссе и Энтони Бланте.

Арнольд Дейч

Началась вся эта история с приезда в Лондон Стефана Ланга — это псевдоним **Арнольда Генриховича Дейча.** Поскольку он в этом деле немаловажная фигура, расскажем о нем.

Дейч родился в 1904 году в Вене и с ранней

юности участвовал в революционном движении, работал в Коминтерне. По его заданию выезжал в Румынию, Грецию, Сирию, Палестину. Пароли, явки, обнаружение слежки и незаметный уход от нее — он прошел всю эту школу, которая немало дала для его будущей профессии разведчика.

В 1932 году Дейч приезжает в Москву, где начинает работу в Иностранном отделе **НКВД**. Выполняет специальные задания Центра в Бельгии, Голландии и Германии, а потом ему поручается обосноваться в Лондоне. В 1934 году он становится студентом Лондонского университета, где изучает психологию.

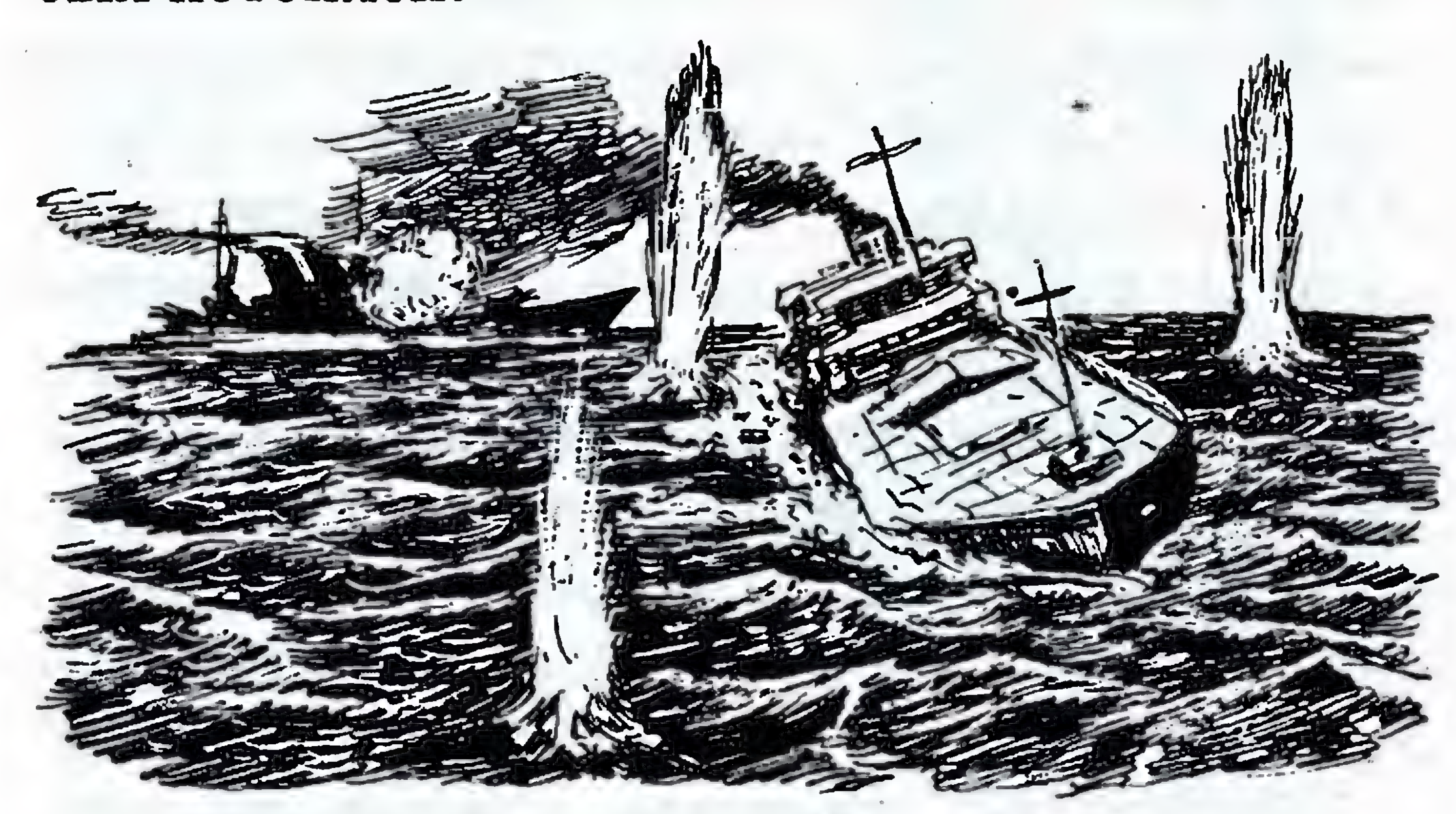
Но главная его цель — поиск и подбор людей, которые могли бы стать хорошими помощниками в разведывательной работе. Он сосредотачивает внимание на студентах Кембриджского и Оксфордского университетов. Здесь он находит «пятерку» и многих других (всего он привлек к работе более двадцати человек).

Волей-неволей нам придется коснуться вопросов политики. Дело в том, что все молодые люди, которые в то время стали работать на нашу разведку, сделали это по своему желанию, бескорыстно и безвозмездно. Они были убеждены в том, что защищают интересы первого в мире социалистического государства, где царствует социальная справедливость, где не должно быть ни бедных, ни богатых, где исповедуется лозунг: «От каждого по его способностям каждому по его труду». Кроме того, они видели в Совет-

ском Союзе единственную страну, способную противостоять набиравшему силу фашизму.

Все эти убеждения и стали основой для привлечения молодых людей к работе в советской разведке. Неоценимая заслуга Дейча в том, что он сумел отыскать, создать и воспитать «пятерку».

Арнольд Дейч погиб 7 ноября 1942 года, когда танкер «Донбасс», на котором он направлялся в очередную нелегальную командировку, подвергся атаке немецкого крейсера и был потоплен.

Но осталась созданная Дейчем «пятерка». Все ее члены были выходцами из благополучных английских семей, воспитывались в престижных школах и Кембриджском университете, что не помешало им проникнуться коммунистическими убеждениями.

Гарольд Адриан Рассел Ким Филби. Имя Ким дал ему отец в честь одного из героев Р. Киплинга, оно осталось с ним на всю жизнь.

Встреча с А. Дейчем стала для **Кима Филби** решающей. Приняв предложение Дейча, Филби становится советским разведчиком.

Во время гражданской войны в Испании он в качестве военного корреспондента газеты «Таймс» находился на франкистской территории, откуда передавал нашей разведке ценные сведения.

В 1940 году по заданию советской разведки К. Филби поступил на работу в британскую разведывательную службу «Сикрет интеллидженс сервис» (СИС). Благодаря своим незаурядным способностям, некоторое время спустя он становится заместителем начальника контрразведки этой службы. В его ведении контрразведывательное обеспечение всех военных операций западных союзников в Европе. В 1944 году Кима назначают начальником важного отдела, занимавшегося изучением «советской и коммунистической деятельности». Одновременно он исполнял обязанности заместителя начальника СИС.

Можете себе представить, какая информация была в его распоряжении!

Во время войны английская разведка активно работала против фашистской Германии и получала много информации от своих агентов. Но делиться с нами, своими союзниками, не желала, несмотря на заключенные соглашения об обмене информацией. Филби умело исправлял эту «ошибку». Он направил в Центр много важных материалов о вооруженных си-

лах и военных планах Германии. От него поступили данные о попытке сепаратных переговоров немцев с союзниками. Эти переговоры были прекращены после энергичного протеста Сталина. От Филби стало также известно о деятельности английских спецслужб против СССР как в годы войны, так и после нее. Немало английских агентов было выловлено благодаря его помощи.

Когда члены «пятерки» Д. Маклейн и Г. Бёрджес в 1951 году попали под угрозу ареста, Филби удалось узнать и во время сообщить об этом. Разведчики были спасены, но на Филби пало подозрение.

Ким Филби

На ответственных должностях в СИС К. Филби все же находился до 1955 года, затем работал корреспондентом английских еженедельников «Обсервер» и «Экономист».

В 1963 году в связи с угрозой провала он был нелегально вывезен из Бейрута в СССР. С тех пор работал консультантом внешней раведки.

Один из ответственных сотрудников ЦРУ сказал: «Деятельность Филби ...привела к тому, что все чрезвычайно большие усилия западных разведок в период с 1944 по 1951 год

были безрезультатными. Было бы лучше, если бы мы вообще ничего не делали».

Номером два в «пятерке» обычно называют **Дональда Маклейна.** По рекомендации А. Дейча, после окончания университета Д. Маклейн поступил в Форин Офис — Министерство иностранных дел Великобритании. Он работал на ответственных дипломатических должностях во Франции, США и Египте. В 1950—1951 годах возглавлял американский отдел Форин Офиса.

От Маклейна поступило огромное количество совершенно секретных материалов, наша разведка была в курсе дипломатической переписки Англии. Большим его достижением было получение документов о том, что английское правительство приняло проект «Тьюб Элойз» — «Трубный сплав» — о начале работ по созданию атомной бомбы. Его информация была одной из первых на эту тему.

В 1951 году в связи с угрозой провала он был выведен в СССР. Дональд Маклейн стал видным советским ученым, доктором исторических наук.

Третьим в «пятерке» был Гай Бёрджес. После окончания Кембриджского университета он поступил работать в Би-би-си и по заданию резидентуры внедрился в английские спецслужбы. В 1938 году стал сотрудником УСО — Управления стратегических операций, секретной разведывательно-диверсионной службы Великобритании. В спецшколе УСО зани-

мался подготовкой агентуры для заброски на территорию фашистской Германии в годы Второй мировой войны.

В 1944 году **Гай Бёрджес** становится личным помощником министра иностранных дел, а в 1950 году получил назначение на дипломатическую работу в Вашингтон.

Благодаря Бёрджесу, наша разведка располагала протоколами заседания английского кабинета министров, комитета обороны и комитета начальников штабов. Особую ценность представляли материалы о военной стратегии Англии и НАТО, о деятельности английской и американской разведок.

В 1951 году, когда Филби сообщил, что Маклейн и Бёрджес находятся под угрозой ареста, они оба были нелегально выведены в Советский Союз.

Умер Гай Бёрджес в Москве в 1963 году.

ЕЩЕ ДВОЕ ИЗ «ПЯТЕРКИ»

Если имена Филби, Маклейна и Бёрджеса широко известны уже более трех десятков лет, то имена еще двух разведчиков, входящих в «Кембриджскую пятерку», выплыли на свет только в последние годы.

Джон Кернкросс после окончания Кембриджа был принят на работу в Министерство иностранных дел. Он имел доступ к материалам совершенно секретного характера и снаб-

жал нашу разведку ценной информацией, главным образом по немецкой тематике.

В середине 1940 года его назначили личным секретарем к лорду Хэнки, который вел работу по линии секретных служб и был председателем десятка комиссий по вопросам обороны, безопасности, научных исследований и т.п. Теперь вся информация о них поступала к Кернкроссу, а от него — к нам.

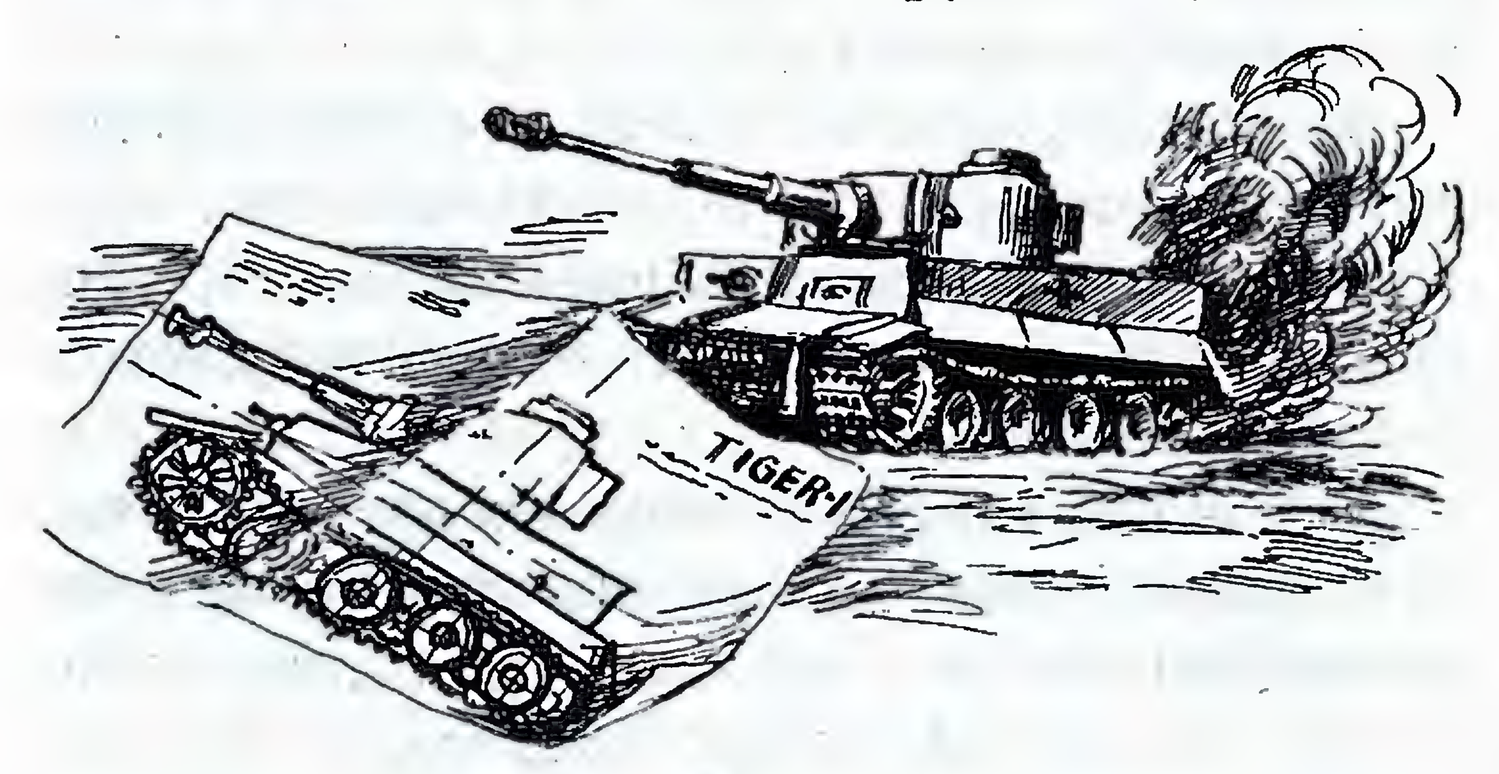
С января по май 1941 года от него было получено много материалов о подготовке немецкого нападения на СССР.

В сентябре 1941 года Кернкросс передал документ чрезвычайного значения — доклад премьер-министру Черчиллю о проекте создания атомного оружия. В нем говорилось, что его можно создать в течение двух лет. Это был первый документ, полученный разведкой о намерении использовать атомную энергию в военных целях.

Аппарат лорда Хэнки был расформирован, и Кернкросс перешел в Службу радиоперехвата и дешифрования. Уровень секретности в ней был чрезвычайно высоким. Дешифрованные материалы службы читали лишь несколько человек: премьер-министр Черчилль, министр обороны, начальник СИС английской разведки и, конечно, тот, кто готовил эти материалы — Джон Кернкросс. А от него они поступали в Москву.

Наше командование и разведку интересовало прежде всего все, касающееся Германии

и советско-германского фронта. Англичане получали эти материалы путем дешифровки немецких радиограмм. По советско-английскому соглашению они должны были делиться ими с нашей стороной. Но не делали этого. Кернкросс помог исправить положение. Он передал важнейшие данные о готовящемся наступлении немцев на Курской дуге в 1943 году, указал примерные сроки наступления, его направление, технические параметры нового немецкого танка «Тигр» и другие сведения.

Он оказал огромную помощь нашей стране, сохранив жизнь десяткам тысяч воинов Красной Армии, и внес свой вклад в победу нашей армии под Курском и на других фронтах.

Документов через руки Кернкросса проходило очень много. Те, которые не особенно интересовали англичан, но как раз интересовали наше командование, просто выбрасывались или уничтожались. Так как учета не велось, то Кернкроссу не нужно было снимать копии или делать фотосъемки. Иногда ему удавалось находить

интереснейшие материалы в ящике для уничтожения. Он набирал пачку таких документов и передавал их сотруднику резидентуры.

С детства Кернкросс не видел левым глазом, а напряженная работа по дешифровке ухудшила зрение и на правом. Ему пришлось менять место службы: он перешел в СИС. Теперь он занимался контрразведкой в СССР и Балканских странах. В числе его заслуг в это время — выявление немецких резидентур на Балканах и добыча полного списка английских агентов в этом регионе.

Кернкросс работал в СИС до конца войны, затем перешел в министерство финансов, а оттуда в министерство снабжения. Его зрение ухудшалось, и разведывательные возможности уменьшались.

Руководство советской разведки установило ему пожизненную пенсию в тысячу фунтов стерлингов, но он от нее отказался, заявив, что достаточно материально обеспечен.

«Я восхищен, что наши друзья нашли мою помощь заслуживающей внимания, и я горжусь тем, что я кое-что внес в дело победы», — писал Кернкросс руководству советской разведки.

В послевоенные годы Кернкросс жил в Канаде, Италии, Франции. Умер в 1995 году в возрасте восьмидесяти двух лет.

Пятый член «пятерки» — **Энтони Блант.** Он был выдающимся искусствоведом, знатоком живописи и языков, глубоко интеллигентным человеком.

В годы войны он был зачислен на работу в английскую контрразведку. Вскоре занял должность помощника руководителя отдела. Через него стала проходить масса секретных материалов, которые представляли интерес для нашей разведки. По рекомендации нашего резидента, Блант установил теплые дружеские отношения с заместителем начальника контрраведки Лиделлом и будущим начальником британской разведки Уайтом. В распоряжении Бланта оказался роскошный дом в Лондоне, который, уезжая от бомбежек, предоставил ему его близкий друг банкир Виктор Ротшильд.

Блант приглашал к себе Лиделла, Уайта, других офицеров разведки и контрразведки, в разговорах с ними получал много интересной информации. От них стало известно о той дезинформации, которую направляла в Советский Союз английская разведка. а также о работе, ведущейся контрразведкой против советских учреждений в Англии.

Он также сообщил о ведущихся сепаратных переговорах, которые втайне от СССР в сентябре 1944 года вели Англия и США с итальянским правительством. На основе этого соглашения советским руководством были предприняты дипломатические шаги, и наша страна также приняла участие в решении итальянских проблем.

Позже участники «Кембриджской пятерки», в том числе и Блант, передали в Москву сообщения о других, более опасных тайных переговорах. Их вели американцы с представителем

Гиммлера обергруппенфюрером СС Вольфом. Целью этих переговоров было прекращение войны Германии на западе и ее продолжение на востоке против СССР. Только энергичный протест Сталина заставил американцев прекратить эти переговоры.

В конце войны Блант получил приглашение занять пост хранителя картин королевских дворцов. В Англии это считается очень высокой придворной должностью. Руководство разведки дало согласие на занятие этой должности Блатом, оговорив, что ему не будут давать разведывательных заданий, связанных с королевской семьей. После этого Блант некоторое время продолжал давать разведывательную информацию, тем более что высокий пост допустил его в высшие политические сферы.

Впоследствии связь с ним была прекращена, и он продолжал добросовестно выполнять свои обязанности советника королевы по вопросам искусства.

«БРАЙТЕНБАХ»

Тот, кто видел фильм «Семнадцать мгновений весны», помнит «папашу» Мюллера, одного из шефов гестапо, и людей, его окружавших, в числе которых был и знаменитый Штирлиц. В значительной степени прообразом Штирлица стал Вилли Леман, известный под кличкой «Брайтенбах».

В Имперском управлении безопасности (РСХА) ключевое место занимало Четвертое управление — тайная государственная полиция, или гестапо. Его задачей было изучение противника и борьба с ним. РСХА возглавлял рейхсфюрер СС Гиммлер, его правой рукой был Гейдрих, который курировал работу Четвертого управления, а ближайшим помощником Гейдриха являлся **Вальтер Шелленберг**, впоследствии (в 1941—1945 годах) — шеф германской разведки. Таким образом, в этом клубке сплелись все зловещие фигуры «Семнадцати мгновений весны».

Гиммлер

Большая часть документов Четвертого управления, в том числе и ежедневные сводки, печатавшиеся только в двух экземплярах, для Гиммлера и Гейдриха, проходили через руки Брайтенбаха. Позже он стал начальником одного из подразделений нового отдела Четыре-Е, перед которым стояли главным образом контрразведывательные задачи. На этот пост он был назначен Шелленбергом. Брайтенбаху поручили «разработку» Советского посольства, а после прихода Гитлера к власти, в 1933 году, в его подразделении было создано Отделение по борьбе с «коммунистическим шпионажем».

Елизавета Зарубина

Такое длинное описание системы гитлеровской госбезопасности необходимо для того, чтобы читатель понял, какую ценность представлял этот агент, работу с которым вела Вардо — наша разведчица **Елизавета Зарубина.**

Их встречи, проводившиеся в условиях глубокой конспирации, всегда были результативными — еще бы, наша разведка оказывалась в курсе не только действий, но и замыслов фашистских главарей.

20 апреля 1934 года, в день рождения Гитлера, Леман был повышен в чине и принят в СС. Вардо поздравила его с этим повышением, расценив его как свидетельство доверия гитлеровцев к Брайтенбаху. Некоторое время спустя он передал тексты телеграмм гестапо, что дало возможность советским дешифровальщикам установить гестаповский шифр.

В начале 1935 года Брайтенбах выполнил задание Центра и сообщил технические подробности о ракетах, изъятых гестапо при аресте конструктора ракет Зандберга.

Позиции Брайтенбаха укреплялись. Ему было поручено контрразведывательное обеспечение военной промышленности Германии.

Соответственно выросли и его разведывательные возможности. Вардо приходила со встреч буквально перегруженная материалами. Связники — Китти Харрис, Маргарет Браудер и другие — едва успевали отвозить эти материалы в Париж и другие места для последующей отправки в Москву.

В ноябре 1935 года Брайтенбах на встрече с Вардо сообщил, что участвовал в совершенно секретном совещании в Военном министерстве, где их ознакомили с новейшими образцами боевой техники. Он передал описания новых типов артиллерийских орудий, в том числе дальнобойных, бронетехники, минометов, бронебойных пуль, специальных гранат и твердотопливных ракет.

Он же передал — впервые! — информацию о создании под руководством Вернера фон Брауна принципиально нового вида оружия — ракет на жидком топливе для поражения целей на расстоянии в сотни километров.

Вардо тщательно записала все со слов Брайтенбаха, и этот доклад на шести страницах был направлен 17 декабря 1935 года Сталину и Ворошилову, а затем и Тухачевскому. Позднее Брайтенбах сообщил дислокацию пяти секретных полигонов для испытания новых видов оружия.

Однажды Брайтенбах пришел на встречу взволнованный, но лукаво улыбающийся. Вардо насторожилась:

— Что случилось?

— Могло случиться, но все обошлось. Я чуть было не пропал за чужие грехи. Некая фрейлейн Дилтей заявила в гестапо, что русские имеют там своего человека, и назвала мою фамилию. За мной, как потом мне рассказывали, даже установили слежку. Но потом оказалось, что Дилтей имела в виду другого сотрудника, моего однофамильца, в которого была влюблена, да и тот оказался ни при чем — просто она решила отомстить ему за неверность и оговорила его.

Пронесло! А ведь слежка могла вывести и на Вардо! О том, что все обошлось, подтвердил и тот факт, что вскоре Брайтенбах в числе четырех сотрудников гестапо получил ценную награду — портрет фюрера с личной подписью и грамоту.

В декабре 1942 года в результате провала Брайтенбах был арестован гестапо и расстрелян.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Малоизвестная операция абвера
Самая громкая провокация
Второй мировой войны
Абвер против СССР
накануне 22 июня 1941 года
Абвер против СССР в годы войны
Абвер делает ставку на детей
Покушение
Александр Коротков
и «Красная Капелла»
Еще одна «Красная Капелла»
«Джордж из Динки-джаза»
«Цицерон» из Анкары
Белый снег
Трагедия бухты Пёрл-Харбор
Тегеранская конференция
Амир — вожак «легкой кавалерии»
Датская «миледи»
«Дерзкая девчонка»
Аня Морозова
«Человек со шрамом» —
любимец фюрера
Проходящий сквозь стены
Черная танцовщица
Таня
Легендарный разведчик

МАЛОИЗВЕСТНАЯ ОПЕРАЦИЯ АБВЕРА

Все знают, что Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года. Но 26 августа немецкая разведка провела секретную операцию, о которой мало известно.

25 августа Гитлер отдал приказ: в 4 часа 15 минут утра 26 августа совершить нападение на Польшу. К этому времени почти все было готово: Польша с трех сторон окружена войсками вермахта — германской армии.

Лейтенант А. Херцнер получил от руководства абвера — германской военной разведки — приказ: в ночь на 26 августа со своим особым отрядом захватить горный проход через Бланковский перевал. Этот проход имел особое стратегическое значение: он являлся воротами для вторжения немецкой армии с севера Чехословакии в южные районы Польши.

Отряду было приказано снять польскую пограничную стражу; заменить ее переодетыми в польскую форму немецкими солдатами; не допустить минирования поляками железнодорожного туннеля; очистить участок железной дороги от заграждений.

Херцнер был дисциплинированным офицером и начал свою операцию точно в срок. Не знал он лишь одного — Гитлер перенес дату вторжения в Польшу на 1 сентября. Причин этому было несколько: накануне в Лондоне был подписан англо-польский договор о союзе;

итальянский фюрер Муссолини заявил, что его армия еще не готова выступить вместе с Германией; немецкие войска на севере еще не закончили передислокацию для вторжения в Польшу; наконец, не все еще было готово для проведения провокации, которая доказала бы, что не Гитлер, а поляки виноваты в развязывании войны. На подготовку этой провокации понадобилось еще несколько дней.

Поляки мирно спали, когда на перевал ворвался отряд Херцнера. Он захватил в плен две тысячи польских солдат, офицеров и горняков и запер их в складских помещениях. Для того чтобы никто не мог сообщить о происшедшем, взорвал телефонную станцию. Не обошлось и без жертв.

Заняв горный перевал, Херцнер весь день ждал подхода основных сил. Лишь вечером он получил приказ отойти. Только после этого его отряд покинул польскую землю.

Но ненадолго. Через пять дней началась война.

САМАЯ ГРОМКАЯ ПРОВОКАЦИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Гитлеровская Германия с 1936 года готовила захват Польши. 11 апреля 1939 года Гитлер подписал план «Вайс», которым предусматривалось нападение на Польшу, а также захват Литвы и Латвии.

К концу августа 1939 года почти все приготовления были закончены, кроме одного — не было повода развязать войну. Гитлер отдал приказ: любой ценой создать конкретный повод для нападения на Польшу, в результате чего она в глазах всего мира предстала бы агрессором. С этой целью было решено произвести нападение на германскую радиостанцию в Гливице, на границе с Польшей. О том, как развивались события дальше, подробно написал в своих воспоминаниях руководитель германской разведки Вальтер Шелленберг.

«Дьявольская хитрость этого замысла состояла в том, чтобы в польскую военную форму одеть немецких уголовников и заключенных концлагерей, дав им оружие польского производства и инсценировав нападение на радиостанцию. Нападавших было решено гнать на пулеметы специально установленной для этого охраной».

Руководил всей операцией шеф гестапо Мюллер, а непосредственным исполнителем был Альфред Науйокс. Развивалась она так.

В операции участвовало более десятка приговоренных к смерти уголовников, именовавшихся «консервированным товаром». В случае успешного исхода операции им было обещано помилование. На самом же деле, одетые в польскую военную форму, они были убиты в ходе нападения и оставлены лежать на месте происшествия, чтобы можно было доказать, что они погибли при налете на радиостанцию.

31 августа 1939 года в 20 часов все было подготовлено, а в 5 часов утра 1 сентября нападение началось. Все произошло по гестаповскому сценарию. После «захвата» радиостанции сотрудник немецкой СД («служба безопасности»), знавший польский язык, зачитал по радио заранее подготовленный текст, в котором от имени «польского народа» содержалось обоснование того, что «пришла пора битвы между поляками и немцами». После этого, выкрикнув несколько фраз на польском языке и произведя возле микрофона несколько беспорядочных выстрелов, гестаповцы исчезли,

предварительно расстреляв «налетчиков» и даже сотрудника СД.

В Гливиц сразу же были доставлены представители центральной прессы, которые воочию могли увидеть трупы «польских военнослужащих», якобы совершивших нападение на радиостанцию.

Через два часа все германские газеты вышли с кричащими заголовками об успешном отражении польского вооруженного нападения на радиостанцию в Гливице.

А в 10 часов утра Гитлер выступил в рейхстаге с обращением к немецкому народу. Он сослался на «многочисленные вторжения поляков на германскую территорию, в том числе нападение регулярных польских войск на пограничную радиостанцию в Гливице».

В тот же день МИД Германии известил весь мир о том, что «в целях защиты от польского нападения германские подразделения начали сегодня на рассвете операцию против Польши».

Так началась Вторая мировая война.

АБВЕР ПРОТИВ СССР НАКАНУНЕ 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Фашистская разведка всегда работала против Советского Союза. Но особенно свою работу развернула после подписания Гитлером плана «Барбаросса» — плана войны против СССР. Фашистские вербовщики по всей Европе

выискивали «благонадежных» белогвардейских эмигрантов, разного рода националистов — украинских, грузинских, татарских и других. В лабораториях **абвера** и в подчиненном ему психологическом институте под Берлином испытывали мощную взрывчатку и яды, конструировали специальное оружие и экипировку для диверсантов, готовили документы прикрытия. В полную силу работали **шпионско-диверсионные школы.** Создавались специальные диверсионно-разведывательные формирования (полк, а затем дивизия «Бранденбург 800», учебный полк «Курфюрст», батальоны «Бергман»).

При Кенигсберском университете и при штабе командования создаются курсы переводчиков русского языка, где готовится агентура для заброски в наш тыл.В мае — июне 1941 года только в районе Львова через границу заброшено сорок агентов. На нашей терри-

тории задержаны агенты, снабженные культурами бактерий эпидемических болезней. Обнаружен телефонный кабель, переброшенный через границу на нашу территорию.

В середине июня 1941 года переброска вражеской агентуры участилась. Только за четыре дня, с 18 по 21 июня, на одном лишь минском направлении чекисты задержали и обезвредели несколько десятков **диверсионных групп**. Показательно, что этим шпионам и диверсантам немецкая разведка не дала условий возвращения и связи. По словам арестованных агентов, выполнив свои задания, они должны будут связаться с командирами немецких воинских частей, которые вторгнутся в СССР.

В ночь на 22 июня 1941 года гитлеровская разведка перебросила через границу наземным и воздушным путем много мелких диверсионных групп, участники которых были переодеты в гражданское платье и в форму военнослужащих Красной Армии. Они должны были не только совершать **диверсии**, но и раздувать панику среди мирного населения и в войсках. Участники войны вспоминают о том, как с началом боевых действий в частях стали появляться люди, которые громко кричали: «Мы окружены!» — или, наоборот, шепотом рассказывали о непобедимой мощи германской армии и хороших условиях жизни в немецком плену. Многие из них были арестованы и оказались немецкими агентами.

АБВЕР ПРОТИВ СССР В ГОДЫ ВОЙНЫ

С началом боевых действий против СССР надобность в получении разведывательной информации возросла. Завербованных ранее агентов не хватало, тем более что большинство уже было выявлено чекистами.

Требовалось готовить новые кадры.

Немцы стали набирать их из числа военнопленных. Но оказалось, что эти «кадры» ненадежны — после заброски в советский тыл они либо не выходили на связь с разведцентрами, либо добровольно являлись с повинной в советские органы госбезопасности.

Тогда абвер стал подходить к вербовке агентов по-другому. Из числа пленных выбирали в лагерях тех, кто запятнал себя преступлениями или проявил себя как фашистский приспешник. Некоторых специально включали в карательные экспедиции, чтобы они запятнали себя кровью партизан и мирных жителей.

Для отобранных кандидатов на оккупированных территориях немцы создали **разведывательные школы**. Они размещались в Риге, Таллине, Борисове, Курске, Орле, Харькове, под Смоленском и в других местах.

Курсанты проходили подготовку по многим предметам, получали знания, которые могут им пригодиться при выполнении заданий. Конечно же они подвергались и политической обработке в фашистском духе. Одновременно

их изучали: проверяли прошлое, правдивость сообщенных ими о себе данных, а главное, изучали их настроения, взгляды, надежность. Нашим разведчикам, внедренным в эти школы, было нелегко выдержать такую проверку...

Закончивших школы собирали в небольшие группы от двух до семи человек и забрасывали в советский тыл. Иной раз делали **провокационную проверку** — выбрасывали над оккупированной территорией, где их тут же захватывали «советские» солдаты и доставляли в «советскую» контрразведку. На самом же деле это были немецкие солдаты и немецкая контрразведка, которая хотела проверить, как будут себя вести их агенты, попавшие в плен.

Как правило, агентов забрасывали в советский тыл на парашютах, иногда пешком через линию фронта. В прифронтовой полосе они обычно выступали под видом интендантов и других тыловиков, а в глубоком тылу под видом фронтовиков, приехавших в отпуск или находящихся на отдыхе после лечения в госпитале. Иногда агентов включали в группу пленных, настоящих патриотов, совершающих побег из лагеря или из тюрьмы. В этом случае охрана не мешала побегу, «упуская» беглецов.

В каждой группе находился агент-радист. Все агенты были снабжены хорошо исполненными документами: красноармейскими книжками, офицерскими удостоверениями личности, партийными и комсомольскими билетами, продовольственными, денежными и вещевыми

аттестатами, «письмами от родных», справками из госпиталей и т.д. Многие имели ордена, снятые с убитых или пленных, а иногда и поддельные...

...В партизанский отряд явились два советских офицера, бежавших из плена. У одного из них был орден Ленина. Все показания этих людей не вызывали сомнения в их честности и правдивости. Но контрразведчица попросила офицера отвинтить орден Ленина и показать ей. После этого она спросила, когда он получил орден. Оказалось, что у нее был такой же орден, но с номером гораздо большим, чем у офицера, хотя тот уверял, что орден ему был вручен сравнительно недавно и, следовательно, номер его должен был быть больше, чем у нее. Оба «офицера» признались, что являются немецкими агентами.

Общее количество заброшенных немцами шпионов и диверсантов было очень большим. В ходе операции «Цеппелин» только в 1942 году абвер забросил около двадцати тысяч агентов. Некоторым из них удалось совершить диверсии на железных дорогах, но все же большинство было переловлено. Этому способствовало то обстоятельство, что наша контрразведка сумела разгадать вражеские планы, внедриться в разведку противника, и прежде всего в разведшколы.

Наши разведчики проникли в смоленскую, полтавскую, минскую и многие другие разведывательные школы. Теперь, как правило, со-

ветская разведка располагала информацией о гитлеровской агентуре еще до того, как начиналась ее заброска. Поэтому подавляющее большинство этих операций фашистской разведки закончились провалом.

По архивным немецким данным возвращалось обратно всего десять процентов переброшенных агентов. Остальные пропали. Они либо попали в руки наших контрразведчиков, или сами явились с повинной. Фашистские руководители с раздражением отмечали: «Коммунистическая идеология оказалась слишком живучей среди военнопленных».

АБВЕР ДЕЛАЕТ СТАВКУ НА ДЕТЕЙ

Обжегшись на военнопленных, гитлеровцы стали шире вербовать агентуру среди населения временно оккупированных районов. В основном в ход шли уголовники, бывшие и настоящие. Но и тут получилась осечка. Воры и бандиты вовсе не торопились отдать жизнь за фюрера.

Тогда у руководства фашистской разведки возник чудовищный план: использовать в качестве диверсантов детей. Расчет был на то, что **подростки-диверсанты** не привлекут внимания советской контрразведки, да и население будет снисходительнее к ним. Никто ведь не догадается, что мальчишка, играющий на

железнодорожной насыпи, на самом деле закладывает мину под рельсы.

Детская диверсионная школа была создана в Гемфурте, в районе города Касселя. Специальные команды рыскали по оккупированной советской земле. Основную массу детей брали из детских домов. Истощенных и больных уничтожали, крепких увозили в Германию. Будущих диверсантов приучали к мысли о том, что Советской России уже нет и больше никогда не будет. Их инструкторы разрешали им делать все, что когда-то запрещалось, поощряли драки, проповедовали культ силы, учили детей быть жестокими. Им показывали города Германии, водили по зоопаркам, стадионам, школам.

В ночь с 28 на 29 августа и 1 сентября 1943 года несколько групп детей на парашютах были сброшены в тыл Красной Армии от Калинина до Харькова. Они были одеты в поношенную одежду, с торбами и мешками, а в них продукты и мины, замаскированные под куски каменного угля. Их нужно было подбрасывать в тендеры паровозов или на склады угля. Но и эта операция провалилась. Вот документ того времени.

«Сообщение о явке двух диверсантов-подростков.

1 сентября 1943 года в штаб воинской части города Плавска Тульской области явились два подростка: Михаил 15 лет и Петр 13 лет. Они заявили, что заброшены вместе с другими

диверсантами-подростками для подбрасывания взрывчатки в тендеры паровозов. Обучались на даче под городом Касселем. Миша рассказывает: «...Почти все бывшие детдомовцы, зная, что им надо будет совершать диверсии, договорились втихомолку не выполнять задания немцев, не вредить своим, а сразу явиться в любой штаб Красной Армии и все рассказать...»

Действительно, все дети вместе с парашютами и взрывчаткой сами явились в воинские части, милицию, органы госбезопасности и рассказали все о себе, о товарищах и школе, где они учились.

Советская разведка приняла решение ликвидировать школу, которая к тому времени уже передислоцировалась в Польшу. Туда был направлен наш разведчик, который склонил заместителя начальника школы на свою сторону и вывел всех детей в расположение частей Красной Армии.

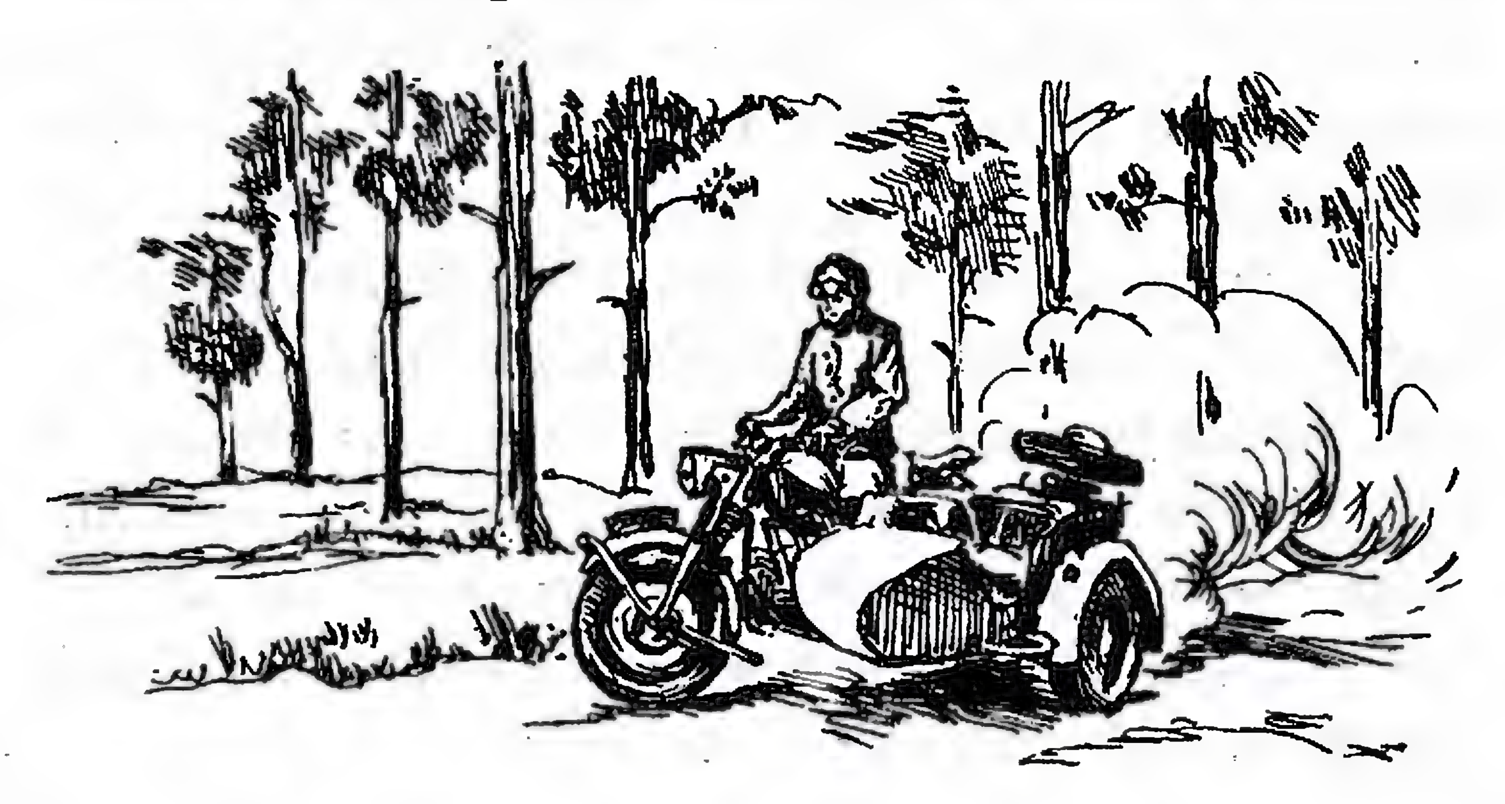
ПОКУШЕНИЕ

В 1944 году «Цеппелин» подготовил новую операцию: убийство И. В. Сталина. Для этого были подобраны два агента — муж и жена Шиловы. В Берлине и Риге их тщательно готовили знаменитый террорист Отто Скорцени и другие мастера «мокрого дела».

Был сконструирован специальный портативный фаустпатрон, магнитные мины, взрывающиеся по радиосигналу с расстояния в несколько километров. Построен специальный самолет «Арадо 332», оснащенный уникальным вездеходным двадцатиколесным шасси.

Шилов выступал под видом майора, Героя Советского Союза, его жена-радистка — под видом военнослужащей. 5 сентября 1944 года самолет, перелетев линию фронта, опустился в районе Карманово, Смоленской области.

Шилов и его жена выехали из самолета на мотоцикле с коляской, где хранились рация, фаустпатроны, мины и семь пистолетов,

заряженных отравленными разрывными пулями. Контрразведка была предупреждена о вылете этой группы, но точного места посадки не знала. Помогли колхозники. Они видели посадку самолета и сообщили чекистам. Те остановили мотоцикл и задержали агентов.

От их имени контрразведчики связались с «Цеппелином» и завязали игру, которая шла до мая 1945 года. До самого конца гитлеровцы не сомневались, что агенты работают на них и, находясь в Москве, готовятся выполнить задание. Поэтому мер к заброске другой группы с аналогичным заданием не предпринимали.

АЛЕКСАНДР КОРОТКОВ И «КРАСНАЯ КАПЕЛЛА»

22 июня 1941 года. Ночью германские войска вторглись на территорию Советского Союза. Советское посольство в Берлине окружено плотным кольцом эсэсовцев под командой старшего лейтенанта Хайнемана. Вход и выход закрыты. Из посольства разрешается выезжать только одному его сотруднику Бережкову для связи с германским МИДом, где надо решать вопросы выезда дипломатов на родину, а пока они здесь — обеспечения посольства водой, электричеством, продуктами питания. Ведь, несмотря на войну, дипломаты и здание посольства неприкосновенны. Такое же положение и в Москве с посольством Германии.

А у разведчиков совсем другие заботы. **Александру Короткову**, работающему «под крышей» посольства, требуется связаться со своей агентурой, остающейся в Германии: договориться с ними о способах связи, передать радиостанцию и батареи к ней, новые шифры, деньги на оперативные расходы. Все люди, с которыми он работает, не берут ни одной марки для себя лично, только на расходы, связанные с выполнением заданий. Они — бескорыстные друзья нашей страны, убежденные антифашисты, ненавидят Гитлера, их цель — свержение гитлеровского режима и освобождение немецкого народа от его господства. Поэтому они и помогают советской разведке.

Но как связаться с ними? Друзья долго обсуждают этот вопрос. Потом Бережков идет к Хайнеману и говорит:

— У моего друга Александра есть любимая девушка в Берлине. Он хочет проститься с ней и передать кое-какие сувениры. Нельзя ли сделать так, чтобы, когда я поеду в МИД, он поехал бы с нами?

Хайнеман морщится, говорит об опасности и даже невозможности этого дела. Но когда Бережков намекает на то, что в связи с предстоящим отъездом посольства у него остаются лишние деньги, которые он может отдать Хайнеману, тот вздыхает и кивает головой.

— Что делать? Раз человек хочет проститься с любимой девушкой, ему надо помочь. Все мы были молодыми...

На следующее утро из посольства выехала машина. Бережков был за рулем, рядом Хайнеман, на заднем сиденье молодой «влюбленный». Солдаты услужливо открыли ворота и отдали Хайнеману честь. На одной из оживленных улиц Коротков попросил остановиться, вышел из машины и нырнул в большое здание магазина. Дальше он шел путем, известным только ему одному.

И вот — встреча с «девушкой». Это была Элизабет Шумахер, жена одного из участников советской разведывательной сети, которая впоследствии получила название «Красная Капелла», или «Красный Оркестр». Его придумали немецкие контрразведчики. По ночам их радиоприемники ловили летящие в эфир звуки морзянки. Радистов на разведывательном жаргоне называли **«пианистами»**, или «музыкантами». Их, этих неизвестных советских «музыкантов», было много, из них можно было составить целый оркестр. Поэтому и было

придумано название «Красный Оркестр», переделанное позже в **«Красную Капеллу»**.

В эту разведывательную организацию входило несколько десятков человек, мужчин и женщин. Они взяли на себя смертельно опасный труд единоборства с гитлеровским режимом и огромной машиной подавления, которой он располагал.

Шульце-Бойзен

В Берлине действовали две основные группы: одна под руководством старшего лейтенанта **Шульце-Бойзена**, работавшего в Министерстве авиации, другая — советника Министерства экономики А. Харнака. Они имели псевдонимы «Старшина» и «Корсиканец». Именно от них впервые стала поступать ценная и точная информация о планах нацистского руководства и о сроках начала войны против СССР.

В октябре 1940 года, когда Гитлер публично заявил о своих дружеских чувствах к советскому народу, «Корсиканец» сообщал:

«... В разговоре с офицером штаба Верховного командования узнал, что в начале будущего года Германия начнет войну против Советского Союза... Целью войны является

отторжение от Советского Союза части европейской территории СССР от Ленинграда до Черного моря и создание на ней государства, целиком зависимого от Германии...»

Подобные сообщения, но все более конкретные постоянно поступали в конце 1940 — начале 1941 года от «Корсиканца» и «Старшины».

16 июня 1941 года «Старшина» сообщил:

«Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время».

«Корсиканец» в тот же день добавил, что один из руководителей фашистской Германии Розенберг на собрании хозяйственников, назначенных для «оккупированной территории СССР» заявил, что «понятие Советский Союз должно быть стерто с географической карты».

Но все это было позади. Война уже началась. «Старшина», «Корсиканец» и их друзья должны были теперь давать информацию, которая помогала бы Красной Армии в ее борьбе с гитлеровским нашествием.

Коротков сумел провести с представителями «Красной Капеллы» еще одну встречу. 2 июля 1941 года весь состав советского посольства был вывезен из Берлина в Турцию, а оттуда вернулся в СССР. Соответственно германские дипломаты проделали тот же путь, но в обратном направлении.

Теперь «Красная Капелла» могла поддерживать связь с Центром только по радио. Но

из-за отступления советских войск мощи радиостанции не хватило для того, чтобы ее сигналы достигли цели.

И все же Шульце-Бойзен сумел передать в Москву ценную информацию, в том числе и о планах гитлеровского командования на 1942 год. Но связь снова прервалась.

Руководство разведки изыскивало разные способы для того, чтобы восстановить связь с участниками «Красной Капеллы». Но, к сожалению, эти попытки не увенчались успехом.

А потом начались провалы.

Уже с середины 1942 года гестапо установило слежку за Харро Шульце-Бойзеном и прослушивание его телефона. Один из друзей сообщил ему о том, что на него заведено дело. Шульце-Бойзен имел возможность скрыться, но надо было предупредить об опасности своих соратников. Он не успел этого сделать. 31 августа 1942 года в служебном кабинете Шульце-Бойзен был арестован. За его стол посадили гестаповца, который отвечал на телефонные звонки и выявлял тех, кто звонил.

Массовые аресты гестапо произвело в середине сентября. Число арестованных только в Берлине составило свыше ста человек.

Гитлер, заслушав доклад Гиммлера о «Красной Карелле», рассвирепел и заорал:

— Если бы не русские шпионы, мы давно разбили бы их армию и рейх торжествовал победу! Эти заговорщики дорого заплатят за то, что нанесли удар в спину вермахта.

Следствие велось жестоко, с применением избиений и пыток. Все арестованные держались смело и вели себя мужественно.

Затем последовало несколько судебных процессов. В последнем слове обвиняемые заявили, что они действовали сознательно в интересах Германии. В письмах к родным осужденные говорили о большой любви к своим близким, о жизни, Родине, о правильности избранного ими пути и выражали надежду на то, что память о них не угаснет и будет светлой.

Смертные приговоры они встретили спокойно и с достоинством.

Участница «Красной Капеллы» балерина Ода Шотмюллер, услышав приговор суда, сказала своим друзьям:

— Ну и что? Я никогда не хотела стареть. Что хорошего в постепенном превращении в мумию?

Казни осужденных начались в декабре 1942 года и продолжались до марта 1944 года. Мужчин вешали, женщин гильотинировали. Большинство из них были казнены 5 августа

1943 года. Нож гильотины падал с чисто немецкой педантичностью каждые три минуты. Об этом сохранились записи в протоколе казни.

Сохранились и другие документы, которые стоит привести. Это копии счетов, выписанных фашистскими чиновниками родственникам казненных: «За доставку к месту казни — столько-то марок, за веревку — столько-то, за стрижку..., за услуги (!) палача..., за уборку помещения..., за гроб...» И несчастные матери и жены вынуждены были оплачивать эти счета, которые и сейчас хранятся в зале для казней тюрьмы Плетцензее в Берлине.

А Александр Коротков прошел войну, имел большой жизненный опыт, и именно он сопровождал немецкую делегацию во главе с фельдмаршалом Кейтелем в зал, где в ночь на 9 мая 1945 года маршал Жуков объявил Кейтелю: «Вам предлагается подписать акт о безоговорочной капитуляции Германии».

И Кейтель покорно поставил свою подпись.

ЕЩЕ ОДНА «КРАСНАЯ КАПЕЛЛА»

Другая «Красная Капелла» существовала в Бельгии и Франции. Она представляла собой широко разветвленную разведывательную сеть, состоящую из нескольких резидентур. Их руководителями были советские военные разведчики Л. Треппер, А. Гуревич, М. Макаров, К. Ефремов.

Л. Треппер был не только хорошим разведчиком, но и блестящим коммерсантом. Он организовал несколько фирм и акционерное общество, сумел привлечь к работе резидентуры множество людей. Еще до начала Великой Отечественной войны резидентуры направляли в Центр много информации, предупреждали о готовящемся нападении немцев.

После нападения Германии на СССР поток информации, в том числе и важной, возрос, ее передавали несколько радиопередатчиков. Но сама структура «Красной Капеллы» была рыхлой, плохо законспирированной.

Кроме того, и Центр совершил грубую и печальную ошибку. Когда была утрачена связь с «Красной Капеллой», действовавшей в Берлине, туда был из Брюсселя направлен Гуревич. Он посетил Берлин, встретился с Шульце-Бойзеном и получил ценную информацию. Вернувшись в Брюссель, передал ее в Москву. Оттуда пришло подтверждение:

«Добытые вами сведения доложены Главному хозяину (т. е. Сталину) и получили его высокую оценку. За успешное выполнение задания вы представлены к награде».

Но к этому времени германская контрразведка создала особую команду, которая охотилась за нелегальными радиопередатчиками. А передатчики Гуревича по указанию Центра в ноябре — декабре 1941 года работали по пять часов в сутки, передавая как берлинскую, так и собственную информацию.

В результате группа пеленгации абвера установила местоположение передатчика и совершила налет на радиоквартиру. Были арестованы радисты и зашедший туда М. Макаров. Задержали и Л.Треппера, но ему удалось скрыться. Часть агентуры была предупреждена о провале, но многих арестовали.

В конце концов абверу и гестапо удалось практически полностью разгромить «Красную Капеллу» Л. Треппера.

Сам Л. Треппер, будучи вторично арестованным, сделал вид, что готов сотрудничать с немцами и затеял «большую игру», как он сам назвал ее в своей книге, передавая в Москву подготовленную немцами дезинформацию, о которой Москва уже была предупреждена. Тем самым он спас себя и некоторых других членов организации, но с большинством ее рядовых участников, попавших к немцам в руки, они жестоко расправились.

К. Ефремов, М. Макаров и многие другие были казнены. Погибло сорок восемь человек — расстреляны, обезглавлены, повешены, умерли под пыткой, покончили жизнь самоубийством, не выдержали мучений концлагерей. Только двадцать семь человек сумели выжить.

Провал дорого обошелся и выжившим руководителям «Красной Капеллы». И Треппер, и Гуревич после войны были арестованы и провели долгие годы в тюрьмах и лагерях. Конечно, они совершили много ошибок, но никогда не были предателями.

«ДЖОРДЖ ИЗ ДИНКИ-ДЖАЗА»

Во время войны пользовался большой популярностью фильм «Джордж из Динки-джаза». Герой этого фильма Джордж, английский разведчик, солист джаза, выступавшего в оккупированной немцами стране. Во время радиопередач он, импровизируя на своем музыкальном инструменте, передавал шифровки в Центр. Это — плод авторской фантазии, основанный на реальном факте, вернее, на слухе. Говорили о том, что в Англии арестован всемирно известный пианист, который использовал музыкальный шифр для передачи по радио разведывательной информации. Слух не подтвердился.

Однако германская разведка действительно попыталась использовать с этой целью официальные радиопередачи Би-би-си. Исполнителем этой затеи стал агент абвера голландец Иоганн Маринус Дронкерс. Он прошел специальный курс обучения и под видом участника голландского Сопротивления на утлой лодченке в мае 1942 года «бежал» в Англию. Дронкерс был снабжен настоящими документами, подписанными руководителями движения Сопротивления, так как какое-то время принимал участие в его подпольной работе, даже в одном диверсионном акте.

Дронкерса подобрал в море английский тральщик и доставил в Англию. Там его подвергли тщательной проверке английская и

голландская контрразведки. Ничего подозрительного обнаружено не было. Насторожило лишь одно: он оказался слишком настойчивым в своем желании получить работу на Би-би-си и участвовать в прямых пропагандистских передачах, которые эта радиостанция вела на оккупированную Европу.

Это желание Дронкерса было удовлетворено — он стал диктором программы «Радио Ораны», принадлежавшей голландскому правительству. Эта программа была предназначена для антигитлеровской пропаганды среди голландского населения.

Наступил день, когда Дронкерс оказался перед микрофоном. Он имел в руках текст, в который было вставлено зашифрованное сообщение о благополучном прибытии и начале работы.

Дронкерс добросовестно прочитал весь текст и закончил передачу, мысленно поздра-

вив себя с удачным началом. Не знал он лишь того, что его передача не пошла в эфир, а в соседней комнате, где сидели офицеры английской контрразведки, тщательно записывалась на пленку.

Сразу после окончания радиосеанса Дронкерса арестовали. Ему предъявили обвинение в шпионаже, так как анализ его передачи подтвердил подозрения: она содержала шифр.

Дронкерс долго не сопротивлялся и признался во всем. Он раскрыл свой шифр и подтвердил, что немецкая разведка дала ему задание обратить главное внимание на подготовку англо-американских войск к высадке в Европе.

На судебном заседании Дронкерс также не отрицал свою вину. Он был приговорен к смертной казни и 28 декабря 1942 года казнен.

«ЦИЦЕРОН» ИЗ АНКАРЫ

Цицерон был древнегреческим оратором и государственным деятелем, знаменитым своим красноречием. Именно этим именем из-за красноречивости представленных им документов был «окрещен» немецкий агент, действовавший в столице Турции Анкаре в годы Второй мировой войны.

«Цицерон» работал камердинером английского посла в Турции. Однажды он явился к сотруднику немецкого посольства и предложил

за двадцать тысяч фунтов стерлингов документы, которые он смог перефотографировать у своего хозяина. Когда немец возразил, что запрошенная сумма слишком велика, камердинер молча указал рукой на расположенное неподалеку здание советского посольства, дав понять, что на его документы найдутся и другие покупатели.

Несмотря на дороговизну, немецкая разведка решила приобрести «товар» у камердинера. Как вспоминал впоследствии начальник немецкой разведки Шелленберг, это были «потрясающие сведения: совершенно секретная переписка между английским посольством в Анкаре и Министерством иностранных дел в Лондоне.

На документах имелись собственноручные пометки английского посла, касавшиеся взаимоотношений между Англией и Турцией, Англией и Россией».

Камердинер, теперь уже получивший кличку «Цицерон», потребовал за каждую последующую кассету с пленкой по пятнадцать тысяч

фунтов стерлингов. Эта сумма была ему обещана и регулярно выплачивалась.

«Цицерон утверждал, что фотографирует один, — вспоминал далее Шелленберг, — не прибегая к чьей-либо помощи, так как два года тренировался в фотографировании документов. О своей работе он рассказывал так: будучи камердинером, он помогал послу, когда тот ложился спать. Посол имел обыкновение принимать на ночь снотворное. Когда он засыпал, Цицерон оставался в комнате, чтобы почистить костюм хозяина. Тут-то он и получал возможность вынуть ключ, открыть сейф и затем при сильном свете сделать снимки, используя присланную нами «Лейку». За полчаса Цицерон успевал сделать все снимки, уложить на место документы, почистить и погладить костюм хозяина».

Но у немецких разведчиков вызвало подозрение то, что на одном из снимков были видны пальцы Цицерона. Специалисты утверждали, что он был просто не в состоянии одновременно держать документ и производить съемку. Поэтому эксперты заключили, что он работал не один.

Кроме того, возникло сомнение относительно его прошлого. Один раз он рассказывал, что его отец проживал в Константинополе, где был убит из-за неприятной истории, связанной с сестрой Цицерона, а другой — что отца убил в Албании англичанин, за что он и ненавидит англичан.

Он говорил, что не знает английского языка, но оказалось, что знает. Все эти мелочи, собранные воедино, делали его правдивость сомнительной. В то же время в подлинности представляемых им материалов сомнений не было.

Среди них оказались документы о результатах Московской конференции министров иностранных дел, состоявшейся в октябре 1943 года, в которой участвовали Хэлл, Иден и Молотов.

Очень важными оказались доклады о Каирской конференции (ноябрь 1943 года) с участием Сталина, Рузвельта и Черчилля.

Особое значение имело то, что благодаря полученным документам немецкая разведка сумела частично расшифровать английский дипломатический код.

И еще. В документах Цицерона впервые прозвучал термин «Оверлорд» — так кодировался союзниками план открытия второго фронта — высадки в Нормандии.

Цицерон работал на немцев до марта 1944 года, а в апреле германское посольство в Анкаре прекратило свою деятельность, так как Турция порвала отношения с Германией и перешла в лагерь союзников.

Цицерон получил от немцев в общей сложности огромную сумму — триста тысяч фунтов стерлингов! Но самое печальное для него заключалось в том, что он так и не сумел ими воспользоваться: они оказались фальшивыми.

Эта операция настолько необычна, что она даже не отражена в архивах внешней разведки. О ней известно лишь из воспоминаний ветерана внешней разведки В. Г. Павлова, написавшего книгу «Операция „Снег“».

Сначала несколько строк из истории. В 1927 году японский премьер-министр генерал Танака представил императору секретный доклад по вопросам внешней политики. В нем провозглашалось, что Япония должна проводить политику завоевания соседних стран, а затем и начать войну с СССР и США. Этот документ, названный «Меморандум Танака», добыла советская разведка. Он был опубликован во всем мире и вызвал всеобщее возмущение, прежде всего в США.

Еще один факт. В 1921 году США резко выступили против попытки Японии захватить советский Дальний Восток. Не потому, что хорошо относились к Советской России, а потому, что боялись усиления Японии.

Эти факты летом 1940 года вспомнили советские разведчики Павлов и Ахмеров, только что прибывшие из США. Они обсуждали вопрос о том, что надо предпринять, чтобы не допустить нападения Японии на СССР. Нельзя ли сделать так, чтобы Соединенные Штаты «приструнили» Японию? Ахмеров стал вспоминать своих американских знакомых. Кто из них мог бы помочь в этом деле?

Остановились на **Гарри Декстере Уайте.** Он был убежденным антифашистом, отличался большими способностями и пользовался особым расположением министра финансов США Генри Моргентау, часто готовил докладные записки для президента. Ахмерова он знал как специалиста по Китаю по имени Билл.

Ахмеров высказал мысль: а нельзя ли в современных условиях, когда уже идет Вторая мировая война, побудить США вновь предостеречь Японию от экспансии на север? Исходить при этом из того, что политика Японии прямо угрожает интересам США.

Свои выводы разведчик доложил руководству, и они были одобрены.

Ахмерову по ряду причин надо было задержаться в Москве, и проведение встречи с Уайтом поручили Павлову. Но он в то время не имел практики ни в работе с агентурой, ни в английском языке. Ахмеров, опытный разведчик-нелегал, принялся помогать Павлову и готовить его к первой зарубежной командировке.

Вскоре Павлова вызвал Берия.

— Все, что связано с операцией, храни в полной тайне. После операции все должны забыть все и навсегда. Никаких следов ни в каких делах не должно остаться.

Это и явилось причиной того, что об операции «Снег» (ее назвали так по фамилии Уайт — «белый») в архиве внешней разведки нет никаких документальных данных.

Весь смысл операции сводился к одному: предупредить или хотя бы осложнить принятие японскими милитаристами решения о нападении на СССР, помешать экспансии Японии в северном направлении.

В конце апреля 1941 года Виталий Павлов и его напарник Михаил Корнеев выехали в США под видом дипкурьеров. В Вашингтон прибыли солнечным майским днем. Павлов очень волновался — ведь это было его первое важное зарубежное задание.

Тщательно проверились. Наружного наблюдения нет. Павлов зашел в телефонную будку, набрал номер и услышал: «Уайт слушает». Павлов представился как приятель Билла. Он хотел бы встретиться с Уайтом, если тот желает узнать о Билле и выслушать то, что Билл просил передать ему.

Немного помедлив, Уайт согласился. Договорились о встрече в ресторане.

Павлов очень беспокоился, обдумывая, как Уайт расценит идею разговора. Хорошо, если просто откажется иметь с ним дело. Не примет ли его за **провокатора** и не вызовет ли полицию? Надежда была на то, что Уайт как антифашист согласится с тем, что надо помочь Советскому Союзу избежать войны на два фронта — ведь угроза нападения Германии к этому времени стала вполне реальной.

Встреча в ресторане прошла успешно. Не надеясь на свои знания английского языка, Павлов положил перед Уайтом записку, в которой

были изложены тезисы, подготовленные Биллом. Прочитав ее, Уайт воскликнул, что его поражает совпадение собственных мыслей с тем, что, судя по тезисам, думает Билл.

Уайт просил передать Биллу следующее:

— он благодарен за высказанные мысли, которые соответствуют его убеждениям,

— он уже задумывался над тем, что можно и что нужно предпринять,

— он полагает, что сможет предпринять необходимые усилия в нужном направлении.

В этот же день Павлов дал шифртелеграмму в Москву с одной фразой: «Все в порядке, как планировалось. Клим».

Когда Павлов вернулся в Москву, уже началась война, и вопрос об Уайте больше не поднимался.

Только много лет спустя Павлов смог познакомиться с книгой бывшего конгрессмена Гамильтона Фиша, изданной в 1992 году. В ней приводились два документа от 6 июня и 17 ноября 1941 года, составленные заместителем министра финансов Уайтом.

Их главное содержание вошло в меморандум министра Моргентау для президента Рузвельта и государственного секретаря Хэлла от 18 ноября того же года. На основании этого меморандума 26 ноября 1941 года японскому послу в США генералу Номуре был вручен ультиматум с требованием немедленно отозвать все вооруженные силы Японии из Китая, Индонезии и Северной Кореи. Японскому

правительству предлагалось выйти из тройственного пакта с Германией и Италией, заключенного в сентябре 1940 года. Документ, который был назван «Ультиматум Хэлла», по утверждению конгрессмена Фиша, спровоцировал войну между Японией и США.

После окончания Второй мировой войны в США началась «охота на ведьм», жертвой которой стали многие антифашисты, коммунисты, друзья Советского Союза. Не избежал травли и Гарри Декстер Уайт, которого обвиняли в том, что он советский агент, хотя он никогда таковым не являлся. Уайт не выдержал травли и после очередного допроса в августе 1948 года покончил жизнь самоубийством.

Конечно, в том, что Япония напала не на СССР, а на США, было задействовано много факторов, и изучать их — дело историков. Нам же хочется верить, что какую-то роль в развитии событий сыграла идея Ахмерова и миссия Павлова в США.

ТРАГЕДИЯ БУХТЫ ПЁРЛ-ХАРБОР

Гавайские острова — это не только место туризма и отдыха. Там, в бухте Пёрл-Харбор, расположена крупнейшая военно-морская база Тихоокеанского флота США.

7 декабря 1941 года на нее обрушился град бомб, сброшенных с японских самолетов, которые были доставлены к берегам Гавайев на

авианосцах. Бомбы падали точно в цели, японские летчики знали всё: где, какие корабли стоят, какова система противовоздушной обороны, с какой стороны лучше заходить на бомбежку.

Потери японской стороны были минимальными. А военно-морской флот США потерял во время этого побоища все свои линейные корабли и большую часть других судов — крейсеров, миноносцев, минных заградителей, тральщиков...

Как же это могло произойти? Откуда японцы так точно знали всё, что касалось американского военно-морского флота?

За шесть лет до описанных событий, 15 августа 1935 года, в столице Гавайев Гонолулу высадилась семья Куэнов — сам доктор Куэн, его супруга Фридель, ее дочь от первого брака Рут и шестилетний сынишка Ханс Иоахим.

Доктор Куэн занялся изучением японского языка, а дочь Рут мечтала стать специалистом

в области истории. Отец и дочь объехали все крупные и мелкие острова Гавайского архипелага и вскоре стали лучшими специалистами по его топографии.

Благочестивое семейство находилось на службе у разведок сразу двух союзных стран, Германии и Японии. Копии всех докладов, направляемых в Токио, отправлялись и в Берлин.

Доктор писал статьи в местные газеты о древних поселенцах островов. Жизнь текла спокойно. Соседи и знакомые считали Куэнов порядочными и хорошо обеспеченными людьми — ведь те постоянно получали доходы со своего имущества в Голландии и Германии. Только за три года через банк Гонолулу они получили семьдесят тысяч долларов.

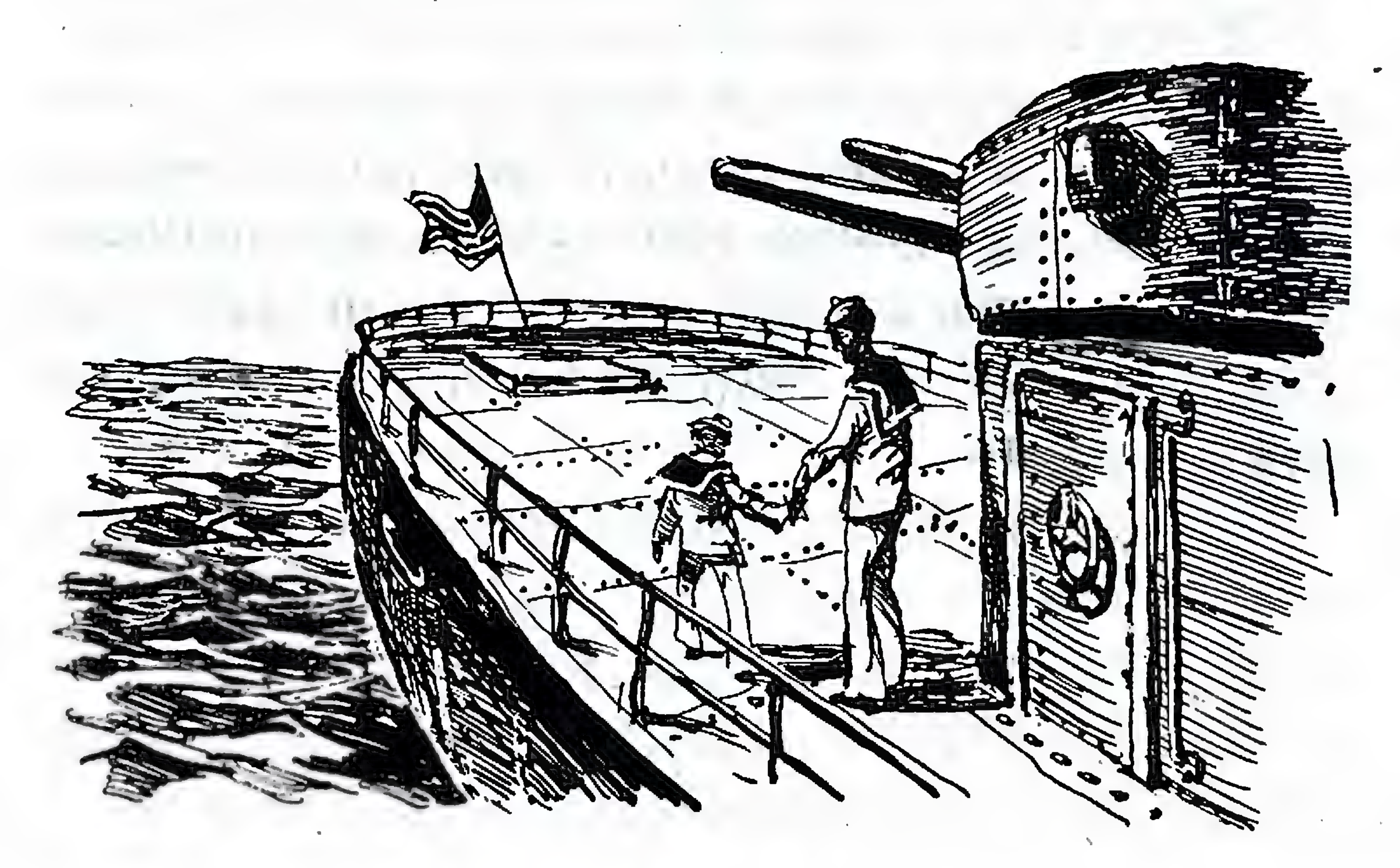
В начале 1939 года семья продала дом и перебралась в Пёрл-Харбор, поближе к главной стоянке Тихоокеанского флота США.

Здесь Рут открыла салон красоты. Он пользовался чрезвычайной популярностью у жен офицеров американского военно-морского флота. Жены, встречаясь там, спешили обменяться новостями, которые Рут и ее мать, работавшая в салоне, добросовестно запоминали и записывали.

Вскоре от японского резидента в Гонолулу Отохиро семья получила новое задание: собирать сведения об обстановке на флоте — точные даты выхода и возвращения судов, точные места стоянок, количество и типы судов.

Эту информацию без особого труда получала Рут, помолвленная с американским офицером и иногда посещающая боевые корабли. Теперь она «командовала парадом», а отец выполнял ее поручения. Мать служила связной — ездила в Токио с донесениями и привозила оттуда задания и деньги. Более того, теперь помогал и десятилетний Иоахим. Всегда одетый в матросский костюмчик, он был любимцем моряков. Они брали его на корабль и показывали все «игрушки», которые там были. Отца на корабль не пускали, он и не настаивал на этом, но Рут узнавала от приятелей-офицеров обо всем, что видел и чем интересовался ее маленький братик. Да и тот кое о чем рассказывал в меру своего понимания и возраста.

Рут изобрела систему сигнализации из нового домика в японское консульство, позднее ее усовершенствовали с тем, чтобы сигналы могли принимать и японские суда. Она также

купила в Гонолулу два мощных морских бинокля, что не вызвало ни у кого подозрений.

Приближалось 7 декабря 1941 года. Информации требовалось все больше, и она регулярно поступала от семьи Куэнов.

За сутки до атаки Рут и ее отец начали непрерывно передавать самую свежую информацию, принимая которую, японская подлодка пересылала ее по радио в Центр.

К 8 часам утра 7 декабря 1941 года японская авиация в составе ста пяти самолетов императорского воздушного флота атаковала стоянку кораблей и авиационные базы на Гавайских островах. Помимо потерь в судах, более трех с половиной тысяч моряков погибли или пропали без вести. Раненых было около полутора тысяч.

Весь налет корректировался Рут Куэн, которая с помощью отца передавала результаты бомбежки в японское консульство (которое еще не успели закрыть), а оттуда они по радио шли прямо командующему японским флотом.

Лишь за пятнадцать минут до окончания налета в дом Куэнов ворвались три американских офицера, случайно заметивших световые сигналы. Но это уже не могло повлиять на судьбу флота.

На состоявшемся суде отец всю вину взял на себя. Но такие же признания сделали мать и дочь.

Бернарда Куэна суд приговорил к расстрелу, а 26 октября 1942 года ему заменили

смертную казнь пятидесятилетним заключением в тюрьме. Но в 1948 году доктора освободили, и он уехал в Аргентину.

Мать и дочь — фрау Фридель и Рут Куэн были судом оправданы за недостатком улик и интернированы до конца войны.

После войны они выехали в Западную Германию, где благополучно проживали, во всяком случае по данным на 1960 год. Рут под другой фамилией работала учительницей в школе.

ТЕГЕРАНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Вскоре после начала Великой Отечественной войны, 25 августа 1941 года, советские и английские вооруженные силы совместно провели стремительную военную операцию. Две советских армии вошли в Иран с севера и заняли его северные провинции, а с юго-запада одновременно вступили подразделения британских войск. Они без потерь продвигались вперед, и 17 сентября встретились в столице Ирана Тегеране. В 1942 году два иранских порта были заняты американской армией.

Причин для вторжения в Иран было несколько. Первая — иранское правительство симпатизировало гитлеровской Германии и могло нанести с тыла удар по Советскому Союзу. Вторая — в Иране имелось огромное количество немецкой агентуры, представлявшей угрозу для нашей страны. Третья — Иран был

удобным транзитным путем для поставок в СССР американских военных грузов.

Некоторое время спустя Иран присоединился к антигитлеровской коалиции. Однако ни этот факт, ни пребывание в Иране войск союзников не могли ликвидировать всю немецкую агентуру, которую завели там Канарис и Шелленберг. Борьба с ней шла почти до конца войны.

Осенью 1943 года союзники приняли решение провести в Тегеране конференцию руководителей трех держав — СССР, США и Англии — Сталина, Рузвельта и Черчилля. Место было выбрано после долгих переговоров и споров как наиболее удобное для всех стран.

Немецкая агентура прознала про подготовку конференции и информировала об этом руководство Германии. Гитлер принял решение о проведении операции «Длинный прыжок» — так немецкие разведчики назвали намеченное покушение на лидеров «Большой тройки» во время **Тегеранской конференции.** Организацию покушения Гитлер поручил своему любимцу Отто Скорцени.

В августе 1943 года на парашюте в районе Тегерана приземлился опытный немецкий разведчик Роман Гамота, лично известный Гитлеру и Гиммлеру. Он сразу связался с главой германской резидентуры Францем Майером. В помощь им была заброшена группа из шести немецких «коммандос». Они высадились в районе города Кум, в семидесяти километрах

от Тегерана, до которого добирались более двух недель. С собой они имели много снаряжения и оружия, которое вначале везли на десяти верблюдах, а потом переложили на грузовик. Члены группы перекрасили волосы в черный цвет, переоделись в иранскую одежду и разместились на конспиративной квартире, ожидая прибытия главных исполнителей операции «Длинный прыжок».

Между тем советская разведка не дремала. Одно из первых сообщений о замыслах немцев поступило от разведчика Николая Кузнецова, который действовал в немецком тылу, в Ровно, под именем обер-лейтенанта Пауля Зиберта. Ему проболтался об этом штурмбанфюрер СС Ульрих фон Ортель, который приглашал «своего друга Пауля» на одно «дельце» в Тегеран. Кузнецов отказался, а Ортель прибыл в иранскую столицу и присоединился к Майеру и Гамоте.

Поступали в разведку сообщения и из других источников — от иранцев, немцев, и очень

интересные — от семнадцатилетнего Амира, руководителя «легкой кавалерии», о котором вы прочтете в следующем очерке.

Время начала конференции приближалось. Разведка приняла нужные меры. Действия основной группы диверсантов оказались в поле зрения советской и английской разведок, и за ними установили наблюдение. Работа их радиостанции была запеленгована, радиограммы перехвачены и дешифрованы, после чего участники группы арестованы.

Узнав о провале группы, Гитлер решил не направлять в Тегеран главных исполнителей операции «Длинный прыжок», и она была отменена. Об этом решении Гитлера стало известно только впоследствии, уже после войны. А тогда, в 1943 году, об этом не знали и вполне резонно полагали, что у немцев есть запасные варианты, и покушения все же следует опасаться.

Поэтому, когда лидеры трех стран съехались в Тегеран, Сталин предложил Рузвельту поселиться в советском посольстве. Рузвельт принял это предложение, а Черчилль очень ревниво отнесся к нему и сказал:

— Сталин перехитрил нас и выиграл этот раунд.

Вернувшись в Вашингтон, президент Рузвельт на пресс-конференции сказал:

— Маршал Сталин заявил, что, возможно, будет организован заговор с целью покушения на жизнь всех участников конференции. Он просил меня остановиться в советском посольстве,

чтобы избежать необходимости поездок по городу... Для немцев было бы довольно выгодно, если бы они могли разделаться с маршалом Сталиным, Черчиллем и со мной в то время, когда мы проезжали бы по улицам Тегерана, поскольку советское и американское посольства отделены друг от друга расстоянием в полтора километра.

Конференция прошла успешно, приняла очень важные решения, и ее работе никто не помешал.

«Довольно выгодное для немцев» дело провалилось благодаря успешной работе нашей и английской разведок, в том числе и группы Амира.

АМИР — ВОЖАК «ЛЕГКОЙ КАВАЛЕРИИ»

В «Очерках истории российской внешней разведки» об Амире очень интересно рассказал Л. П. Костромин. С любезного разрешения автора я изложу историю Амира. Кое-что поведал мне и сам ныне здравствующий **Амир**, настоящее имя которого раскрыто совсем недавно — Геворк Вартанян.

Отец Амира был иранским подданным и сотрудничал с советской разведкой. Семья жила в Ростове-на-Дону, а когда Амиру исполнилось шесть лет, по заданию разведки перебралась в Иран. Отец стал преуспевающим коммерсантом, почти никогда не пользовался

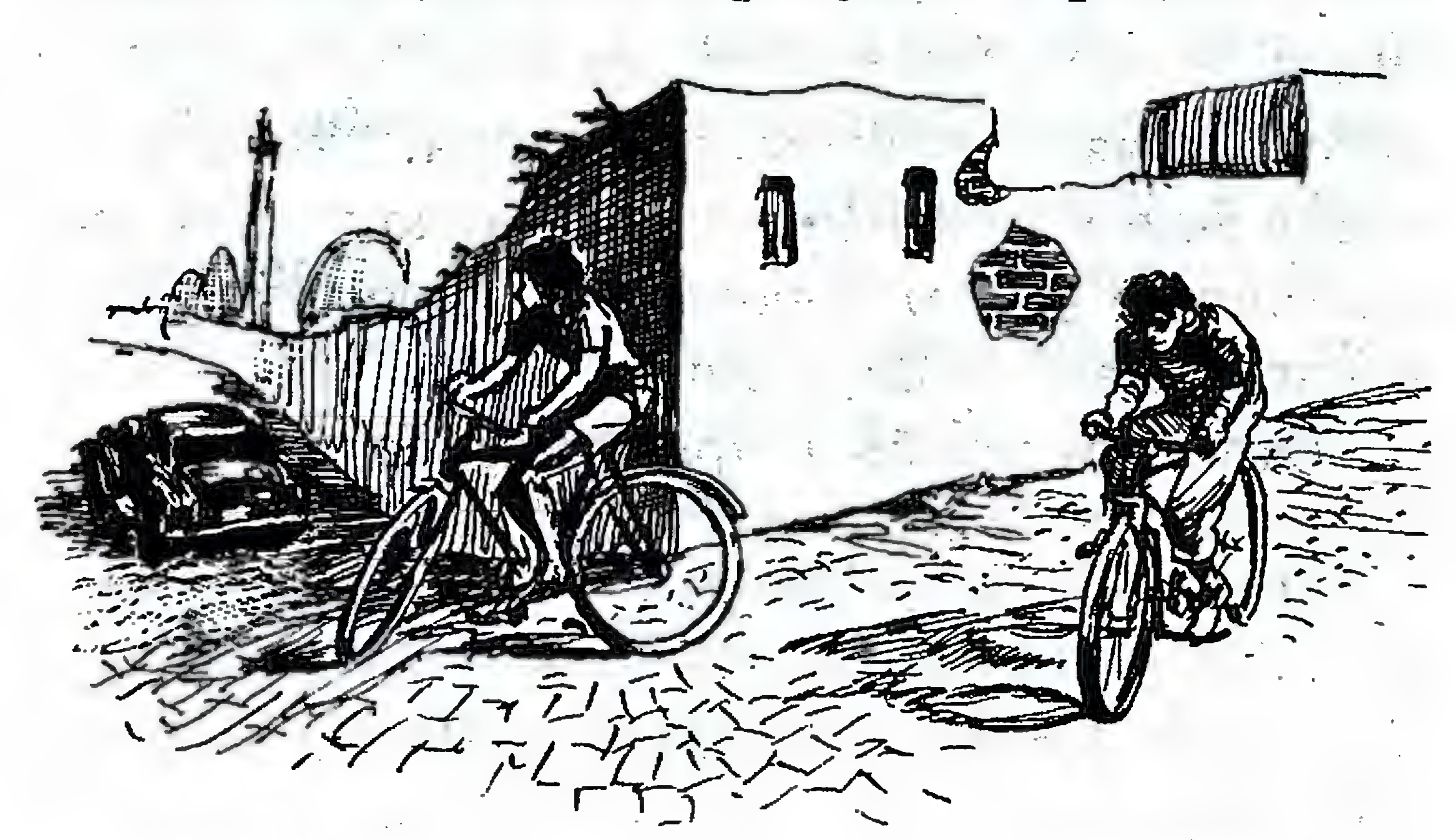
деньгами Центра, сам зарабатывал на все расходы. Он создал агентурную сеть и оказывал действенную помощь советской разведке.

Его несколько раз арестовывали по подозрению в шпионаже, но доказать обвинения не могли и выпускали на свободу.

Он был настоящим патриотом Советской России и своих детей воспитывал в том же духе. Именно под его влиянием Амир, тогда еще совсем молодой, шестнадцатилетний мальчишка, в 1940 году стал разведчиком.

Его первым учителем был советский резидент И. И. Агаянц, у него Амир почерпнул любовь к профессии, романтизм, чувство удовлетворения работой, идущей на пользу Родине.

Амир выполнил первое задание — подобрал группу друзей и единомышленников, которых привлек к нашей работе. Они были молоды, отважны, охотно шли на риск. В резидентуре их в шутку назвали «легкая кавалерия», может быть и потому, что по городу они передвигались

на велосипедах. Других средств передвижения у них не было, только в 1942 году появился немецкий трофейный мотоцикл «Цюндапп».

По заданию Агаянца группа действовала как бригада наружного наблюдения, а иногда и как отряд быстрого реагирования, «способный выполнять специальные задания».

Всего лишь за пару лет с помощью группы Амира было выявлено четыреста лиц, связанных с германскими разведслужбами.

Юный возраст участников группы очень помогал им. Те, за кем они наблюдали, никак не могли предположить, что какие-то мальчишки-велосипедисты следят за ними. Не всегда дело ограничивалось слежкой, иной раз приходилось участвовать в острых операциях, когда жизнь юношей висела на волоске. Время было военное, жестокое, и они знали, что их сверстники в партизанских отрядах так же отважно дрались с врагом.

В том, что немецкая операция «Длинный прыжок» по покушению на участников Тегеранской конференции была сорвана, есть заслуга и группы Амира.

Именно она выследила скрывавшегося в Тегеране немецкого резидента Майера. Захватить его советской разведке, правда, не удалось: буквально под носом нашей группы захвата он был арестован английской разведкой, которая тоже вела охоту за ним. Так или иначе он был выбит «из игры», а два его радиста арестованы.

Во время поиска Майера Амир с друзьями установили его пособников, которые обеспечивали тому убежище и готовились предоставить также убежище другим немецким агентам. С помощью «семерки» Амира был обнаружен и арестован главный помощник Майера Отто Энгельке.

Лишившись руководителей и радиосвязи, германская разведка к концу 1943 года резко ослабила свою деятельность.

Еще до этих арестов резидентуре стало известно, что некий немецкий коммерсант (ему дали кличку «Фармацевт») ведет активную разведывательную деятельность и тайно встречается с высокопоставленными иранцами. Однако следившая за ним группа Амира никаких его встреч не засекла. Тогда стали внимательно наблюдать за его домом и обнаружили там брата-близнеца «Фармацевта». Один из братьев выходил из дома, уводил группу наблюдения за собой и спокойно шел в бар или в кино, где ни с кем не встречался. А второй, установив, что группа ушла, тоже выходил из дома и направлялся на нужную встречу.

Обнаружился и еще один интересный немец, по имени Вальтер. Он был владельцем букинистической лавки, куда постоянно заходили иранские офицеры, которые покупали и продавали книги. Возникло подозрение, что эта лавочка служит **«почтовым ящиком»** немецкой резидентуре.

Ребята из группы Амира стали посещать лавочку, познакомились с Вальтером и установили, что хотя он действительно содержатель немецкого почтового ящика, но в победу Германии не верит, считает нападение на Россию грубой ошибкой фюрера, которая приведет к катастрофе.

Работники резидентуры вплотную занялись Вальтером и вскоре завербовали его. Он был одним из тех, кто сообщил о планах покушения на руководителей «Большой тройки».

Ребята Амира первые узнали и сообщили о десанте передовой немецкой группы, прибывшей для участия в покушении, и помогли ее разоблачить.

Англичане, хотя и были союзниками СССР, вели одновременно враждебную работу против нашей страны. Они под видом радиоклуба создали **разведывательную школу**, где готовили шпионов для засылки в советские республики Средней Азии и Закавказья.

По заданию резидентуры Амир внедрился в эту школу и получил там хорошую разведывательную подготовку, которая пригодилась ему в дальнейшем. Его научили многому, что должен знать и уметь разведчик: двусторонней радиосвязи, тайнописи, тайниковым операциям, пользованию шифрами, методами вербовки агентуры.

Но конечно, не это было главным для него. Амир и его друзья собрали самую подробную информацию и о школе, и о ее курсантах. Стало

известно, что после окончания шестимесячных курсов выпускников обычно направляли в Индию, где они совершенствовали мастерство и тренировались в прыжках с парашютом. После этого их забрасывали на территорию СССР.

В результате действий «семерки» стали известны многие из выпускников школы. Почти всех поймали после заброски в СССР. Часть из них согласилась работать на нашу разведку и передавать англичанам **дезинформацию**. Так получилось, что школа не только работает вхолостую, но и приносит хозяевам вред. В результате она была закрыта.

Славной помощницей Амира, а впоследствии его женой стала шестнадцатилетняя девушка. Они прошли вместе большой путь в советской разведке, работали в разных странах мира. Недавно отметили золотую свадьбу.

Работая в группе, она принесла большую пользу. Благодаря ей было выявлено много фашистских агентов. Она сумела раскрыть тайную квартиру, где фашистская разведка скрывала двух советских летчиков-изменников. Они угнали свои самолеты из Баку в Иран, и немцы собирались переправить их в Германию, но летчики были арестованы и понесли наказание.

Группа Амира действовала до конца 40-х годов. Сам же он, как сказано выше, вместе с женой работал за рубежом многие годы и продолжает свою службу и сегодня.

Амиру присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

ДАТСКАЯ «МИЛЕДИ»

Девятого апреля 1940 года гитлеровские войска оккупировали беззащитную Данию.

В стране началось движение Сопротивления (ДДС), которое особенно усилилось после нападения фашистской Германии на Советский Союз.

Одной из ключевых задач, стоявших перед разведкой Сопротивления, стало проникновение в немецкие штабы и карательные органы — в управление рейхскомиссара Беста, в штаб командующего оккупационными войсками Ханнекена и шефа СС генерала Гюнтера Панке. Представляло интерес для разведки и немецко-датское гестапо во главе с эсэсовским офицером Фендманом. Но большинство попыток датских патриотов оказалось безрезультатным.

В начале 1942 года один из участников ДДС на встрече со своим руководителем сообщил, что к нему в гости приехала кузина, которая, по его мнению, могла бы заинтересовать разведку.

— Зовут ее **Джейн Хорней.** Ей двадцать три года, по происхождению она полудатчанка, полушведка. Замужем за шведским журналистом, аккредитованным в Берлине. Но в откровенной беседе с моей матерью — ее теткой — призналась, что изменяет ему направо и налево. В Копенгаген приехала, чтобы повидаться с одним из своих любовников, генералом Гюнтером Панке, шефом СС.

— Ого! А каковы ее настроения?

— Судя по ее словам, она презирает немцев: того же Панке называет бестактным солдафоном со злыми бегающими глазками и осуждает их зверства. Конечно, поручиться за нее я пока не могу, но, на мой взгляд, она заслуживает внимания.

— Спасибо. Мы займемся ею. А вы продолжайте наблюдать.

К Джейн подвели одного из надежных агентов ДДС «Сильвию», с которой они вскоре стали близкими подругами. Общение с Джейн убедило Сильвию в том, что та — датская патриотка, смелая, дерзкая на язык, а любовные похождения — от экстравагантности и жажды приключений.

Поступали и другие данные о патриотическом настроении Джейн и ее желании бороться с немцами. Изучив все эти материалы, руководство ДДС решило привлечь Джейн к сотрудничеству.

Во время вербовочной беседы Джейн выразила удивление только одним: почему ее так долго искали, в то время как она уже давно готова участвовать в движении Сопротивления.

Таким образом, в начале 1943 года Джейн Хорней — она получила псевдоним «Кошечка» — стала работать на разведку ДДС.

Пока все складывалось как нельзя лучше. С разрешения немцев она продолжала разъезжать между Стокгольмом, Копенгагеном и Берлином. Немцы, не стесняясь хорошенькой,

всегда веселой молодой женщины, говорили при ней о своих делах, а во время поездок она собирала нужную для ДДС и английской разведки информацию. Особенно значимыми оказались ее несколько предупреждений о готовящихся против ДДС карательных акциях, что позволило вывести из-под удара многих участников Сопротивления. Пауль Шмидт однажды поделился с ней ставшим ему известным секретом: один из представителей ДДС в Стокгольме — агент-двойник. Через пару дней этот факт стал известен разведке ДДС. Ликвидировать двойника на территории Швеции было нельзя, но от его услуг под благовидным предлогом отказались.

И ДДС, и английская разведка считали, что в лице Кошечки они приобрели верного и ценного агента.

Во всяком движении бывают максималисты, сторонники крайней точки зрения: «Кто не с нами, тот против нас». Одним из таких людей в разведке ДДС оказался молодой контрразведчик Йонсен. До конца преданный делу, романтик, восторженный и жестокий одновременно, он ни на йоту не верил Кошечке.

— Не может немецкая куртизанка, деляшая свое ложе и свое тело с грязными бошами, быть верной нашему движению. Она или с ними, или с нами, скорее с ними, — заявил он на встрече с руководителем разведки.

По настоятельной прозьбе Йонсена ему поручили провести дополнительную проверку

Кошечки, не вызывающей, казалось, никаких подозрений. Проверка принесла поразительные результаты. Выяснилось, что Джейн Хорней ведет **двойную игру**. Следовало принять экстренные меры по ее локализации. Но в руководстве ДДС не было единого мнения: часть руководителей, воспитанная в традициях правового государства, считала, что нужны более веские доказательства. Добыть такие данные в конце концов удалось.

На несчастье Джейн, внедренный в гестапо агент проник в картотеку немецкой агентуры. В карточке на «Агента № 503» значилось: «Полное имя — Эбба Шарлотта Хорней Гранбер. Возраст 23 года. Завербована в июне 1943 года. Используется в контршпионаже против ДДС, а в Стокгольме против русских. Вознаграждение — выплачено 50 тысяч в немецкой, шведской и датской валюте. Отношение к шпионажу положительное. Мотивы вербовки — эротика и хорошее вознаграждение».

Этот документ явился последней каплей, переполнившей чашу терпения руководства движения Сопротивления. Джейн — Эбба Шарлотта Хорней Гранбер — «Кошечка» по законам военного времени в декабре 1944 года за предательство была заочно приговорена к смертной казни.

Трудность исполнения приговора заключалась в том, что на рождественские праздники Джейн уехала в Стокгольм и как будто не собиралась возвращаться оттуда. Может быть,

каким-то звериным чутьем почувствовала неладное. Но борцы Сопротивления, и прежде всего Йонсен, были непреклонны: предательница должна умереть!

В середине января 1945 года две группы боевиков во главе с Йонсеном отправились в Швецию. Действия проводились по тщательно разработанному плану. Подруга Джейн, Сильвия вызвала ее в город Мальме на встречу с одним из руководителей ДДС. Встреча должна была проводиться на катере в открытом море. «По соображениям конспирации», — объяснила Сильвия.

Катер взял курс к проливу Эресуни, где якобы была назначена встреча с руководителем ДДС. В намеченном месте катер остановился.

Бент достал портативный радиоприемник. В холодном январском морском воздухе раздалось: «Это Лондон. Лондон вызывает Данию...» Прозвучал выпуск «Последних новостей»: русские войска сегодня освободили

Варшаву, англо-американские оправляются от поражения, нанесенного им немцами в Арденнах, потом шли менее важные известия.

А затем зазвучала музыка и среди песен — куплет из специально сочиненной песенки на английском языке «Спи, Джейн, засыпай»:

Милая, сладкая кошечка Джейн,
Спи, засыпай.
Шерстка мягка, но остры коготки твои,
Баюшки-бай.
Спрячь коготки свои, кошечка Джейн,
Спи, засыпай.
Больше не будешь царапаться ими,
Баюшки-бай.

Эта песня явилась условным сигналом: приговор должен быть приведен в исполнение. Молодые бойцы и тут оставались романтиками.

Бент, получив сигнал, заявил, что они собрались для свершения над Джейн Хорней суда за измену... Бездыханное тело «Кошечки» с камнем на шее ушло в холодные воды Балтийского моря...

Скорее всего ликвидировать предательницу можно было более простым и менее драматичным способом — наверняка у боевиков ДДС имелся на этот счет опыт. Но исполнители приговора избрали именно такой. Может быть, юные романтики, недавно вышедшие из возраста тинейджеров, воображали себя бравыми мушкетерами, казнившими коварную Миледи. Кто знает?

Автор пытался выяснить, насколько соответствует действительности упоминание в характеристике «Агента № 503» об ее успешной

работе против русских. В архивах сведений об этом он не нашел. Незадолго до кончины Зои Ивановны Вознесенской-Рыбкиной, которая в годы войны была резидентом внешней разведки в Стокгольме, автору удалось побеседовать с ней. Она сказала, что о деятельности Джейн против советских представителей у нее нет каких-либо данных, но вспомнила, что после исчезновения и казни Джейн Хорней шведская печать не раз писала об этом деле, обвиняя датчан в том, что они незаконно похитили и казнили невинную жертву.

«ДЕРЗКАЯ ДЕВЧОНКА»

Жизнь казалась легкой и веселой, и бесшабашной, хулиганистой Любке представлялась сплошным праздником. Другие чем-то занимались, куда-то готовились, ходили на какие-то кружки, собрания. Ей все это представлялось лишним: так, «дикая кошка, гуляющая сама по себе». В комсомол ее не принимали — она нигде не училась и не работала, да, впрочем, она и сама не очень рвалась туда: дисциплина и за-

Любовь Шевцова

организованность претили ей. Так и существовала она до того самого дня 1941 года, когда отец, уходя, поцеловал ее и сказал:

— Ты хоть маму пожалей, Любаша, возьмись за ум!

Обстоятельства меняются, а вместе с ними меняются и люди. И когда в поселок пришли первые скорбные извещения, когда на станции остановился первый эшелон с ранеными, а по радио зазвучали слова, призывающие каждого отдать жизнь за Родину, она взялась за ум.

Где девчонка может лучше всего применить свои силы и знания? Конечно, в госпитале. И Любка пошла в школу медсестер. Теперь уже было не до шуток: она добросовестно училась и вступила в комсомол. Но делать что-то наполовину она не хотела и не могла.

Уж если защищать Родину, то не отсиживаясь в госпитале, а на переднем крае или в тылу врага. Она проходила практику в Краснодонской городской больнице, переоборудованной в госпиталь, когда услышала о наборе в специальную школу НКВД. Сомнений не было — она должна идти туда.

«Начальнику НКВД от **Шевцовой Любови Григорьевны**, 1924 года рождения. Прошу принять меня в школу радистов, так как я желаю быть радистом нашей Советской страны, служить честно и добросовестно. По окончании этой школы обязуюсь гордо и смело выполнять задания в тылу врага и на фронте. Шевцова».

Начались напряженные занятия в школе. В этом наборе много краснодонцев, в том числе и некоторые будущие молодогвардейцы.

Опытные инструкторы учили работе на портативных коротковолновых радиостанциях, шифровке и дешифровке радиограмм, стрельбе, прыжкам с парашютом.

В начале июня 1942 года создалась угроза прорыва немецких войск.

Любовь Шевцову и еще нескольких радистов включили в состав разведгрупп, которые должны были остаться в оккупированном Ворошиловграде. Ее направили в одно из подразделений УНКВД, где она продолжала совершенствовать мастерство радистки и получала оперативные навыки работы в тылу врага.

Тем временем обстановка на фронте ухудшилась. Немцы к 8 июля вплотную подошли к Ворошиловграду. Любу, получившую подпольную кличку «Григорьева», включили в оперативную группу «Буря» под командой Кузьмина. В задании говорилось: «Для поддержания связи с Центром вам придается коротковолновая радиостанция и радист «Григорьева» — т. Шевцова Л. Г., которая нами дополнительно проинструктирована. Станция будет установлена на квартире Чеботарева...» Далее ставились задачи по ведению разведывательной работы.

Люба оставалась в городе под своей фамилией, имела на руках подлинные документы, ей отработали легенду и оформили прописку у Кузьмина как его племянницы.

На следующий день Кузьмин и Шевцова зашли к Чеботареву, чтобы провести осмотр и установить рацию. Чеботарев встретил их хмуро:

— Христом Богом прошу, заберите всё это. Не могу я. Боюсь. Не герой я, и детишки у меня маленькие.

Кузьмин и Люба просили его, взывали к патриотизму, угрожали, но тот твердил свое:

— Заберите! Не помощник я вам. В чем другом помочь постараюсь. А это не могу. Заберите!

Пришлось взять у него рацию.

Ее перепрятали в доме Кузьмина, где он и Люба сделали в печи специальное гнездо.

17 июля в город ворвались немецкие войска. Это был апофеоз их наступления: здоровые, веселые солдаты, в пыли и грохоте танков они устремились к Сталинграду, еще не зная того, что ожидает их там всего через четыре месяца. Но пока они были хозяевами положения, и у многих людей, видевших их мощь, не выдерживали сердца и души.

Но Люба оставалась спокойной. Ежедневно в 5.30 и в 23.45 она прослушивает эфир и под своим позывным «314» пытается связаться с Центром и передать развединформацию. Но все напрасно. Ее не слышат и ей не отвечают. Как впоследствии установили, ее рации просто не хватило мощности для связи с Центром. Кроме того, там не было установлено постоянное прослушивание на ее частоте.

Кузьмин принимает решение: без связи работа группы не имеет смысла. Он дает задание связнику-разведчику Авдееву перейти линию фронта, установить связь с Центром и доложить о ситуации. Но тот идти отказался, ссылаясь на плохое состояние здоровья. Кузьмин растерялся. Он не воспользовался возможностью послать через фронт другую разведчицу, Акулову, или радистку «Григорьеву». Он отправил Любу на несколько дней к матери в Краснодон, а когда она вернулась, Кузьмина дома не оказалось. Он скрылся в деревне у родных.

Люба еще несколько раз приходила на квартиру Кузьмина, но его престарелые родственники, зная, где он прячется, не сказали ей этого.

В последний раз Люба появилась на квартире Кузьмина в ноябре 1942 года, после чего, видимо, потеряв надежду застать его, больше не приходила.

Но не в ее характере было отказываться от борьбы с врагом. Видя, что основное задание не по ее вине невыполнимо, она ищет новые

пути и находит: вступает в «Молодую гвардию» и становится активным членом ее штаба.

Об этой организации и работе в ней Любови Шевцовой написано в романе А. Фадеева «Молодая гвардия», создан прекрасный фильм с тем же названием, в котором роль Любы Шевцовой ярко и искрометно исполнила И. Макарова, опубликовано множество статей и очерков.

Тем временем за выпускниками Ворошиловградской спецшколы, оставшимися на оккупированной территории, начинается охота. Ее осуществляет агентура передового поста немецкой контрразведки «Мельдекопф-Тан» (Тан — руководитель поста), входившего в состав штаба «Валли-3» из ведомства адмирала Канариса, то есть абвера.

Разоблаченный агент абвера Шаповалов показал на следствии: «В списке разыскиваемых советских разведчиков было примерно семь человек, в том числе Светличный, Филатов, Панченко Валя, Шевцова Люба и другие. Предал их и получил задание по розыску Панченко и Шевцовой выпускник той же спецшколы Шпак».

Все это выглядело довольно странно. С одной стороны, абвер знал о том, что Люба обучалась в разведшколе и искал ее в Ворошиловграде, но не мог разыскать, хотя она не скрывалась, а жила у себя дома в Краснодоне. С другой стороны, о том же, но уже по линии полиции и основываясь на слухах, донес начальнику полиции Краснодона Соликовскому предатель,

следователь Кулешов. Точных данных о ее учебе в разведшколе у них не было. Поэтому, когда Любу вызвали на допрос в полицию, ей удалось уверить полицейских, что она действительно обучалась на курсах, но не разведывательных, а медицинских. Об этом она после допроса рассказала О. Кошевому и В. Левашову.

— Отбрехалась, — смеялась Люба.

Несогласованность между действиями немецких спецслужб была для них весьма характерна. Взаимная неприязнь, зависть, конкуренция создавали немало помех в их собственной работе. Любовь Шевцову так и не смогли разоблачить и арестовать как разведчицу-радистку.

1 января 1943 года она была арестована на квартире матери в Краснодоне как член штаба организации «Молодая гвардия». Только после ее ареста спецслужбы как-то согласовали свои действия. Любу отделили от других молодогвардейцев и отправили в Ровеньки. Там ее допрашивал начальник окружной полиции полковник Ренатус и начальник местной жандармерии майор Вернер. Они не спрашивали о работе подпольщиков. Их интересовали данные о ее разведывательной деятельности, о том, где спрятана радиостанция и т.д. Ее рассматривали как радистку-разведчицу, которую можно попытаться перевербовать и заставить работать на себя. Этим можно объяснить то, что допросы велись в относительно корректной форме.

Но если большинство ее товарищей на допросах молчали, то Люба, как заявил впоследствии на допросе один из фашистских следователей, «вела себя развязно, дерзила, грубила, ругалась, всячески оскорбляла тех, кто ее допрашивал и издевалась над ними». Когда майор Вернер попытался ее обнять, она влепила ему пощечину. В сильный мороз ее послали мыть полы в офицерских комнатах. Открыв настежь окна, она залила полы холодной водой, которая тотчас превратилась в лед.

Эта вода явилась той каплей, которая переполнила терпение немцев. Абвер потерял интерес к Любе, и ее бросили в общую камеру, где подвергли тем же пыткам, что и ее товарищей-молодогвардейцев.

Характер и воля Любови Шевцовой оказались сильнее пыток. Она не только сама держалась жизнерадостно, стойко, но и подбадривала подруг. Всегда острая на язык, она и в камере оставалась такой.

За несколько часов до казни Люба написала на стене камеры осколком кирпича: «Мама, я тебя сейчас вспомнила. Твоя Любаша».

Любе удалось отправить матери две записки:

«Здравствуйте, мамочка и Михайловна! Мамочка! Вам уже известно, где я нахожусь... Прости меня за все, может я тебя вижу в последний раз, а отца уже, наверное, не увижу.

Мама, передайте привет тете Маше и всем-всем. Не обижайся, с тем и до свидания. Твоя дочурка Любаша».

И вторую, по своему лаконизму и силе выраженного в ней чувства достигающую эпических высот:

«Прощай мама, твоя Любка уходит в сырую землю».

Не случайно эта записка включена в книгу П. Мальвецци и Дж. Пирелли «Письма обреченных на смерть борцов европейского Сопротивления», изданной в Италии.

Посмертно Любови Григорьевне Шевцовой присвоено звание Героя Советского Союза.

АНЯ МОРОЗОВА

Одна из самых удивительных героинь Второй мировой войны — **Аня Морозова**, ставшая у нас широко известной благодаря фильму «Вызываем огонь на себя», где ее роль блестяще исполнила Людмила Касаткина. Но мало кто знает, что Сещинское подполье, о котором рассказывается в фильме, это только треть ее боевой биографии.

До войны на станции Сеща Смоленской области, километрах в трехстах от Москвы, размещалась авиационная воинская часть, где скромным вольнонаемным делопроизводителем работала двадцатилетняя Аня Морозова.

22 июня 1941 года она явилась к начальству и подала заявление об отправке на фронт.

— Здесь такой же фронт, — сказали ей. — Будешь работать на старом месте.

Но немцы подходили все ближе, и однажды Аню пригласили в кабинет заместителя командира части. Там сидел незнакомый немолодой офицер.

— Аня, — сказал он, — мы тебя хорошо знаем. Скоро здесь будут фашисты. Наша часть эвакуируется. Но кто-то должен остаться. Работа будет опасной и сложной. Готова ли ты на нее?

Аня ответила согласием.

Немцы полностью восстановили и расширили первоклассный аэродром, построенный незадолго до войны. Сещинская авиабаза стала одной из крупнейших баз дальней бомбардировочной авиации Гитлера, откуда самолеты совершали налеты на Москву, Горький, Ярославль, Саратов... Аэродром имел сильную противовоздушную оборону, был надежно защищен с земли, все подступы к нему блокированы, территория вокруг базы находилась на особом режиме.

Первое время в разведывательную группу Ани входили девушки, работающие в основном в сфере обслуживания немецкой воинской части. Но вскоре они сделали своими помощниками мужчин. Это были молодые поляки и чехи, мобилизованные на работу в немецкую армию: два Яна — Тима и Маньковский, унтер-офицер Венделин Рогличка и другие.

«Аня Морозова и ее девушки, — вспоминал много лет спустя Ян Тима, — были пружиной и взрывателем всего нашего дела».

Если поначалу успехи носили случайный характер — Ане, например, удалось похитить у немцев противогаз новейшей конструкции или узнать номера частей, дислоцированных на аэродроме, то с приобретением новых помощников работа стала планомерной и постоянной.

— Что мы должны узнать для вас? — спросил Ян Тима.

— Все, — ответила Аня. — Все об аэродроме, все об авиабазе, все о противовоздушной и наземной обороне.

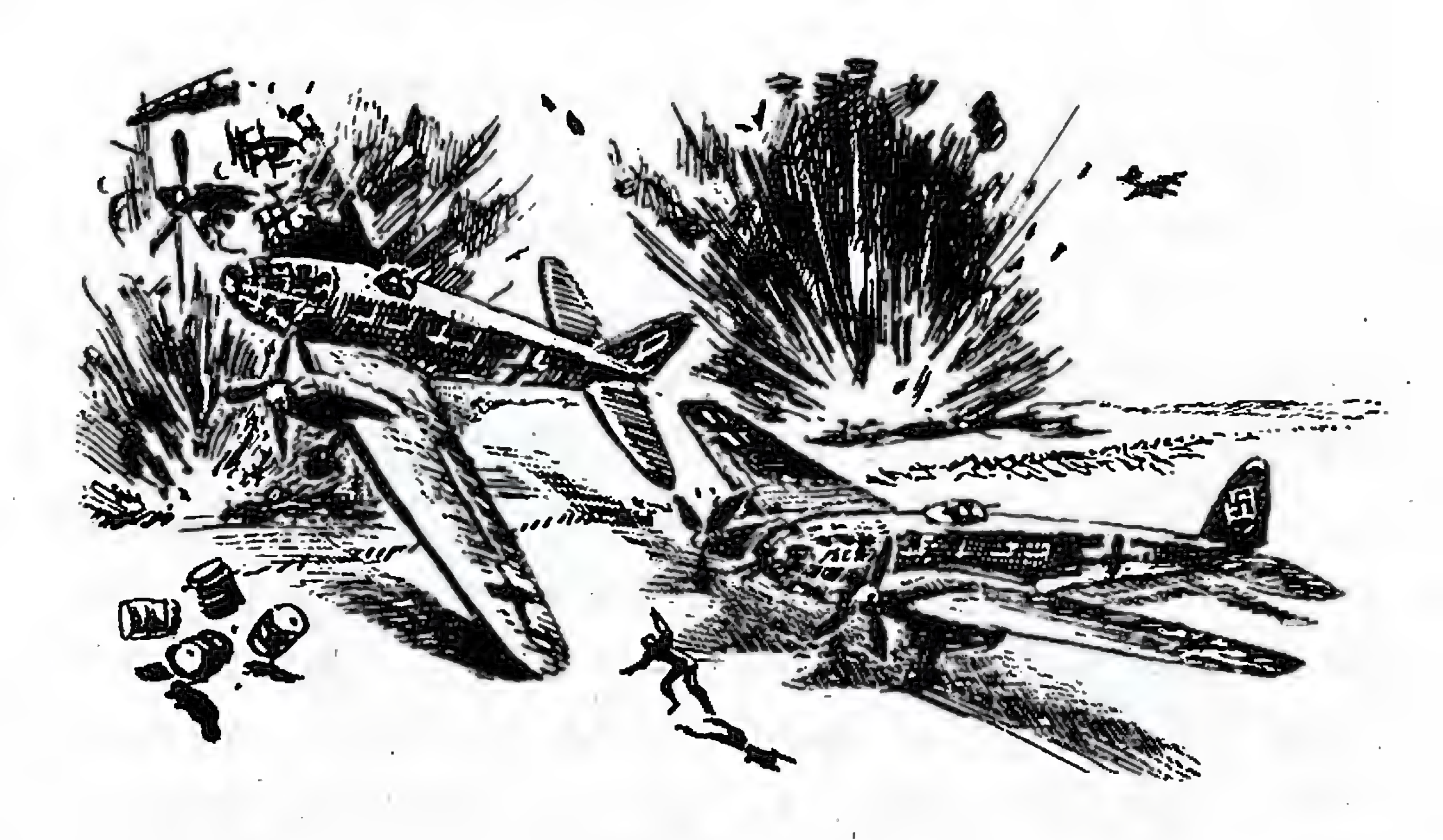
Вскоре Ане передали карту с нанесенными на ней штабами, казармами, складами, мастерскими, ложным аэродромом, зенитками, прожекторами, точным обозначением мест стоянок самолетов с указанием их количества на каждой стоянке.

Карту переслали в разведотдел штаба Западного фронта. В результате совершенного после этого налета сгорело двадцать два самолета, двадцать были повреждены, три были сбиты при попытке подняться в воздух. Сгорел склад бензина. Аэродром вышел из строя на целую неделю. И это в дни ожесточенных боев!

Об успешной бомбежке сообщалось в сводке Совинформбюро.

С того времени по ориентирам разведчиков бомбежки Сещинской авиабазы проводились систематически, несмотря на создание ложных аэродромов, усиление сети ПВО и т. д.

В дни Сталинградской битвы по базе был нанесен мощный удар — сброшено две с поло-

виной тысячи авиабомб, выведено из строя несколько десятков самолетов. К этому времени Аня имела своего человека в штабе коменданта Сещинского аэродрома. Этим человеком был Венделин Рогличка. Он имел возможность добывать такие сведения, как графики полетов, данные о запасных аэродромах и даже планы карательных экспедиций против партизан. Именно он сообщил Ане о выезде части летного состава Сещинской авиабазы на отдых в село Сергеевку. Партизаны, совершив ночной налет на «дом отдыха», уничтожили около двухсот летчиков и техников.

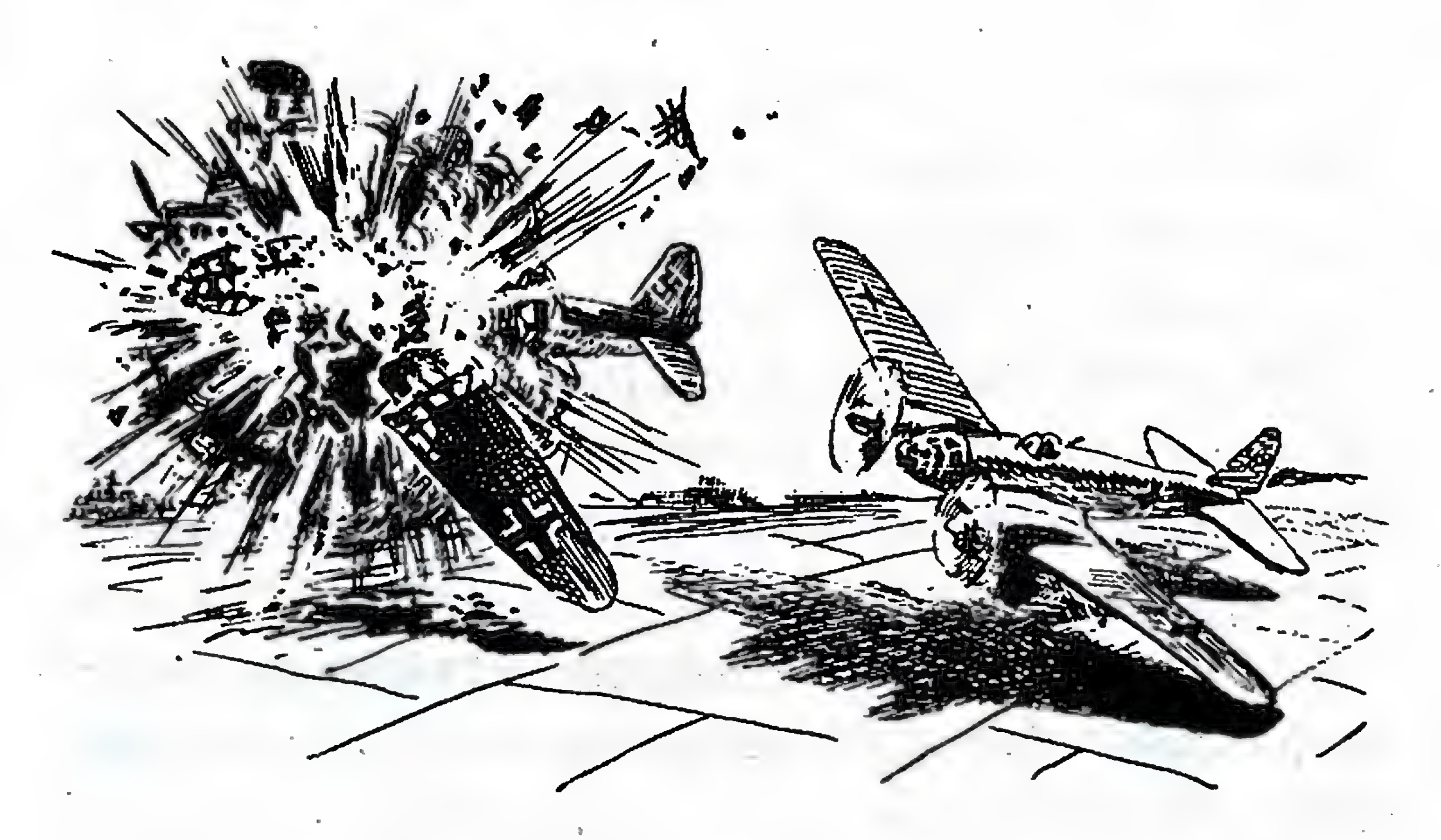
Но велась не только разведка. Вскоре группа Ани приступила к операциям по саботажу. Начали с небольшого: подсыпали сахар в бензин, песок в пулеметы, похищали парашюты и оружие. Постепенно перешли к диверсиям. К бомбам и бомболюкам самолетов прикрепляли мины замедленного действия, которые взрывались в воздухе, и самолеты гибли «по

неустановленным причинам» через час-полтора после вылета.

3 июля 1943 года разведчики заметили на аэродроме необычное оживление. Прибыло множество новой техники и летного состава. Удалось подслушать разговоры летчиков о том, что 5 июля начнется наступление на Курской дуге. Информация была своевременно передана в Центр и стала еще одним подтверждением уже имеющихся разведывательных данных, что помогло нанести противнику упреждающий удар и сыграло немаловажную роль в исходе одной из крупнейших операций Второй мировой войны.

Только в дни Курской битвы подпольщики из группы Ани Морозовой взорвали шестнадцать самолетов! Экипажи погибали, не успевая радировать о причине. Никакие расследования ни к чему не привели — Сещинское подполье одно из немногих, не знавших предательств. Погиб лишь, попав в лапы гестапо по собственной вине, Ян Маньковский и умер как герой, никого не выдав.

Вскоре после этого на глазах у всех, едва успев взлететь, взорвались три самолета, на которые установил мины Ян Тима. Они должны были взорваться через час после вылета, но вылет задержался. По Сещи прокатилась волна арестов. Ян Тима и Стефан Гаркевич были тоже арестованы, но бежали, и Аня переправила их в партизанский отряд. Удалось спастись и большинству других подпольщиков.

18 сентября 1943 года Сеща была освобождена. Аня поступила в школу радисток-разведчиц той части, в которой когда-то служили Зоя Космодемьянская и Константин Заслонов. После этого родные потеряли с ней связь. А в 1945 году получили извещение, что она пропала без вести.

В действительности же произошло следующее. После окончания курсов Аня получила задание в составе группы разведчиков вылететь в тыл врага, в Восточную Пруссию, где требовалось разведать систему укреплений противника. Так начинался второй этап ее боевой жизни.

В ночь на 27 июля 1944 года над Восточной Пруссией высадился парашютный десант. В его составе было восемь разведчиков во главе с капитаном Павлом Крылатых и две девушки-радистки — Зина Бардышева и Аня Морозова, «Лебедь». Группе не повезло, она была сброшена на высокий лес, и шесть парашютов

остались на деревьях, демаскируя высадку. Немцы начали преследование и в первом же коротком бою убили командира группы.

В этот же день случилось и неожиданное: разведчики вышли на сильнейшую линию резервных немецких долговременных укреплений — железобетонные доты, надолбы, траншеи. Линия никем не охранялась, так как фронт был далеко. Нашему командованию о ней не было ничего известно. Это явилось первым успехом.

Но за парашютистами началась настоящая охота. На их поиски бросили крупные силы. В целях мобилизации бдительности населения нацисты сожгли хутор Кляйнберг, убили его жителей и, приписав это советским парашютистам, дали публикации в местные газеты. Такое «внимание» к парашютистам стало не случайным: дело в том, что еще утром 27 июля, спустя несколько часов после приземления группы, гауляйтеру Восточной Пруссии Эриху

Коху доложили, что к северо-востоку от Кенигсберга обнаружены повисшие на деревьях парашюты; с помощью собак удалось найти и остальные, зарытые, а также и грузовой с запасными комплектами батарей для питания рации и боеприпасами.

Результатами операции против парашютистов интересовался сам Гиммлер, неоднократно звонивший из Берлина. Облавы не прекращались ни днем ни ночью. На проческу лесов помимо полицейских сил ежедневно выделялось до двух полков. Мобильные группы всякий раз на автомашинах на большой скорости устремлялись к тем местам, откуда велись запеленгованные немцами радиопередачи.

Группа голодала. Из телеграмм нового командира группы в Центр в начале ноября 1944 года: «Все члены группы — это не люди, а тени... Они так изголодались, промерзли и продрогли в своей летней экипировке, что у них нет сил держать автоматы. Просим разрешить выход в Польшу, иначе мы погибли».

Но группа продолжала действовать, вела разведку, брала языков, отбивала шифровки в Центр. В одном из боев группа была окружена.

Оставшиеся в живых бросились в разные стороны. Аня с рацией трое суток блуждала по лесу, пока не наткнулась на разведчиков из спецгруппы капитана Черных. Встретились с польскими партизанами, вместе провели несколько операций. В одной из них группа попала в засаду, капитан Черных и остальные

разведчики погибли. И опять Ане удалось спастись. Она сумела выйти на территорию Польши, в Мышенецкую пущу, севернее Варшавы. Там у нее еще была возможность остаться в живых, затерявшись в толпах беженцев и угнанных. Но она не захотела этой участи. Наступил третий, самый короткий и трагический этап ее боевой биографии.

Аня разыскала польский партизанский отряд, вступила в него и приняла участие в боях. В одном из них была ранена. Ей перебило левую руку. Аня пыталась шутить: «Радистке нужна одна правая».

Раненую девушку спрятали в лесу у смолокура Павла Ясиновского, но и туда добралась облава. Утро 11 ноября 1944 года стало последним для нее. Ее окружили во время облавы, она отстреливалась, получила несколько ранений, и когда ее хотели взять в плен, взорвала себя и рацию гранатой. Поляки похоронили ее в братской могиле местечка Градзанувле.

Двадцать шесть лет спустя Аню нашла посмертная слава — Звезда Героя Советского Союза и польский крест Грюнвальда II степени.

«ЧЕЛОВЕК СО ШРАМОМ» — ЛЮБИМЕЦ ФЮРЕРА

А теперь еще об одном знаменитом разведчике. Вот как о нем писали: «Очень сложно найти как в реальной жизни, так и в художе-

ственной литературе более невероятные приключения, чем те, которые выпали на долю этого офицера СС». И еще: «Редкий кинобоевик содержит в себе столько приключений, сколько их пережил Скорцени, выполняя секретные задания в разных странах Европы».

Отто Скорцени

Конечно, у **Отто Скорцени** было много похождений и увлекательных приключений. Но когда будете читать о нем, все время помните, что он был отъявленным, кровожадным фашистом. Достаточно его собственных слов, сказанных им в 1960 году: «Будь Гитлер жив, я был бы рядом с ним!», чтобы понять, что это был за тип.

Скорцени часто называют «человеком со шрамом». Действительно, его левая щека носит следы ранений. Однако это не фронтовые раны — это память о буйных годах его молодости, о пьяных драках и студенческих дуэлях, это как бы знаки отличия, завоеванные в них.

В своих воспоминаниях, написанных после войны, Скорцени ничего не пишет о том, как проходила его жизнь с 1908 года, когда он

родился, до 1943 года, когда он появился в Главном управлении имперской безопасности.

Австриец по рождению, Скорцени уже в 1934 году примкнул к фашистскому движению за «аншлюсс», то-есть присоединение Австрии к гитлеровской Германии.

Отряд эсэсовских убийц, в который входил Скорцени, ворвался в канцлерский дворец. Сраженный пулями пал канцлер Австрии Дольфус. Но заговор не удался. Эсэсовцам пришлось уйти в подполье. Надолго ли?

В 1938 году Гитлер подготовил захват Австрии. В стране был задуман государственный переворот, одним из его руководителей был друг Скорцени Кальтенбруннер.

Двадцать эсэсовцев под командой Скорцени легко сняли охрану и вбежали в кабинет президента Микласа. Его арестовали и увезли. Куда? Он исчез бесследно. Вслед за ним был арестован канцлер Шушниг (до конца войны он находился в концлагерях).

На следующий день после этих событий в Вену вступили немецкие войска. С независимостью Австрии было покончено.

9 ноября 1938 года Скорцени — активный участник антисемитской операции «Красный петух». «Подожжены сто девяносто одна синагога, семьдесят шесть полностью разрушены, подожжены одиннадцать общинных домов, кладбищенских моделен. Схвачено двадцать тысяч евреев», — из отчета Герингу за этот день.

С началом войны Скорцени отправился на фронт. Прошел Бельгию, Голландию, Францию, Югославию. А затем — война с СССР. И везде его путь отмечен расстрелами и казнями.

Кальтенбруннер

В 1943 году Гитлер объявил тотальную, то есть всеобщую войну на уничтожение, войну без правил. Вот тогда Кальтенбруннер, к этому времени ставший начальником Главного управления имперской безопасности, вспомнил про Отто Скорцени. Из госпиталя, где тот лечился, но не от ранений, а от дизентерии, его вызвали в Берлин. Там Кальтенбруннер предложил Скорцени стать шефом подразделения СС, которое скрывалось под наименованием «Специальные курсы особого назначения Ораниенбург». Это была школа по подготовке «коммандос» — групп разведчиков и диверсантов высшей квалификации. Здесь обучали приемам бесшумного «устранения» людей, прыжкам с парашютом, применению подводных мин и другим необходимым для диверсантов наукам. Подводные лодки и самолеты дальнего радиуса действия доставляли выпускников школы в различные уголки мира.

Каждому помимо отравленных пуль для противников вручалась и смертельная доза цианистого калия для себя. Сдаваться живыми они не имели права.

События развивались своим чередом. После поражения немцев под Курском и высадки англо-американцев на Сицилии правящая верхушка Италии поняла: война проиграна. Спасти Италию можно, только сбросив дуче («вождя») Бенито Муссолини с поста премьер-министра. 25 июля 1943 года он был арестован. Англо-американское командование требовало его выдачи, но новый премьер Бадольо тянул время. Он переводил Муссолини из одного места заключения в другое.

26 июля 1943 года, на другой день после ареста Муссолини, Гитлер вызвал к себе Скорцени и приказал:

— Любой ценой освободить Муссолини!

После поисков, длившихся несколько недель, местонахождение Муссолини было установлено. Оно находилось в одном из горных отелей. Скорцени отобрал группу из ста шести добровольцев. Во главе с ним на двенадцати десантных планерах 12 сентября 1943 года они вылетели в горы. В каждом планере находились девять человек. Два планера перевернулись при взлете, еще два разбились при посадке. Скорцени приземлился благополучно в нескольких метрах от отеля и вместе со своей командой бросился в здание. Охрана была застигнута врасплох и не сделала ни одного

выстрела. Комендант отеля, итальянский генерал, в знак своей покорности преподнес Скорцени бокал вина. Всю операцию снимал на пленку кинооператор, специально привезенный Скорцени.

— Я освободил вас по приказу фюрера, — доложил он Муссолини.

Вскоре за Муссолини прилетел двухместный самолет. Но Скорцени сел в него третьим. И хотя он перегрузил машину (его рост 195 см при соответствующем весе), ему хотелось лично доставить свой «трофей».

Бенито Муссолини

Об успешном завершении операции в тот же вечер сообщило германское радио. Имя Отто Скорцени не было названо, но Гитлер водрузил ему на шею «Рыцарский крест».

Муссолини создал свое марионеточное правительство в Северной Италии и объявил, что продолжает войну на стороне Германии. Итальянские патриоты в 1945 году поймали Муссолини и повесили его вверх ногами на автозаправочной станции.

После операции по освобождению Муссолини Скорцени занялся новыми проектами. Его основная задача состояла в засылке диверсантов в Россию. Но из девятнадцати

засланных групп пятнадцать были пойманы сразу, четыре — позднее.

«Все крупные планы терпели неудачу», — признался глава гитлеровской разведки Вальтер Шелленберг.

Скорцени занялся новыми видами оружия: самолетами-снарядами и катерами-снарядами. Его задачей было не решение технических вопросов, а подбор добровольцев-смертников. Правда, в отличие от японских камикадзе этим людям предоставлялся шанс выжить — катапультироваться, но он не всегда срабатывал.

Готовил Скорцени в своей школе и «людей-лягушек». Они подплывали к вражеским кораблям и прикрепляли к днищам магнитные мины. Только во время одной из операций им удалось потопить вражеские суда водоизмещением тридцать тысяч тонн.

Но все это были временные успехи. Союзники научились бороться и с ними.

20 июля 1944 года было совершено покушение на Гитлера, и его противники собирались захватить власть. Скорцени сделал все, чтобы с присущей ему жестокостью подавить заговор, и получил еще одну благодарность фюрера.

В октябре 1944 года Отто Скорцени — в Будапеште. Ему поручено организовать государственный переворот, так как венгерский «фюрер» Хорти намеревался заключить сепаратный мир с союзниками.

10 октября Скорцени организовал похищение коменданта Будапешта генерала Бакаи, на другой день командующего венгерской Дунайской флотилии Харди, а затем очередь дошла и до Хорти-младшего. Он нужен был как заложник, чтобы его папа не вздумал перекинуться к противникам. Его заманили в ловушку, а затем, завернутого в большой ковер, вынесли из здания, погрузили в машину и увезли. Он был отправлен в концлагерь.

На следующий день Скорцени организовал штурм правительственной резиденции. Во главе батальона эсэсовцев-парашютистов он ворвался в здание. Под дулом винтовки заставил генерала Лазара отдать приказ о сдаче гарнизона. Он подчинился, но тут же пустил себе пулю в лоб.

Правительство лишилось охраны и было свергнуто. Новое правительство продолжило войну. Только ценой больших жертв Красной Армии удалось взять Будапешт.

В декабре 1944 года, когда началось немецкое контрнаступление в Арденнах, Скорцени занимался выполнением еще одного секретного задания. Он создал специальный отряд из солдат-добровольцев, владеющих английским языком. Их одели в американскую военную форму, дали американское оружие и автомашины. Затем, когда началось наступление, группы из этого отряда стали прорываться в тылы союзных войск, где сеяли панику и занимались **диверсиями.** Однако участники этой операции понесли большие потери. Сто тридцать один солдат из отряда Скорцени был захвачен американцами и расстрелян, свыше тысячи погибли в боях.

Немецкие войска продолжали угрожать союзникам. Это вынудило Черчилля обратиться к Сталину с просьбой о помощи. Советские армии досрочно перешли в наступление на Висле, и англо-американские союзники были спасены.

Наступление советских войск продолжалось. Отто Скорцени, уже в должности командира дивизии, получил от Гитлера последний приказ: удержать город Шведт на Одере. Не располагая военными образованием и талантом, Скорцени стал действовать известными ему методами террора. Он приказал вешать всех, кто подумает об отступлении и бегстве. Множество немецких солдат и офицеров было казнено по его приказу, а сам он получил кличку «Отто-вешатель».

Последней акцией Отто Скорцени во время войны была попытка создать «Альпийскую крепость» в горах Тироля в Австрии. Там гитлеровцы рассчитывали окопаться и продолжать борьбу «до последнего человека». Помимо людей и оружия, Скорцени получил «на расходы» несколько сотен тысяч фальшивых фунтов стерлингов.

Но все потуги организовать сопротивление оказались бесполезными. 15 мая 1945 года Скорцени был арестован.

Однако на этом его жизнь не закончилась. Он попал под опеку руководителя американской разведки генерал-майора Уильяма Джозефа Донована. Несмотря на многочисленные факты преступных действий Скорцени, американский суд вынес ему оправдательный приговор.

С тех пор Скорцени фактически находился на службе у американской разведки. Он умер в 1975 году.

ПРОХОДЯЩИЙ СКВОЗЬ СТЕНЫ

Рихард Зорге

На одной из московских улиц есть памятник. На нем — человек, выходящий из стены, сквозь которую он прошел. Это памятник замечательному советскому военному разведчику **Рихарду Зорге.**

Он родился в сентябре 1895 года в Баку, в семье немецкого инженера. Когда Рихарду было три года, семья переехала в Германию. Там он вырос, получил образование. Когда началась Первая мировая война, его призвали в немецкую армию.

В окопах он видел кровь, страдания и гибель солдат и возненавидел войну, развязанную милитаристами. Весть об Октябрьской революции в России принял с радостью и воодушевлением: в Советской России он видел будущее человечества.

Переехав в СССР, Рихард стал членом компартии, а в 1929 году — разведчиком.

Он отправился в Германию. В неразберихе тех лет, когда шла ожесточенная борьба между национал-социалистами, коммунистами, социал-демократами, ему удалось скрыть свою принадлежность к компартии. Он стал коррес-

пондентом фашистской газеты «Франкфуртер Цайтунг» и получил назначение в Шанхай. В Китае в то время шла гражданская война, туда вторгались то японцы, то американцы, то англичане. Нашей стране было очень важно знать, что же там происходит на самом деле, и от Зорге поступала надежная информация.

Но Китай был для Зорге только промежуточным мостиком на японские острова. Именно там предстояло ему выполнять свое главное задание.

В начале тридцатых годов Рихард Зорге обосновывается в Токио. К этому времени он приобретает или ему присылают из Центра надежных помощников — радистов, шифровальщиков, добытчиков информации.

Зорге имеет два основных задания. Во-первых, получить и передать в Москву информацию о намерениях японских и германских милитаристов в отношении Советского Союза. Во-вторых, сделать все, от него зависящее, для того, чтобы Япония отказалась от плана нападения на СССР.

Зорге, выдавая себя за нациста, «подружился» с генералом Оттом, занимавшим вначале должность военного атташе, а затем посла Германии в Токио. Отт души не чаял в Зорге. Он знакомил его со многими секретными документами германского посольства, поступавшими из Берлина или направляемыми туда. Более того, многие секретные документы он поручал готовить самому Зорге.

Как вспоминал после войны бывший начальник гитлеровской разведки Вальтер Шелленберг, от Зорге поступали материалы, которые не вызывали никаких сомнений. Это было действительно так. Для того чтобы закрепить себя в глазах немцев, Зорге направлял им правдивые сведения о Японии, конечно, не нанося при этом ущерба интересам СССР.

Все же немецкая контрразведка, копаясь в прошлом Зорге, выяснила, что когда-то он был коммунистом. Поэтому, когда в Японию отправился главный инспектор по вопросам полиции Мейзингер, Вальтер Шелленберг поручил ему следить за Зорге.

Но Рихард сумел сделать так, что и Мейзингер оказался в числе его «друзей». В Берлин поступали только положительные отзывы о Зорге.

Приближались грозные годы войны. Зорге регулярно информировал Москву о всех ставших ему известными планах Германии и Японии. Только в 1940 году он направил в Центр триста тысяч групп закодированного текста. Отдел радиотехники японской контрразведки долго пытался запеленговать нелегальный радиопередатчик Зорге. Японцам никак не удавалось расшифровать код и установить местонахождение передатчика. Зорге обычно передавал свои сообщения из небольшой парусной лодки, которая плыла по воле волн и ветра.

Наступил 1941 год. В немецкое посольство из Берлина поступали сведения о намерениях

Гитлера напасть на СССР. Отт и Мейзингер делились новостями с Зорге, а тот направлял их в Москву. Сначала, правда, и он попался на удочку Гитлера, который распространил слух, что он начнет войну с СССР только после окончания войны на Западе.

Но 15 июня 1941 года Зорге знал уже совершенно точно, что Германия нападет на СССР 22 июня. Эту информацию с пометкой «срочно» он отправил в Москву. Но, как нам известно, там, к сожалению, не поверили ему, как и другим разведчикам, приславшим подобные радиограммы из Берлина.

Когда война началась, к сообщениям Зорге стали относиться с большим доверием. Зорге и его группа активизировали работу. Теперь для них главной задачей стало не допустить нападения Японии на СССР. Рихард успешно справлялся с этой задачей: он не только собирал сведения о намерениях Японии, но и нашел способы влиять на эти намерения и отвести удар от СССР.

Немцы наступали на Москву, неся огромные потери. Но и потери Красной Армии были велики. Для того чтобы отстоять Москву, а затем перейти в контрнаступление, требовалось перебросить свежие войска с Дальнего Востока, где они стояли в боевой готовности в ожидании японского нападения.

Именно Зорге первый получил и направил в Москву достоверные данные о том, что Япония отказалась от мысли о нападении на Советский Союз. На этот раз Сталин поверил ему.

Верховное Главнокомандование Красной Армии отдало соответствующий приказ, и эшелоны с сибирскими и дальневосточными войсками двинулись на поля битвы под Москву. Началось наше контрнаступление, и сражение за Москву было выиграно.

Впоследствии говорили: «Сибиряки спасли Москву!» Но к этому можно добавить: «И Зорге спас Москву!»

18 октября 1941 года Зорге готовил для передачи в Москву радиограмму: «Наша миссия в Японии выполнена. Войны между Японией и СССР удалось избежать. Верните нас в Москву или направьте в Германию». В этот момент в помещение ворвалась полиция. Зорге и его помощники были схвачены.

Но ни тюрьма, ни наручники, ни бесконечные допросы, ни издевательства не могли сломить мужественного борца.

В марте 1942 года состоялся суд. В своей речи на суде Зорге, в частности, сказал:

— Главная моя цель заключалась в том, чтобы защитить социалистическое государство, чтобы оборонять СССР, отведя от него различного рода антисоветские политические махинации, а также угрозу военного нападения.

Суд приговорил Рихарда Зорге к смертной казни. Но она откладывалась на долгие месяцы и даже годы. Только 7 ноября 1944 года, когда исход войны был уже решен, Зорге доставили к месту казни.

Его последние слова, зафиксированные протоколом, были:

— Да здравствует Коммунистическая партия, Советский Союз, Красная Армия!

И хотя японское правительство подтвердило, что казнь была совершена, долгое время ходили слухи, что Зорге жив и проживает в СССР.

Два десятилетия жизнь и смерть **Рихарда Зорге** были окутаны тайной и домыслами. Лишь 5 ноября 1964 года ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

ЧЕРНАЯ ТАНЦОВЩИЦА

Жозефину Бейкер, негритянку из города Сан-Луи, штат Миссури, США, считают одной из наиболее выдающихся разведчиц Второй мировой войны. Недоучившаяся в школе, девушка стала танцовщицей и певицей, а в 1924 году в восемнадцатилетнем возрасте — «Черной звездой» Бродвея.

Жозефина Бейкер

В 1925 году приняла предложение французского антрепренера выступить в Париже в «Негритянском ревю», с восторгом была встречена публикой, и в 1937 году стала французской гражданкой. Она ненавидела фашизм, и как только началась Вторая мировая война, сама предложила свои услуги французской разведке.

Первое время после установления контакта с разведкой Жозефина работала в Париже, широко общаясь с беженцами из Бельгии и Северной Франции, среди которых было немало немецких шпионов. В мае 1940 года «странная война» (так назывался период с сентября 1939 по май 1940 года, когда ни немецкие, ни англо-французские войска не предпринимали никаких активных действий) закончилась, началась настоящая, и немцы, за сорок дней разгромив Францию, заняли Париж.

Капитану Жаку Абтею приказали прибыть в Лондон за инструкциями, и он отправился туда по фальшивому паспорту на имя Жака Геберта. Жозефина получила от германских военных властей разрешение выехать в Мадрид для выступления в кабаре. Хотя военные власти очень любезно обращались с ней, это не помешало гестаповцам ограбить ее замок.

В ноябре 1940 года Жозефина и Жак встретились в Лиссабоне. Все было подготовлено для того, чтобы ее визит выглядел профессиональной поездкой. Она пела в варьете и выступала по национальному радио. Но ее истинной целью было выявление двух немецких шпионов, которые угрожали единственному действовавшему пути бегства из Франции через Пиренеи в Лиссабон, а оттуда в Лондон. Она сумела это сделать. Многие обязаны своей жизнью и свободой Жозефине. Вскоре ее миссия в Лиссабоне была закончена. Немцы так никогда и не узнали, кто разоблачил их разведчиков.

После этого Жозефина Бейкер получила задание проникнуть на неоккупированную территорию Франции.

Она довольно неохотно обратилась к правительству Виши за разрешением на въезд в Марсель под предлогом организации выступлений в оперном театре. Впервые она не хотела выступать во Франции, заявив: «Я не буду играть там до тех пор, пока последнего нациста не вышвырнут из Франции!» Но вынуждена была согласиться с Абтеем, что принесет гораздо больше пользы, если сделает вид, что дружелюбно относится к предательскому режиму Петена — Лаваля, и в декабре 1940 года в переполненном марсельском театре пела в оперетте Оффенбаха «Креолка». Ее информация из Франции была признана важной.

По команде из Лондона Абтей и Жозефина, отказавшаяся принять от английской разведки

вознаграждение в сумме одной тысячи фунтов стерлингов, направились в Северную Африку. К этому времени были подготовлены планы высадки десанта в Алжире. Вторжение в Оран и Алжир было отложено до ноября 1941 года, но руководство союзных разведок в Лондоне нуждалось в подробной информации о положении в этом районе. В начале 1941 года Жозефина прибыла в Алжир и много месяцев разъезжала с гастролями по Северной Африке. По вечерам и ночам она пела в кабаре и театрах, а в «свободное время» собирала ценную информацию, в которой нуждалась военная разведка: о береговых укреплениях, размещении войск и общеполитической ситуации.

Бейкер выполнила много деликатных миссий, включая раздачу взяток бедуинским и берберским шейхам. Частично эти деньги были ее собственными. Только Жозефина могла обворожить таких людей, как муллу Ларби

Эль Алуи, хитрого визиря Марокко, настолько, что он стал снабжать ее серьезной информацией. Она приобрела друзей среди высокопоставленных офицеров из окружения генерала Нога, вишистского и прогерманского генерал-губернатора. Они тоже снабжали ее информацией, которая сразу же передавалась в Лондон. Это было рискованно в те мрачные дни, когда корпус Роммеля оттеснил британскую армию почти до окрестностей Александрии.

Жозефина побывала всюду: в Агадире, в Фезе, в Тунисе. Она пересекла Ливию и согласилась петь для германских солдат с целью установить контакт с шефами движения Сенусси, которое наносило ущерб итало-германским войскам в пустыне.

В любой момент этих «гастролей» она могла быть разоблачена немцами как агент союзников и расстреляна.

Зимой 1941–1942 года, находясь в Касабланке, Жозефина заболела. Болезнь официально признали паратифом, но почти бесспорно она стала жертвой попытки отравить ее. Длительное время агенты германского абвера подозревали ее в том, что она по меньшей мере симпатизирует Де Голлю, если не является шпионкой союзников. Но вследствие широкой популярности Жозефины ни нацисты, ни итальянцы не смели арестовать ее, ибо это вызвало бы возмущение во французской Северной Африке, где фашисты стремились получить поддержку от официальных вишистских

чиновников и коллаборационистов. Несколько месяцев жизнь Жозефины висела на волоске не только из-за болезни, но и потому, что, пока она лежала в госпитале, самолеты союзников почти ежедневно бомбили Касабланку.

Наконец началось вторжение союзных войск. В течение трех дней и трех ночей сто пятьдесят тысяч американских и сто сорок тысяч солдат Англии и Свободной Франции высадились с десантных судов на пляжи Северной Африки.

Когда генерал Патон во главе союзных армий прибыл в Касабланку и услышал, что она больна, он послал ей букет цветов и записку со словами: «Жозефине Бейкер, которая так доблестно помогала нам».

После этого Жозефина получила еще одно задание. Она проехала в Багдад и Бейрут, где, выдавая себя за арабку, сумела выявить нескольких немецких агентов, которые стремились действовать среди арабского населения, выступавшего за национальное освобождение.

Окончилась война. Жозефина Бейкер прибыла в освобожденный Париж, и генерал Де Голль вручил ей две награды — Крест Лотарингии и медаль Сопротивления.

С годами в ее мышлении произошел знаменательный сдвиг. Если в 1940 годы она выступала как противница движения за национальное освобождение арабов, правда, видя в этом «руку Берлина», то в 1960—1970 годы стала ярой сторонницей борьбы негров за свои пра-

ва. Жозефина приехала в США, участвовала в демонстрациях в защиту прав цветного населения, хотя в то время в негритянском движении многие видели «руку Москвы».

Автору довелось встретиться с Жозефиной, когда она надумала совершить поездку в Советский Союз, чтобы оттуда еще раз заявить о борьбе негритянского народа в США. Мы сидели в моем нью-йоркском офисе и обсуждали детали поездки, сдабривая разговор традиционным русским угощением, икрой и водкой, которые ей очень нравились. Как-то получилось, что разговор зашел о войне, и она с гордостью заметила, что генерал Де Голль лично вручил ей орден и медаль за участие в движении Сопротивления. К сожалению, больше мы на эту тему не говорили, и о том, за что она получила награды, я узнал намного позже.

Но Жозефина заболела. Ее поездка в Советский Союз так и не состоялась. Хотя нельзя исключить и того, что, учитывая ее прошлое, болезнь, скорее всего, могла оказаться «дипломатической».

ТАНЯ

В первые же дни Великой Отечественной войны в Центре была создана Особая группа по организации борьбы в тылу врага. Ей поручалось совместить разведывательно-диверсионные задачи с участием в партизанском движении.

На московском стадионе «Динамо» формировалась Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН). Ее начальником штаба стал опытный разведчик Вячеслав Гриднев. А в составе Западного фронта было создано специальное подразделение в/ч 9903 под командой участника войны в Испании Артура Спрогиса. В ОМСБОН и в/ч 9903 вошли лучшие выпускники военных и пограничных училищ, добровольцы из союзных республик, спортсмены, в том числе и знаменитые братья Знаменские, боксер Николай Королев и другие, политэмигранты из Испании, Болгарии, Венгрии, студенты-филологи, владеющие иностранными языками, радисты торгового флота. Большинство из них были комсомольцами. Насильно в отряды никого не брали, только добровольцев, да и то не всех. Срок подготовки молодых разведчиков был недолог — два-три месяца, а то и меньше, и — в тыл врага...

Кем была Таня?

В снежной мгле по деревне Петрищево двигалась фигурка — не то парень, не то девушка, в ватных брюках и телогрейке. Заглядывала в окошки, выявляла, где остановились немецкие солдаты. На окраине увидела несколько орудий и охранявших их часовых. Задание по разведке выполнено, можно возвращаться в отряд.

Путь лежит мимо конюшни. Оттуда доносится ржание — не лошадей, фашистских солдат, наверное, вспоминают свои похождения. Мелькнула мысль: «Если спалить конюшню,

то завтра эти пушки не смогут двинуться на Москву». Сухое сено и спички — под рукой. «Фойер, пожар!» — заорали солдаты, выбегая из пылающей конюшни.

Им удалось схватить поджигателя. Притащили в дом, стали избивать. И вдруг с удивлением обнаружили, что это — девушка. Позвали офицеров, переводчика.

— Как тебя зовут?

— Таня.

— Кто тебя послал?

— Никто.

— Где твой отряд?

Молчание.

Снова избиение. Затем сорвали одежду, водили по деревне полуголую, показывали жителям. Девушка молчала, и никто ее не признал. Опять избивали. Потом соорудили виселицу и повесили.

Перед смертью она крикнула толпе согнанных жителей:

— Мы победим! Сталин с нами! Сталин придет!

Ее настоящего имени тогда так и не узнали. Оно стало известно позже. Ее звали **Зоя Космодемьянская**, ей было всего семнадцать лет. Еще совсем недавно она училась в московской школе.

Зоя стала первой из восьмидесяти шести женщин — Героев Советского Союза военного времени.

Может быть не столь значительным был ее подвиг, но сама ее величественная смерть стала символом мужества, весть о ней разнеслась по всему миру и стала примером для многих...

ЛЕГЕНДАРНЫЙ РАЗВЕДЧИК

Слово «легендарный» редко применяется по отношению к каким-нибудь людям. Но выражение «легендарный разведчик» часто приходится слышать, когда говорят о **Николае Ивановиче Кузнецове.**

Он родился в деревне Зырянка Свердловской области. Учился в школе, техникуме, работал лесоустроителем. В общем, начало его биографии ничем не примечательно, если не считать удивительной способности к изучению немецкого языка. Он не только перечитал все немецкие книги в местных библиотеках, но и практиковался, разговаривая с детьми немецких колонистов и с учителем труда, немцем по национальности. Чтобы не возвращаться к вопросу о языке, заметим, что впоследст-

вии он говорил на всех немецких диалектах как чистокровный немец, житель той или иной области Германии.

Николай Кузнецов

В двадцать с небольшим лет Николай, уже переехавший в Москву, работает по заданиям контрразведки, выявляет разведчиков, находящихся на службе в германском посольстве. Общаясь с ними, он, как губка, впитывает все, что пригодится ему впоследствии: их манеры, привычки, образ мыслей, шутки, анекдоты. Но и пользу контрразведке принес немалую. С его помощью завербовали некоего Крно, который давал хорошую информацию, в том числе немецкий посольский шифр; Флегеля — личного камердинера посла Германии. Кузнецов участвовал и в перехвате германской дипломатической почты, и в других операциях.

Но наступило 22 июня 1941 года. Из контрразведчика Николай Кузнецов переквалифицируется в разведчика.

В это время в немецкий тыл начали забрасывать небольшие, специально подготовленные группы, руководимые профессиональными разведчиками. Одни группы занимались

диверсиями, другие сбором военной информации. Многие стали ядром крупных партизанских отрядов.

Руководителем одной из таких групп стал Дмитрий Медведев. К нему в группу и был сброшен на парашюте 25 августа 1942 года Николай Кузнецов.

У него было специальное задание, о котором, кроме командира, никто не знал. В вещевом мешке Грачева (такова была партизанская фамилия нового разведчика) хранился необычный багаж: обернутое в прорезиненный плащ полное обмундирование немецкого офицера, бумажник с различными немецкими документами на имя обер-лейтенанта Пауля Вильгельма Зиберта, но с фотографией Грачева, толстая пачка рейхсмарок, пистолет парабеллум с запасом обойм, предметы личной гигиены и множество всяких мелочей, которые могут понадобиться скромному немецкому офицеру.

В задачу Кузнецова — Грачева — Пауля Зиберта входило ведение разведки в оккупированном немцами украинском городе Ровно. Город был выбран не случайно: в нем размещались и действовали двести сорок три немецких тыловых учреждения, в которые стекалась самая разнообразная и важная информация со всех участков южного фланга советско-германского фронта.

И вот первый выход в оккупированный город. Представьте себя на его месте, в немецкой форме идущего по улицам, заполненным фа-

шистскими солдатами и офицерами. Младшие отдают честь, им надо отвечать, старшим нужно козырять. Кто из них остановит и задаст какой-нибудь каверзный вопрос? Кто из них потребует документы? Кто заметит что-нибудь необычное во всем облике?

А вот и патруль. Он останавливает Пауля Зиберта. Офицер внимательно читает документы, потом вскидывает на разведчика глаза.

— Вы почему нарушаете форму одежды?

«Что у меня не так? — проносится в голове Кузнецова. — Вроде все, как было у настоящего Зиберта на карточке...»

— На вас пилотка. А ее носят только на фронте. Вы должны быть в фуражке.

— А я только сегодня приехал из фронтового госпиталя и иду покупать фуражку...

— Хорошо. Можете идти. Больше не нарушайте...

Каждая мелочь, каждый пустяк, каждый штрих в биографии настоящего Пауля Зиберта, погибшего на фронте, имя, документы и прошлое которого он взял, жизненно важны. Нельзя совершить ни одной ошибки.

Постепенно Пауль Зиберт обживался в Ровно, приобретал конспиративные квартиры, помощников. У него уже была своя разведывательная группа, в том числе кучер, шофер, связные. Автомашины «заимствовали» в немецкой воинской части, перекрашивали, меняли номера. Появилась и «невеста» — Валя Довгер. Через подругу она познакомилась

с сотрудником гестапо Лео Метко и в свою очередь познакомила его с Паулем Зибертом. Лео Метко свел его с другими немецкими офицерами, и вскоре круг знакомых разведчика расширился. От них он получил много ценной информации.

Однажды Кузнецов сообщил Медведеву о том, что 20 апреля 1943 года в Ровно состоится военный парад по случаю дня рождения Гитлера и о том, что на параде будет Эрих Кох, гаулейтер (правитель) Украины, палач украинского народа. Кузнецов ценой самопожертвования был готов совершить акт возмездия. Медведев дал согласие. Кузнецов вместе с Валей пробрался к самой трибуне. Но Кох на параде не появился.

Вскоре Валя Довгер получила известие о том, что ее отправляют в Германию. Под предлогом подачи прошения об оставлении его невесты в Ровно Кузнецов вместе с Валей напросился на прием к Коху. Это был еще один шанс расправиться с ним. Но стрелять было невозможно. В кабинете рядом с гауляйтером стояли два эсэсовца, а у ног Коха лежала овчарка, наблюдавшая за каждым жестом разведчика.

Расправиться с Кохом не удалось. Он дожил до конца войны. В 1959 году его судил польский суд. Остаток жизни Кох провел в тюрьме и умер в 1986 году.

Беседа с Кохом не оказалась напрасной. Обер-лейтенант, «воевавший под Курском», понравился ему, и Кох, между прочим, сказал,

что немецкое командование собирается взять реванш за поражение под Сталинградом там, где воевал Пауль Зиберт. Это сообщение, подкрепленное информацией о переброске немецких войск в район Курской дуги, ушло в Москву.

Среди знакомых Пауля Зиберта был сотрудник абвера Ульрих фон Ортель. Именно он проговорился ему о подготовке покушения на участников конференции «Большой тройки» — Сталина, Рузвельта и Черчилля — в Тегеране.

Сам фон Ортель исчез из Ровно, распустив слухи о своем самоубийстве.

Основные дела ждали Пауля Зиберта впереди. Просто собирать и передавать информацию казалось Паулю Зиберту делом недостаточным. Он рвался в бой, считал, что его дело — уничтожать фашистских главарей.

Первым заместителем Эриха Коха был Пауль Даргель. Медведев разрешил Кузнецову ликвидировать его. Валя Довгер, работавшая в областном комиссариате, изучила его распорядок дня: ровно в 14.30 Даргель шел на обед, его сопровождал адъютант с красной папкой под мышкой.

20 сентября у здания немецкого комиссариата остановилась машина. В 14.30 из здания выплыла важная персона, которую сопровождал офицер с красным портфелем под мышкой. Сомнений не было — это был Даргель. Кузнецов, выйдя из машины, произвел два выстрела в упор. На другой день выяснилось, что убитыми оказались имперский советник Ганс Гель и его адъютант. Николай Иванович Кузнецов очень переживал эту неудачу. Ведь все совпадало: и время, и адъютант, правда, не с папкой, а с портфелем.

Через десять дней, 30 сентября, Кузнецов на этом же месте метнул в Даргеля гранату. И опять неудача. Даргель был только ранен, и его самолетом отправили в Берлин. Осколком гранаты был ранен и сам Кузнецов. Ему и его шоферу Струтинскому удалось скрыться от ох-

раны, которая погналась за ними, но по ошибке догнала и задержала другую машину, в которой находился немецкий майор. Прежде чем ошибка разъяснилась, его жестоко избили.

10 ноября 1943 года Кузнецов и Струтинский из автоматов расстреляли другого заместителя Коха, генерала Германа Кнута. Оставался «невыбитым» еще один ближайший соратник Коха, оберфюрер СС Альфред Функ, верховный судья оккупированной Украины. Здесь, как до этого в Чехословакии, он жестоко расправлялся со всеми, кого причислял к «врагам рейха».

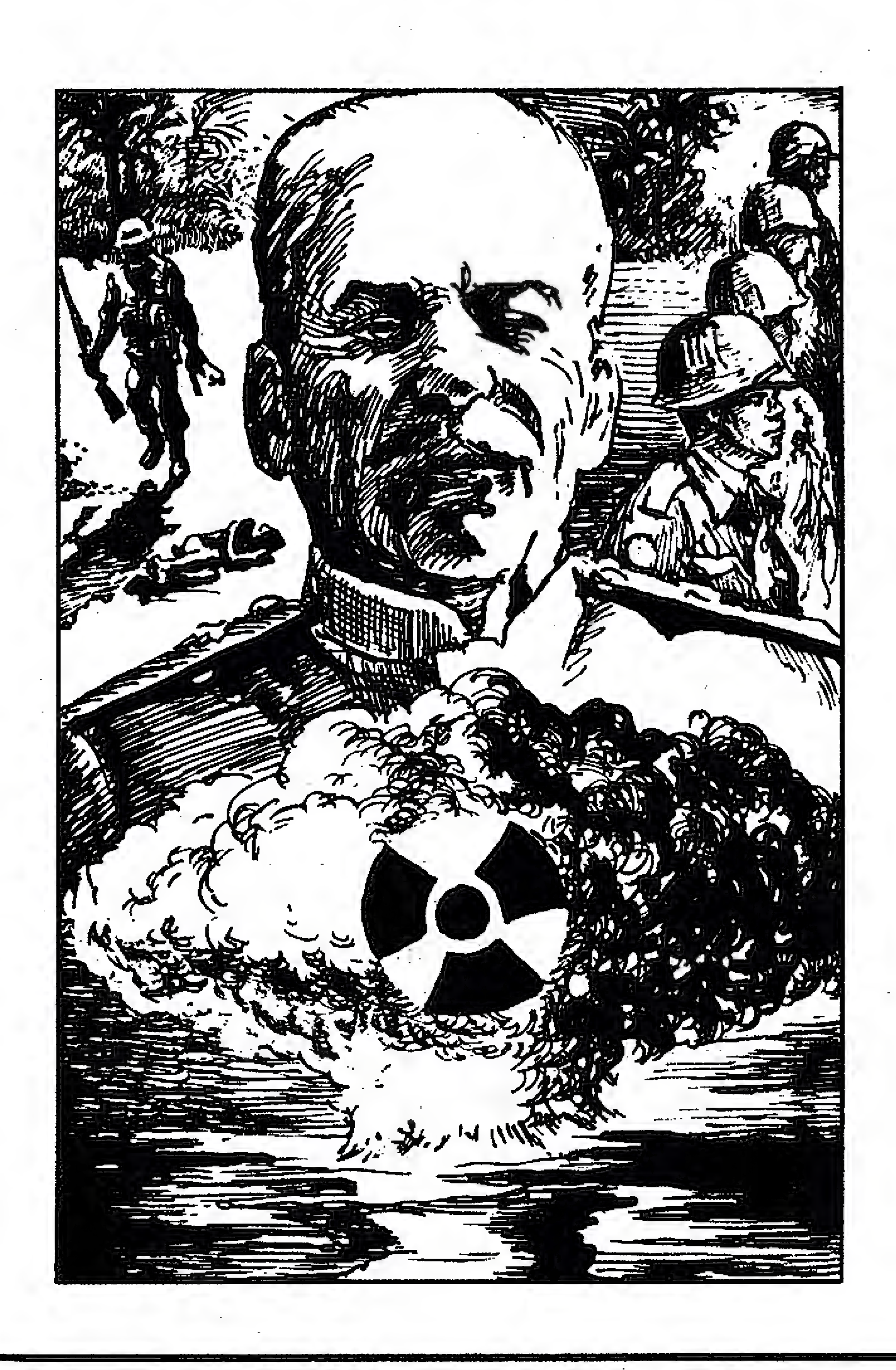
17 ноября 1943 года Кузнецов зашел в приемную Функа, когда тот брился в парикмахерской. Мило беседуя с секретаршей, Кузнецов смотрел в окно, ожидая сигнала своего помощника, находившегося на улице и наблюдавшего за парикмахерской. Наконец сигнал есть: Функ кончил бриться. Кузнецов просит секретаршу принести ему воды. Она вышла, а он тем временем проник в кабинет Функа. Когда

секретарша вернулась, в приемной никого не было. В это же время появился Функ и проследовал в свой кабинет. Едва он вошел, раздались два выстрела. Кузнецов спокойно собрал бумаги со стола и прошел через приемную, не обращая внимания на оторопевшую секретаршу. Выйдя из здания суда, он увидел две автомашины с гитлеровскими солдатами. Они удивленно смотрели на окна второго этажа, откуда донеслись звуки выстрелов. «Поглазев» вместе с солдатами на окна, Кузнецов зашел за угол дома и сел в поджидавшую его машину.

Под натиском наступающих советских войск все немецкие учреждения были эвакуированы из Ровно во Львов. Туда же перебрался и Пауль Зиберт, теперь уже не «обер-лейтенант», а «хауптман» (капитан). Это надо было для маскировки — ведь «обер-лейтенанта» уже давно искала немецкая полиция. Во Львове Кузнецов совершил еще один акт возмездия, на этот раз в отношении вице-губернатора Галиции Отто Бауэра. Кузнецов со своими помощниками расстрелял машину генерала и всех, кто там был. В некрологе фашистская газета написала: «Отто Бауэр погиб за фюрера и империю».

Дольше оставаться в немецком тылу Кузнецов не мог. Вместе с Беловым и Каминским он направился к линии фронта, чтобы встретиться с советскими войсками. Но в селе Борятин Львовской области им встретился отряд бандеровцев. Завязался неравный бой. Исчерпав все силы, разведчики подорвали себя гранатой.

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

Секреты атомной бомбы
в коробке с прокладками
Он взял имя друга
Скандал в Лондоне
Крах операции «Голд»
Смелый побег
Как провалился Эли Коген
Бесславный конец
фашистского палача
Гибель Патриса Лумумбы
Покушения на Фиделя Кастро

СЕКРЕТЫ АТОМНОЙ БОМБЫ В КОРОБКЕ С ПРОКЛАДКАМИ

Вскоре после начала войны американцы начали работу над созданием атомной бомбы. Административным руководителем «Проекта Манхэттен» стал генерал Лесли Ричард Гровс, в задачи которого входило, между прочим, «...предотвратить попадание в руки к немцам сведений о секретной программе ... и ... сохранить в тайне от русских открытия и детали наших проектов и заводов..., « и это несмотря на наличие между союзниками подписанного в 1942 году соглашения об обмене секретной технологической информацией. Гровс сумел создать такую систему безопасности, которая, по его собственному утверждению, «не позволяла даже мыши проникнуть за стены особо охраняемого объекта Лос-Аламос».

Ну, мыши может быть там и действительно не шастали, но советская разведка имела в Лос-Аламосе надежных агентов, настолько хорошо законспирированных, что имена некоторых из них и сейчас, почти шестьдесят лет спустя, хранятся в тайне.

Самая трудная задача нью-йоркской резидентуры состояла в организации связи с этими агентами. В качестве одного из связников и выступала тридцатилетняя Леонтина Тереза Пэтке, полька, родившаяся в США, жена Мориса Коэна, советского агента. Оба впоследствии стали известны как супруги Елена и

Питер Крогеры, арестованные в Англии по делу «Бена» — Гордона Лонсдейла, он же Конон Молодый. Они были осуждены на длительный тюремный срок и обменены затем на английского разведчика.

Леонтина Коэн

Но все это будет много позже.

А тогда, летом 1943 года, в Сандиа, предместье города Альбукерка, недалеко от Лос-Аламоса, приехала для лечения горла молодая симпатичная женщина. В ближайшее воскресенье направилась на встречу с агентом, но тот не явился. Так повторилось три раза. На четвертый она решила, что если и на этот раз агент не придет, она вынуждена будет возвращаться в Нью-Йорк.

Рассчиталась в пансионате, собрала вещи, сдала их на вокзале в камеру хранения и отправилась к месту встречи.

И... вот оно, счастье! Агент появился с предусмотренной желтой сумкой и торчащим из нее хвостом рыбы. Но... от радости она забыла слова **пароля**. Оба пережили страшные минуты, бледнели, краснели, обливались потом. Наконец сознание у нее прояснилось, и слова пароля нашлись.

Агент, имя которого так и осталось неизвестным, передал Леонтине пачку листов бумаги, которую она положила в сумочку, и они расстались навсегда.

Поезд уходил через час. Она немного погуляла по городу проверяясь. За ней никто не следил. Но когда вышла на перрон, облилась холодным потом: перед входом в каждый вагон стояли полицейские, которые дотошно проверяли документы пассажиров и содержимое их сумок и багажа.

Что делать? Направиться к поезду — значит саму себя посадить на электрический стул. Попытаться бежать? Заметят. Вернуться в пансионат? Вызовет подозрение. Зайти в туалет и уничтожить бумаги? Но их много. Клочки не утонут, она погубит не только себя, но и агента, и дело. Пройти в здание вокзала, посидеть в прохладном буфете за бутылкой кока-колы и сделать вид, что опоздала на поезд. Но что это даст? И завтра, и послезавтра будут те же полицейские. А впрочем!.. Эврика! Она действительно «опоздает» на поезд. Но не совсем. Прибежит в последнюю минуту, когда у полицейских не останется времени для тщательного досмотра вещей. Изобразит потерю билета и его лихорадочные поиски... Сказано — сделано. Зашла в туалет, билет заложила как закладку в книжку, из коробки с прокладками выбросила несколько пакетов и на их место уложила опасные бумаги. ...За три минуты до свистка кондуктора молоденькая, хрупкая

женщина с кожаным чемоданом, сумкой, ридикюлем и коробкой с прокладками появилась на перроне и подбежала к своему вагону. Но не тут-то было, двое полицейских преградили ей дорогу.

— Откройте сумку и чемодан и давайте ваши документы.

Она распахнула чемодан и протянула врачебное заключение о необходимости лечения горла.

— А зачем все это? — спокойно полюбопытствовала она.

— Мы проверяем, нет ли у вас информационных материалов и предметов, запрещенных для вывоза из этой зоны, — соткровенничал полицейский.

— Боже мой! Разве что проспекты отелей и пансионатов, — смеясь воскликнула она. Присев и подтянув юбку так, что обнажились колени, стала помогать молодому полицейскому

перебирать вещички в чемодане. Тот «клюнул» и с похотливым любопытством стал посматривать на пассажирку.

— А где ваш билет? — спросил второй полицейский, закончив разглядывать заключение врачей.

Леонтина чувствовала себя уже увереннее, вывернула весь чемодан на перрон и стала быстро перетряхивать все предметы «в поисках» билета.

— Куда-то запропастился, а ведь только что был перед глазами. — Она разыгрывала фиктивное беспокойство, в то время как истинное овладело ею настолько, что она чувствовала: еще немного, и она не выдержит. Страх и смятение уже начали проникать в ее душу. Она стала суетливо раскрывать «молнию» в сумочке, рванула застежку, и «молнию» заело. А вторая рука, как назло, занята коробкой с прокладками. И тут мелькнула мысль: «Отдам-ка я ее подержать этому молодому». Так и поступила. Полицейский был смущен, но ему пришлось взять коробку с принадлежностями дамского туалета. И вдруг ... стал открывать ее. Тогда она сунула ему сумочку. Он отвлекся, начав копаться в косметике, и сказал пару комплиментов о качестве ее духов.

И в этот момент раздался сигнал об отправлении поезда. Пожилой полицейский бросал вещи в чемодан и в последний момент увидел билет, заложенный в книгу.

— Какая же вы рассеянная, мисс! Скорее садитесь в вагон.

— О, как я вам признательна, — со всею возможной искренностью произнесла Леонтина, поднимаясь в вагон и думая о судьбе коробки с документами. Полицейский вроде и не собирался возвращать ее. «Неужели он заподозрил что-то?» — испугалась она, продолжая сохранять на лице легкомысленную улыбку игривой девицы. «Может быть, он специально держит ее, чтобы проверить, как я буду реагировать?» Мелькнула мысль: когда поезд тронется, выскочить из вагона, выхватить коробку и снова вскочить в тамбур. Но это совсем загубит все дело.

Состав двинулся. «Это катастрофа», — успела подумать Леонтина.

В этот момент старший полицейский выхватил у другого коробку с прокладками и, догнав вагон, протянул ее Леонтине.

— Мисс! Мисс! Вы забыли свои салфеточки! Какая рассеянная! — повторил он.

Она даже не смогла поблагодарить толстяка. Ах, знал бы он, какую карьеру он только что держал в руках и упустил!

Сев в купе и прижав коробку к животу, она, как ей казалось, на какое-то время потеряла сознание. А может быть, просто провалилась в мгновенный глубокий сон. Это была естественная реакция на все пережитое ...

Материалы оказались ценнейшими. Их немедленно переправили в Москву, где они сразу же легли на стол И. В. Курчатова.

Это лишь один эпизод из многотрудной жизни **Леонтины Коэн.** Она стала единственной разведчицей в истории, в честь которой в 1998 году в России выпущена почтовая марка с ее портретом. Она же стала первой женщиной — Героем Российской Федерации.

ОН ВЗЯЛ ИМЯ ДРУГА

10 февраля 1962 года к мосту Глиникербрюкке, соединяющему Восточный и Западный Берлин, с двух сторон подъехало несколько машин.

«Из автомобиля Вооруженных сил США вышел Рудольф Абель, окруженный здоровенными охранниками, изможденный и выглядевший старше своих лет. Пребывание в американской тюрьме оставило на нем заметный след. Теперь в самый последний момент он держался только благодаря выработанной им внутренней самодисциплине». Это — из воспоминаний адвоката Дж. Б. Донована, защитника Абеля в американском суде.

Кем же был человек, о котором идет речь?

Вильям Генрихович Фишер родился в городе Ньюкасле-на-Тайне 11 июля 1903 года. Его мать была русской из Саратова, отец — профессиональным революционером, обрусевшим немцем. Семью выслали из России за революционную деятельность ее главы, и она нашла убежище в Англии.

В 1920 году семья Фишеров вернулась в Россию и приняла советское гражданство. В Красной Армии Вилли получил специальность радиотелеграфиста, которая ему очень пригодилась впоследствии, а потом, зная английский и немецкий языки как родные, работал переводчиком в Коминтерне.

В 1927 году Вилли Фишер поступил в Иностранный отдел ОГПУ. Несколько раз выезжал за границу, где успешно выполнял разведывательные задания.

Работая в Москве, крепко сдружился со своим сослуживцем и соседом по квартире Рудольфом Ивановичем Абелем и еще с одним соседом. Их было трое неразлучных друзей, и когда они вместе приходили в столовую, товарищи шутили: «Вон, Абели пришли!»

Началась Великая Отечественная война. Фишер и Абель занимались организацией боевых разведывательных диверсионных групп и партизанских отрядов в тылу врага. Оба они тоже выполняли задания за линией фронта.

Вот что вспоминал советский нелегал Конон Молодый. Заброшенный в тыл к фашистам, он был почти сразу же пойман и доставлен в фашистскую контрразведку. В допрашивавшем его офицере он узнал... Фишера. Тот, для порядка, задал ему несколько вопросов, а оставшись наедине, обозвал его «идиотом» и выпихнул за порог. Молодый благополучно скрылся в лесу.

Фишер принимал участие и в радиоигре «Березино», проводившейся в 1944 — 1945 го-

дах. В ней действовала легендированная немецкая «воинская часть», для поддержки которой немцы сбрасывали множество грузов и разведчиков, попадавших в наши руки.

Кончилась война. В 1948 году Вильям Генрихович Фишер получает новое задание: он выехал в нелегальную командировку в США, которой было суждено продлиться четырнадцать лет.

В США Фишер работал над тремя именами: профессионального художника Эмиля Голдфуса, некоего мистера Мартина Коллинза и Марка. Под последним псевдонимом его знали наши разведчики из группы «Волонтеры», которой он руководил.

Принятая в разведке **конспирация** до сих пор не позволяет раскрыть многие операции, в которых участвовал Марк. Но об одном деле можно рассказать попробнее — это работа с группой «Волонтеры». Старшим этой группы был Моррис Коэн, связником Леонтина Коэн, его жена.

Еще будучи бойцом Интернациональной бригады в Испании в 1938 году, Моррис стал сотрудничать с советской разведкой. Именно Моррис и Леонтина наладили связь с нашими агентами, работавшими в самом закрытом объекте США — городе Лос-Аламос. Там под строжайшим секретом создавалась первая американская атомная бомба. Никому не удавалось проникнуть туда, но советская разведка проникла. Множество документов, чертежей и фотопленок ушли в Москву и помогли

нашим ученым. Они и без того успешно работали над созданием советской атомной бомбы, но материалы, полученные разведкой, намного ускорили и удешевили эту работу.

В тот период, когда с Коэнами был связан Марк, велись работы по совершенствованию этого нового вида оружия, и естественно, материалы, которые добывали Коэны, имели важнейшее значение.

В 1950 году супруги Коэн в связи с угрозой провала были отозваны в Советский Союз. Позже они выехали в Англию, где работали в нелегальной резидентуре Конона Молодого. В 1961 году произошел провал, они были арестованы и осуждены. В 1969 году обменены на английского агента. Оба впоследствии получили звание Героя Российской Федерации.

Однако вернемся к Марку.

В 1955 году он приезжал в отпуск в Москву, побывал на могиле своего друга Рудольфа Абеля, недавно умершего. Возвратился в США и продолжал успешно работать.

В ночь с 21 на 22 июня 1957 года под именем Мартина Коллинза он заночевал в нью-йоркской гостинице «Латом», ожидая сеанса радиосвязи с Центром. Получив и прочитав радиограмму, собрался отдыхать. Вдруг раздался стук в дверь, и в комнату ворвались трое агентов ФБР в штатском.

— Полковник! — сказал один из них. — Мы знаем, что вы делаете в нашей стране. Вы арестованы!

Находчивость не изменила разведчику. Попросив разрешения сходить в туалет, он ловко избавился там от своего шифра и радиограммы. Однако агенты ФБР нашли другие доказательства его разведывательной деятельности.

Рудольф Абель

Арестованного доставили в тюрьму, начались бесконечные допросы. Фишер всячески отрицал свое сотрудничество с советской разведкой. Но он должен был как-то сообщить Центру о своем аресте. Не желая называть своего настоящего имени, хотел сделать так, чтобы дома поняли, кто именно арестован. Вспомнил о своей дружбе с Абелем и о том, как их называли «Абелями». Решение пришло само: дома должны догадаться.

25 июня на допросе он заявил:

— Я, **Рудольф Иванович Абель**, гражданин Советского Союза. В США попал так: после войны случайно нашел в сарае крупную сумму американских долларов. Перебрался в Данию, купил фальшивый паспорт и в 1948 году через Канаду въехал в США.

Но ФБР требовало правды и всей правды. Ему постоянно предлагали сотрудничество,

пытались подкупить, предлагали кучу денег и всякие блага во имя его же «выгоды». Угрожали смертным приговором. Но Рудольф Абель держался стойко.

14 октября 1957 года началось слушание дела «Соединенные Штаты Америки против Рудольфа Ивановича Абеля». На вопрос судьи, признает ли Абель себя виновным, он ответил «нет», показаний не давал. На суде выступил в качестве свидетеля Хейханнен — изменник, выдавший Абеля (Фишера). Этот предатель был спившимся агентом советской разведки, и Абель еще давно просил отозвать его. Адвокат Донован сказал о нем: ни на что негодный тип, предатель, лжец, вор. В своем выступлении Донован предупредил присяжных, что они не должны выносить смертного приговора. Ведь в таком же положении может оказаться американский разведчик в СССР, и надо в живых иметь человека, на которого его можно будет обменять.

Стойкое поведение Абеля в суде, его благородство и мужество, ничтожество свидетелей, а также доводы адвоката повлияли на решение присяжных. Они сохранили Абелю жизнь, хотя и осудили на тридцать лет тюремного заключения.

Шеф ЦРУ Аллен Даллес сказал Доновану: «Я хотел бы, чтобы мы имели таких людей, как Абель, в Москве».

Начались хлопоты по освобождению Абеля. Изыскивались разные пути, но прошли месяцы и годы, пока удалось достичь цели. Этому

помогло одно обстоятельство. 1 мая 1960 года над городом Свердловском был сбит американский разведывательный самолет У-2, а его пилот Фрэнсис Гарри Пауэрс захвачен. Он не воспользовался ампулой с ядом, которую ему вручили перед полетом, а, спустившись на парашюте, поднял руки перед сбежавшимися колхозниками. Советским судом он был осужден к десяти годам лишения свободы. Вот этот-то Пауэрс и был доставлен утром 10 февраля 1961 года к мосту Глинике-брюкке с советской стороны.

Обмен прошел без инцидентов, и уже через час Вилли Фишер — он же Рудольф Абель — обнимал своих жену и дочь.

СКАНДАЛ В ЛОНДОНЕ

В 1963 году в Англии разразился крупный скандал, затронувший самых высокопоставленных лиц в стране.

Некая исполнительница стриптиза Кристина Килер стала причиной ссоры и драки двух индусов. Один из них попал под суд, и во время судебного разбирательства выявился ряд моментов, сразу же ставших достоянием прессы. Журналисты писали о Килер как о женщине, ведущей грязную жизнь в качестве «проститутки по вызову», входящей в «сеть»

остеопата по профессии и сутенера по призванию Стефана Уорда. Килер частично удовлетворила интерес прессы, рассказав о своих похождениях, героями которых, в частности, стали сам Уорд, британский военный министр Джон Профьюмо и советский дипломат, он же военный разведчик Евгений Иванов. По словам Килер, она, живя с Уордом, одновременно была любовницей Профьюмо и Иванова.

Поскольку в скандале оказался столь высокий чин — член кабинета министров, в прессе развернулась небывалая шумиха вокруг этого дела. Досужие репортеры тут же протянули

ниточку между Профьюмо и Ивановым (который в это время уже был отозван в Москву), обвинив министра в том, что от него через Килер утекали в руки советской разведки самые важные военные секреты Великобритании.

Профьюмо вынужден был защищаться. Вначале он все отрицал. Но когда репортеры стали нажимать на Уорда, то остеопат стал защищать себя, угрожая рассказать историю о связи Профьюмо — Килер, которая могла «свалить правительство». Он упомянул также, что Килер продала прессе интимные письма Профьюмо.

В палате общин появились депутатские запросы, и военный министр вынужден был дать ответы членам парламента. 22 марта 1963 года на слушании в палате общин он торжественно и категорически заявил, что никогда не позволял себе «чего-либо» в отношении Килер. Его заявление удовлетворило премьер-министра Макмиллана, а также большинство консерваторов и лейбористов.

Теперь внимание общественности и прессы сфокусировалось на Уорде, которого обвиняли в том, что он жил на доходы от проституток.

Отчаянно пытаясь спасти себя, Уорд направил письмо премьер-министру о том, что Профьюмо солгал палате общин. Теперь давление снова перекинулось на Профьюмо. На этот раз груз обвинений был слишком велик, чтобы выдержать его.

Газеты в открытую вопрошали: с какого рода людьми якшался член кабинета? Обсуждался

вопрос о том, что за секреты «утекли» от Профьюмо через Килер к Иванову. Осаждаемый, где бы он ни появился, репортерами, отвергающими всякие его попытки защищаться, Профьюмо был вынужден сдаться, и 4 июня 1963 года направил премьер-министру письмо с признаниями в своей лжи и просьбой об отставке, которая была удовлетворена.

Профьюмо вскоре занялся частным бизнесом. Кристина Килер вышла замуж и исчезла с горизонта. Уорд перед угрозой обвинительного вердикта суда покончил жизнь самоубийством.

Макмиллан попросил лорда Деннинга возглавить комиссию, расследовавшую дело Профьюмо, и представить подробный доклад.

Лорд Деннинг в своем докладе «отпустил грехи» премьер-министру, однако тот, находясь под огнем своих противников, тоже вынужден был уйти в отставку.

Так и остался не выясненным до конца вопрос — «утекали» ли через Килер к Иванову какие-либо секреты. Судя по тому, что советская разведка, по признаниям Уорда, использовала его в активных мероприятиях, доводя через него нужную информацию до английского правительства (например, по вопросам размещения ядерного оружия в Германии, во время кубинского кризиса и т.д.), интерес Иванова к Килер был не только сексуальным. В то же время комиссия Деннинга установила, что Иванов вообще не допускал вольностей по

отношению к Килер, а та, в свою очередь, не задавала Профьюмо никаких «подозрительных вопросов» (Иванов не поручал ей этого) и ничего не сообщала Иванову. Зачем же тогда существовала эта связь?

На этот вопрос так и не было дано ответа.

КРАХ ОПЕРАЦИИ «ГОЛД»

Имя **Джорджа Блэйка**, нашего современника, достаточно хорошо известно, тем не менее его история не перестает вызывать интерес.

Он родился в Голландии, его отец англичанин, а мать голландка. В юности был очень набожен, даже собирался стать пастором протестантской церкви. Когда началась немецкая оккупация, вступил в движение Сопротивления. В 1942 году, спасаясь от ареста, через Францию и Испанию бежал в Англию. Там пошел на службу во флот, а оттуда в разведку.

Джорджа всегда восхищала роль Советского Союза в войне против фашизма, героизм его народа, справедливость общественного строя. В 1950 году он оказался на войне в Корее. Джордж вспоминал: «Я видел, как американские бомбардировщики буквально стирали с лица земли корейские деревни, города... И я спрашивал себя: что нам нужно в этой войне? На чьей стороне я должен сражаться?»

Так Джордж Блэйк в 1955 году, после войны в Корее, стал советским разведчиком.

Но он продолжал службу и в английской разведке **СИС (Сикрет Интеллидженс сервис).** По ее линии руководил агентурной сетью Великобритании в ГДР и Чехословакии. Ясно, что в Москве узнавали обо всех замыслах западных разведок, касающихся этих стран.

С помощью Блэйка была раскрыта одна из самых тайных операций ЦРУ и СИС после Второй мировой войны, которая носила наименование «Голд» («Золото»).

Что же представляла собой эта операция? По территории Восточного Берлина, довольно близко к границе западного сектора, проходила совершенно секретная подземная линия советской правительственной и военной связи в ГДР. Американцы задумали и осуществили строительство туннеля под границей, который примыкал к этой линии, и установили аппаратуру, позволяющую подслушивать и записывать все разговоры, ведущиеся по ней.

Задумывалась и осуществлялась эта операция с американским размахом. Успех гарантировали абсолютная секретность, большие деньги, вложенные в строительство туннеля и новейшая техника, предоставленная англичанами. Подслушивание, запись и анализ разговоров по этой линии дали бы так много англичанам и американцам, как не мог бы дать ни один ценный агент.

Казалось бы, все шло хорошо, если бы не одно «но». С самого начала советская разведка через Блэйка знала все детали операции

«Голд». Можно было бы пресечь ее с самого начала, но хотелось глубже втянуть «партнеров» в эту игру. И хотя разговоры, ведущиеся по этой линии, подвергались строгому контролю с целью не допустить ухода на Запад действительно ценной информации, все же иногда приходилось допускать «утечку», чтобы «партнеры» ничего не заподозрили.

Тем не менее настало время, когда надо было кончать игру, но сделать это так, чтобы Блэйк остался вне подозрений. В один прекрасный день, в апреле 1956 года, американские военные разведчики, операторы аппаратов, подключенных к нашим линиям связи, вдруг услышали громкие голоса с противоположной стороны туннеля, со стороны ГДР. Операторы были так перепуганы, что бросились бежать, не успев ни снять, ни уничтожить аппаратуру. Туннель был вскрыт советскими и немецкими «связистами» под предлогом «обнаружения неполадок в каналах связи, что и «вывело» якобы на подключенную аппаратуру. Эта дезинформация была запущена с такой ловкостью и умением, что даже специальная комиссия ЦРУ и СИС пришла к заключению, что это случайность. Блэйка никто ни в чем не заподозрил.

Самым уязвимым местом в работе разведчиков является связь, на чем чаще всего они и «горят». Для работы с Блэйком придумали хороший способ: он легально встречался с советским гражданином «Борисом», который якобы

работал на СИС. В действительности же он был агентом советской разведки и связником, получавшим от Блэйка нужную информацию. Заодно через «Бориса» передавали англичанам дезинформацию, которая была так умело подготовлена, что те принимали ее за чистую монету.

Но произошел провал — не по вине «Бориса» и Блэйка. Джордж был арестован и передан английскому суду. Судья пришел к следующему заключению: «Этот человек разрушил почти все, что было создано британскими разведывательными службами с момента окончания Второй мировой войны».

Джордж Блэйк был приговорен к сорока двум годам лишения свободы. Сам Блэйк в разговоре с сотрудником разведки В. Андрияновым вспоминал о приговоре так:

«Услышав о сорока двух годах тюрьмы, я улыбнулся. Этот срок казался таким невероятным, за эти годы столько могло произойти, что

я считал его просто нереальным. Если бы меня приговорили к четырнадцати-пятнадцати годам, это произвело бы на меня большее впечатление, чем сорок два года. И конечно, такой длительный срок — самый лучший стимул, чтобы... — «Постараться сократить его», — вставил собеседник.

— Да... Много людей с состраданием отнеслись ко мне. Поэтому мне и удалось бежать.

СМЕЛЫЙ ПОБЕГ

Если бы он отбыл весь срок, назначенный ему лондонским судом, то ему пришлось бы пробыть в тюрьме до начала XXI века. Но этого не случилось.

Как-то раз другой замечательный разведчик, **Конон Молодый** (он же Г. Т. Лонсдейл, «Бен»), рассказал автору:

— Однажды мы встретились с Джорджем Блэйком на прогулке во дворе тюрьмы «Уордвуд Скрэбз», где я тоже отбывал наказание. Я ему сказал: «Уверен, что мы оба будем праздновать 60-летие Октябрьской революции, 7 ноября 1967 года, в Москве».

Конон Молодый

Так оно и произошло. К. Молодый в 1964 году был обменен на агента английской разведки Грэвилла Винна, а Джордж Блэйк в 1966 году бежал из тюрьмы.

Смелый побег был осуществлен в духе лучших традиций авантюрных романов Александра Дюма, разве что с применением современной техники. Тюрьма «Уорлвуд Скрэбз» гордилась тем, что из нее никто никогда не бежал. Поэтому туда и помещали таких опасных преступников, как разоблаченные советские разведчики. Были там заключенные и не столь опасные. К ним относились, например, два английских борца против размещения в Великобритании ядерного оружия, М. Рэндл и П. Потл. Был также и заключенный по имени Шон Берг. Вот они-то и помогли Блэйку совершить побег. М. Рэндл и П. Потл в тюрьме пробыли недолго и вскоре оказались на воле. Шон Берг днем работал за пределами тюрьмы, а по уик-эндам ему предоставлялась увольнительная. Благодаря этому он смог принести и передать Джорджу Блэйку приемопередающее устройство, а также ножовку.

Подготовка побега пошла полным ходом. Исходили из того, что в субботний вечер, когда заключенным показывают фильм, охрана становится менее бдительной. Накануне побега Блэйк в укромном месте вынул стекло из окна, подпилил решетку и поставил прутья на место. Вечером в субботу он вновь вынул их, выбрался из окна и оказался в тюремном дворе

возле высокой наружной стены. Шел проливной дождь, и Блэйку пришлось под ним целый час ждать, когда Шон Берг перекинет через стену веревочную лестницу.

Причина задержки оказалась в том, что вначале возле тюремной стены ходил полицейский, а затем от дождя пряталась влюбленная парочка, которая не торопилась уходить. Сидя в машине, Шон терпеливо ждал.

Когда место у стены освободилось, Шон подъехал и перекинул через нее самодельную веревочную лестницу. Блэйк быстро полез на стену. До верха добрался благополучно, но когда стал спускаться, упал. Кисть руки оказалась сломанной. Превозмогая боль, он сел в машину Шона. Впереди его ждала свобода!

Для того чтобы вылечить руку, пришлось обратиться к знакомому врачу. Тот не выдал Джорджа, наложил гипс.

По всей Англии после бегства Блэйка была объявлена тревога. Все порты, вокзалы, аэропорты перекрыты. Полиция

прочесывала подозрительные районы и дома. Но Блэйк скрывался совсем недалеко, у своих друзей. Им предстояло вывезти его за пределы Англии. Это было нелегко, так как фотографии Джорджа висели на всех видных местах, имелись у каждого полицейского, таможенника, пограничника.

Друзья Джорджа обсуждали разные варианты. По одному из них даже предлагали с помощью специального препарата изменить цвет кожи, «сделав» его негром. Но Джордж отверг это предложение, тем более было неизвестно, как такое преображение может отразиться на его здоровье. Пошли по другому пути. Супруги Рэндл соорудили потайное отделение в своем автофургоне, под детской кроваткой. В этом тайнике Джорджу предстояло совершить долгое путешествие в сопровождении супругов Рэндл и их двоих детей, двух и четырех лет от роду.

17 декабря 1966 года тронулись из Лондона, добрались до Дувра. Оттуда — на пароме до бельгийского порта Остенде, а далее без остановки до Берлина. Всю дорогу на континенте Джордж сидел в фургоне вместе с супругами и детишками. В «контейнере» он скрывался только тогда, когда ехали по Англии, переплывали Ла-Манш и пересекали границы.

Наконец добрались до Восточного Берлина, где путешественников встретили восточногерманские пограничники и советские офицеры. Они, конечно, были поражены неожиданному

появлению «гостя» из ящика. Но вскоре все разъяснилось, тем более что в Восточном Берлине оказался советский разведчик, лично знавший Блэйка. Так закончилось долгое и опасное путешествие.

7 ноября 1967 года Джордж Блэйк и Конон Молодый действительно встретили стоя рядом на трибунах Красной площади Москвы.

КАК ПРОВАЛИЛСЯ ЭЛИ КОГЕН

Эли Коген родился в 1924 году и первую часть жизни провел в Египте, прекрасно знал местные обычаи, язык, законы. Поступил в Каирский университет, но как еврей был исключен и занялся оказанием помощи своим соотечественникам, эмигрировавшим в Израиль. Его усердие заметила резидентура израильской разведки и завербовала. Коген поехал в Израиль на учебу и вернулся оттуда в качестве радиста разведгруппы.

Однажды его задержала египетская полиция и поместила в лагерь интернированных. Но он так умело вел себя на допросах, что его отпустили. После второго ареста Эли выслали в Израиль. Там он продолжил работу в разведке.

Новым местом назначения Эли Когена стала Сирия, путь в которую лежал через Аргентину, где ему требовалось отработать «легенду». В Буэнос-Айресе была большая сирийская колония, в которую он успешно вжился под именем

сирийского предпринимателя Камиля Амина Таабеса. Он завязал множество полезных знакомств, в том числе с военным атташе сирийского посольства Амином Аль-Хафезом.

В 1961 году Коген покинул Аргентину и вернулся в Израиль для завершения подготовки.

Вскоре «предприниматель» выехал из Тель-Авива. У него был небольшой, но весьма примечательный багаж: в двойном дне электрического миксера скрывался миниатюрный передатчик; провод электробритвы одновременно служил антенной для передачи сообщений на дальние расстояния; таблетки аспирина на самом деле были сильнодействующим ядом; в тюбиках зубной пасты и крема для бритья находились взрывчатые вещества. Имелось и оборудование для микрофильмирования, замаскированное под комплект японской фотоаппаратуры. Почти все это пригодилось ему во время работы в Дамаске, столице Сирии.

Днем Камиль Амин Таабес продавал иностранным туристам сирийские сувениры, ювелирные изделия, предметы народного промысла, а ночью превращался в израильского разведчика. Для лучшего качества передач он установил антенну на крыше среди множества телевизионных антенн. Обширные связи и наблюдательность позволили ему подробно освещать сирийскую политическую и военную жизнь.

После переворота к власти в Сирии пришел генерал Амин Аль-Хафез, бывший военный атташе в Аргентине, приятель Эли Когена. По-

ложение последнего еще более упрочилось. Он завел много друзей среди офицеров сирийской армии, часто бывал на военных базах и даже фотографировал окружающие пейзажи вместе с военными объектами.

Его образ жизни и деятельность не обращали на себя внимания сирийской контрразведки, но все же он провалился. Произошло это так.

Рядом с домом, где жил и откуда вел свои радиопередачи Эли Коген, находилось посольство Индии. Радисты посольства часто жаловались на радиопомехи, которые мешали им работать во время сеансов связи с МИДом Индии. Этим обстоятельством заинтересовались сирийские контрразведчики. Но они не имели аппаратуры для радиопеленгации. Тогда они обратились за помощью к сотрудникам советской разведки, с которой поддерживали официальный контакт.

К работе подключились советские специалисты. В результате выяснилось, что кто-то в районе, прилегающем к индийскому посольству, осуществляет нелегальные радиопередачи. Постепенно кольцо поисков сжималось. Наконец в его центре оказался один дом.Тогда советские и сирийские разведчики проделали следующее: во всем районе была отключена электроэнергия. Когену, чтобы не прерывать радиосеанс, пришлось использовать аккумуляторные батареи. Затем электроэнергию включили и вновь выключили. Эли Коген, не зная об этом, продолжал работать на передатчике,

который оказался единственным, появившемся в эфире в это утро.

Специалисты осмотрели крышу здания, из которого велась передача, обнаружили подозрительную антенну и по ее проводу вышли на квартиру Эли Когена.

Во время обыска в квартире было обнаружено различное шпионское обрудование.

Разведка Сирии пыталась использовать Эли Когена для радиоигры с израильской разведкой, он он успел дать сигнал, что работает под контролем.

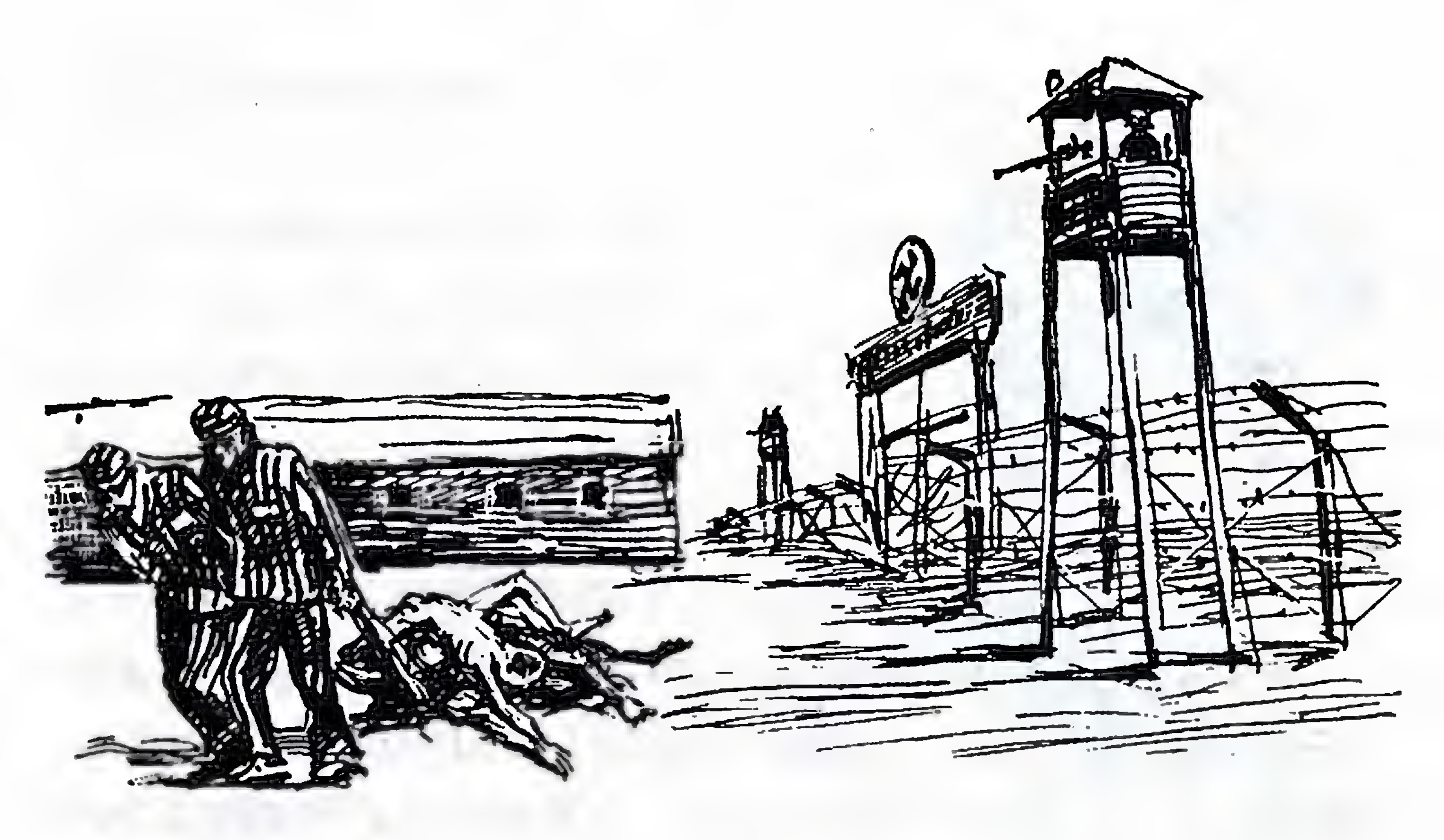
Сирийским судом Эли Коген был приговорен к смертной казни и 18 мая 1965 года повешен на одной из площадей Дамаска.

БЕССЛАВНЫЙ КОНЕЦ ФАШИСТСКОГО ПАЛАЧА

Как известно, в гитлеровской Германии существовал план «окончательного решения еврейского вопроса», то есть попросту уничтожения всех евреев по принципу «нет человека — нет проблемы».

По этому плану фашисты успели уничтожить шесть миллионов человек.

Одним из проводников этой политики геноцида стал Адольф Эйхман, назначенный в 1934 году экспертом по вопросам сионизма Главного имперского управления нацистской Германии. Именно по его инициативе концла-

герь Освенцим (Аушвиц) превратился в крупнейший центр массового истребления. Одних евреев там убили около двух миллионов, не считая сотен тысяч людей других национальностей.

Израильская разведка, созданная еще до провозглашения государства Израиль, с 1945 года вела охоту на гитлеровских палачей и убийц. Много из них было выловлено и уничтожено. Но некоторым удалось скрыться и найти убежище за границей, в частности в Аргентине, правительство которой относилось к ним благосклонно.

Одним из таких «беженцев» оказался **Адольф Эйхман**. Он скрывался в Аргентине под чужим именем, но ни его нового имени, ни местопребывания израильская разведка не знала.

В 1957 году поступила кое-какая информация. Некий Л. Херман, слепой еврей, проживавший в Буэнос-Айресе, сообщил, что его дочь встречалась с молодым человеком, которого звали Николас Эйхман. Было известно,

Адольф Эйхман

что у Адольфа Эйхмана есть сын Николас. Это уже была кое-какая наводка. Узнали адрес Николаса и установили за домом наблюдение. Но видимо Эйхман что-то почувствовал, и вся семья скрылась.

Только почти через два года удалось установить новый адрес этой семьи и выяснить, что Адольф Эйхман скрывается под именем Рикардо Клемента. За домом установили круглосуточное наблюдение.

Можно было бы схватить «Рикардо Клемента», отвезти его в ближайший лес и, прочитав приговор, пристрелить, как было сделано со многими другими. Но, во-первых, требовалось установить, тот ли он Адольф Эйхман, которого ищет разведка, а во-вторых, правительство дало строгий приказ: доставить Эйхмана в Израиль и там судить по всем правилам.

Случай убедиться, что «Рикардо Клемент» — это настоящий Эйхман, вскоре представился. 21 марта 1960 года сотрудники наблюдения заметили, что «Рикардо» приехал домой с большим букетом, который преподнес супруге. Его обычно небрежно одетый младший сын был в праздничном костюме. Затем

из дома донесся шум, свидетельствующий о большом семейном празднике.

Сверились с записями в личном деле Эйхмана и выяснили, что в этот день отмечается серебряная свадьба супругов Эйхманов. Все сомнения отпали. В Буэнос-Айрес прибыла группа израильских разведчиков, более тридцати человек. Двенадцать из них входили в группу захвата, остальные — в группу прикрытия.

11 мая 1960 года операция началась. Группа захвата расположилась в районе дома, где жил Эйхман. Они пропустили два автобуса, на которых он должен был вернуться домой, но его не было. Наконец появился. Едва он вышел, его сразу же схватили и втащили на заднее сиденье автомашины, которая умчалась, прежде чем прохожие успели понять, в чем дело.

Эйхмана доставили на конспиративную квартиру, где он сразу же «сдался». Он не отпирался ни в чем. То ли сработал шок, то ли заговорила совесть, что, впрочем, маловероятно, то ли он предполагал, что чистосердечным признанием смягчит свою участь. Эйхман даже прочитал еврейскую молитву на иврите, может быть рассчитывая разжалобить своих тюремщиков.

20 мая Эйхману сделали укол, в результате которого он стал плохо воспринимать происходящее. Затем его одели в форму сотрудника израильской авиакомпании и, поддерживая под руки как подвыпившего члена сменного экипажа, провели в самолет. Через несколько часов он приземлился в Израиле.

11 апреля 1961 года начался суд над Эйхманом. Он был признан виновным в преступлениях против человечности и приговорен к смертной казни.

31 мая 1961 года Эйхмана повесили.

ГИБЕЛЬ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ

Напомним, что **Патрис Эмери Лумумба** был первым премьер-министром независимой Республики Конго, которая сейчас называется Демократической Республикой Конго (бывший Заир). Во главе правительства он находился с июня 1960 года, как только страна сбросила бельгийское колониальное господство.

Правящие круги и ЦРУ США опасались того, что Лубумба распространит по Африканскому континенту пламя революции, зажженное Фиделем Кастро в Латинской Америке. Существовала и опасность для капиталистического мира потерять Конго — одну из богатейших стран мира, занимающую первое место в мире по добыче кобальта, алмазов, одно из первых мест по добыче меди, урана, олова, цинка и марганца, куда были вложены огромные средства. Поэтому надо было избавиться от Лумумбы любой ценой.

Летом 1960 года начальник оперативного управления ЦРУ Ричард Биссел просил начальника африканского отдела ЦОУ Бронсона Твиди «изучить возможности убийства Лумумбы».

Биссел также просил своего научного советника Джозефа Шейдера приготовить средство для убийства — или вывода из строя — одного «африканского лидера», не называя его по имени. По словам Шейдера, Биссел утверждал, что эта просьба исходит от самой высшей инстанции.

В конце сентября Шейдер передал резиденту в Леопольдвилле смертоносное вещество и приказ убить Лумумбу. Однако ядовитые вещества так и не были использованы.

В сентябре 1960 года в Конго произошел государственный переворот, Лумумба был отстранен от власти и оказался под защитой «голубых касок» ООН. Но даже и такой, свергнутый, он представлял угрозу. Поэтому ЦРУ затеяло новый заговор против него: оно планировало вывести его из-под опеки «голубых касок» и передать на расправу в руки новых конголезских властей.

Но **ЦРУ** предприняло и более конкретные шаги. На протяжении последних месяцев 1960 года оно готовило на исполнение этой акции двух профессиональных убийц. Они должны были действовать независимо друг от друга и получать приказы от разных офицеров ЦРУ.

Однако события получили неожиданное развитие. 27 ноября Лумумба тайно покинул Леопольдвилль, освободившись из-под опеки людей ООН, с тем, чтобы присоединиться к своим сторонникам на севере страны.

Правительство конголезского диктатора Мобуту вместе со спецслужбами США и Бельгии

Патрис Лумумба

бросили все силы на поимку Лумумбы.

2 декабря он был арестован, а 17 января 1961 года передан министру внутренних дел Чомбе. Лумумба и его соратники были подвергнуты жестоким пыткам, а затем убиты в помещении бельгийской авиакомпании «Сабена».

О роли ЦРУ в деле Лумумбы дали показания сами сотрудники ЦРУ на заседании сенатской комиссии Конгресса США. Долгое время было неизвестно что стало с телом Лумумбы и его соратников, и где они были захоронены.

Но совсем недавно, в мае 2000 года, бельгийский полицейский Жерар Соэте сделал сенсационное признание: это он в ночь с 22 на 23 января 1961 года растворил в серной кислоте трупы Лумумбы и двух его сподвижников... Это было сделано потому, что Лумумба пользовался огромной популярностью в стране, власти опасались его даже мертвого и хотели избежать возможного паломничества к месту захоронения.

После серии скандальных разоблачений специально созданная бельгийская парламентская комиссия в начале мая 2000 года приступила к расследованию обстоятельств гибели первого конголезского премьер-министра.

Память о нем сохраняется. На Каннском фестивале в мае 2000 года был показан фильм, посвященный трагической гибели Патриса Лумумбы. Его имя было присвоено Университету дружбы народов в Москве.

ПОКУШЕНИЯ НА ФИДЕЛЯ КАСТРО

После революции 1953 года на Кубе американский президент Эйзенхауэр дал указание принять меры к свержению Кастро и установлению на острове режима, удобного и выгодного для США.

Сменивший Эйзенхауэра президент Кеннеди продолжил выполнение этой задачи. ЦРУ приступило к планированию антикубинских подрывных акций, получивших кодовое наименование «Мангуст».

Эти операции, ни много ни мало, предусматривали убийство руководителя Кубинской революции **Фиделя Кастро**.

История подготовки и осуществления попыток покушений на Ф. Кастро столь длительная и сложная, что для того чтобы изложить ее всю, надо написать целую книгу. Поэтому мы ограничимся лишь перечнем тех средств, с помощью которых ЦРУ, а также действующие по его указаниям кубинские эмигранты и мафия пытались убить Кастро или вывести его из строя.

Таких попыток, в которых замешано ЦРУ, по заключению сенатской комиссии по

Фидель Кастро

иностранным делам Конгресса США было восемь. Сам же Ф. Кастро в беседе с сенатором Джорджем Макговерном сказал, что таких попыток по состоянию на август 1975 года было втрое больше — двадцать четыре.

Итак, какими же методами собирались избавиться от Ф. Кастро? Среди них были и реальные, и самые экзотические.

В отделе технических служб ЦРУ обсуждалось предложение проникнуть в радиостудию за несколько минут до начала выступления там Кастро и опрыскать ее химикатом, сходным с наркотиком ЛСД. Замысел состоял в том, чтобы Кастро неумышленно вдохнул пары этого препарата и, вместо того чтобы произнести захватывающую слушателей речь, стал бы, как невменяемый, выкрикивать отдельные бессвязные и невнятные фразы...

...Затем возникла идея о дезориентации поведения Кастро с помощью пропитки спеиальными веществами излюбленного сорта его сигар. Это предложение было сочтено более реальным. Затем обсуждалась проблема доставки Кастро ящика с отравленными сигарами...

Третье предложение было самым нелепым из всех: ЦРУ решило лишить Кастро его бороды. Операция началась, когда ЦРУ стало известно, что Кастро собирается совершить зарубежную поездку, и таким образом, становится более уязвимым, нежели в своей тщательно охраняемой стране.

Общеизвестным средством для удаления волос являются соли таллия при нанесении их на кожу человека. Это не сложно, решили планировщики из ЦРУ. Останавливаясь в гостиницах во время поездки за границу, Кастро, естественно, выставлял бы свою обувь на ночь в коридор для чистки. ЦРУ оставалось лишь положить ночью в эту обувь соли таллия. Но поездка была отменена, и задумка ЦРУ провалилась. Не получились и предыдущие попытки.

Но позже ЦРУ вернулось к идее отравленных сигар, решив вместо «дурящего» заложить в них смертельный яд. Ящик таких сигар был изготовлен и передан человеку, который якобы имел доступ к Кастро. Но что случилось с этим человеком и с ящиком — неизвестно. Кастро не пострадал.

После этого ЦРУ обратилось за помощью к мафии. Известный в США мафиози Росселли взялся организовать убийство с помощью яда через кубинца, работающего в ресторане, куда часто ходил Кастро.

Но эта попытка, имевшая место в марте 1961 года, оказалась неудачной, так как Кастро стал ходить в другой ресторан.

Вскоре произошло неудачное вторжение на Кубу в заливе Свиней (Кочинос). После этого появились новые попытки устранения Кастро. Вновь предоставим слово Фримэнтлу:

«Одна из идей относительно свержения Кастро заключалась в том, чтобы распространить по всей Кубе слух, что вот-вот предстоит второе пришествие Христа, и Христос должен биться с Антихристом — Кастро. Указывалась конкретная дата пришествия, и в этот день американская подводная лодка должна была всплыть и начать рассеивать звезды в ознаменование пришествия Христа.

Идея состояла в том, что кубинцы должны были восстать против своего руководителя.

Но эта идея так никогда и не была испробована, ровно как и другая — операция «Баунти», которая заключалась в том, чтобы разбросать над островом листовки с предложением уплатить пять тысяч долларов за убийство осведомителя, сто тысяч — за правительственного чиновника и два цента — за Кастро. Это называлось «операцией по унижению».

Подобных идей было еще тридцать три».

После ракетного кризиса 1962 года (советско-американский конфликт в связи с размещением советских ракет на Кубе) ЦРУ вернулось к идее убийства Кастро.

К этому времени руководителем спецгруппы ЦРУ стал Демонд Фицжеральд. Он знал, что Кастро любит подводное плавание и учел это в поисках нового способа расправиться с

ним. По его указанию был приобретен костюм для подводного плавания и начаты работы с целью пропитать этот костюм болезнетворными бактериями, чтобы потом заразить Кастро.

Был найден ядовитый грибок, а для надежности дыхательное устройство заразили туберкулезными палочками. Намеревались передать этот «подарок» Фиделю Кастро через адвоката Донована, который ничего не знал о его вредоносности. Но Донован и сорвал этот план, так как купил и подарил Кастро другой, вполне нормальный костюм.

Кроме того, по распоряжению Фицджеральда начинили взрывчатым веществом морскую раковину, столь необыкновенно красивую, что она не могла не привлечь внимания Кастро. Ее намеревались подложить там, где обычно плавал Кастро, но отказались от этой идеи, так как не было уверенности, что ее не подберет кто-нибудь другой.

Стали рассматривать новый вариант — использование агента ЦРУ, майора кубинской армии Кубела. Он был старым террористом, Кастро считал его своим другом, и он имел доступ в кабинет Фиделя. К тому же Кубела считал, что именно он достоин занять место Кастро.

Фицджеральд лично встретился с Кубелой, и тот попросил прислать ему винтовку с оптическим прицелом.

Винтовка была доставлена на Кубу в марте 1964 года, вторая — через три месяца. Но хвастовство Кубелы, повышенное мнение о своей

особе вызвали сомнение в том, что он тот человек, на которого надо делать ставку, и связь с ним была прекращена в 1965 году.

Были и другие попытки убить Кастро. Некая Марита Лоренц сразу после победы Кубинской революции стала возлюбленной Кастро. Но затем у них что-то разладилось, и вскоре ее выслали в США.

Злая и обиженная на Кастро, она стала агентом ЦРУ. В качестве члена сверхсекретного подразделения «Операция 40» Марита получила задание убить Кастро.

4 декабря 1959 года нанесла блицвизит в Гавану, чтобы убедиться, примет ли ее Кастро. Тот принял.

Несколько недель спустя Марита вновь вернулась на Кубу. У нее были две ампулы с токсином бутулизма, которые нужно было незаметно положить Фиделю в стакан.

«Но в тот момент, когда я увидела в иллюминатор очертания Гаваны, — пишет Марита Лоренц в своих воспоминаниях, — я поняла, что не смогу этого сделать. Ампулы я выкинула в море».

Когда она встретилась с Кастро, он спросил:

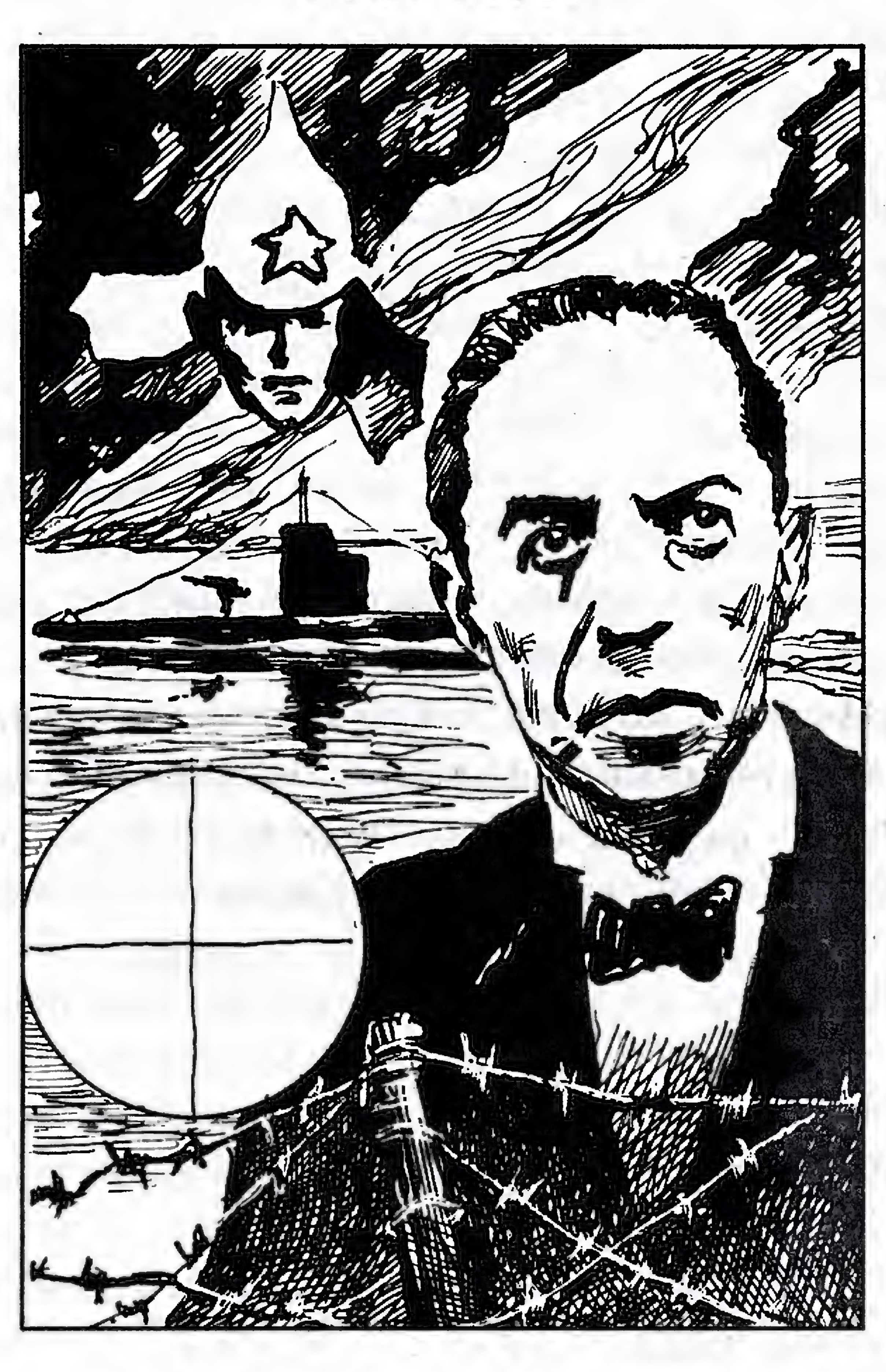
— Ты приехала, чтобы убить меня?

Она отрицала. Тогда он протянул ей пистолет и произнес фразу, показавшуюся ей пророческой:

— Ты не можешь убить меня. Никто не может убить меня!

Марита молча вернула пистолет Фиделю.

«ОБМАННЫЕ ОПЕРАЦИИ» РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ СЛУЖБ

Хитрость разведчиков и полководцев
«Приманные» суда
Фальшивые газеты
Как Савинкова заманили в ловушку
Операция «Трест»
Захват Сиднея Рейли
Мальчик из цирка
Суровые испытания
«Монастырь» ведет бой
На берегах Березины
У офицеров не оказалось спичек
Когда в дело вмешался случай
Последнее путешествие
«майора Мартина»
Фальшивые деньги, или как эсэсовцы
украли «идею» Наполеона
Невинные жертвы
разведывательных операций

ХИТРОСТЬ РАЗВЕДЧИКОВ И ПОЛКОВОДЦЕВ

Кто кого перехитрит? Этот вопрос всегда был одним из главных в работе разведки.

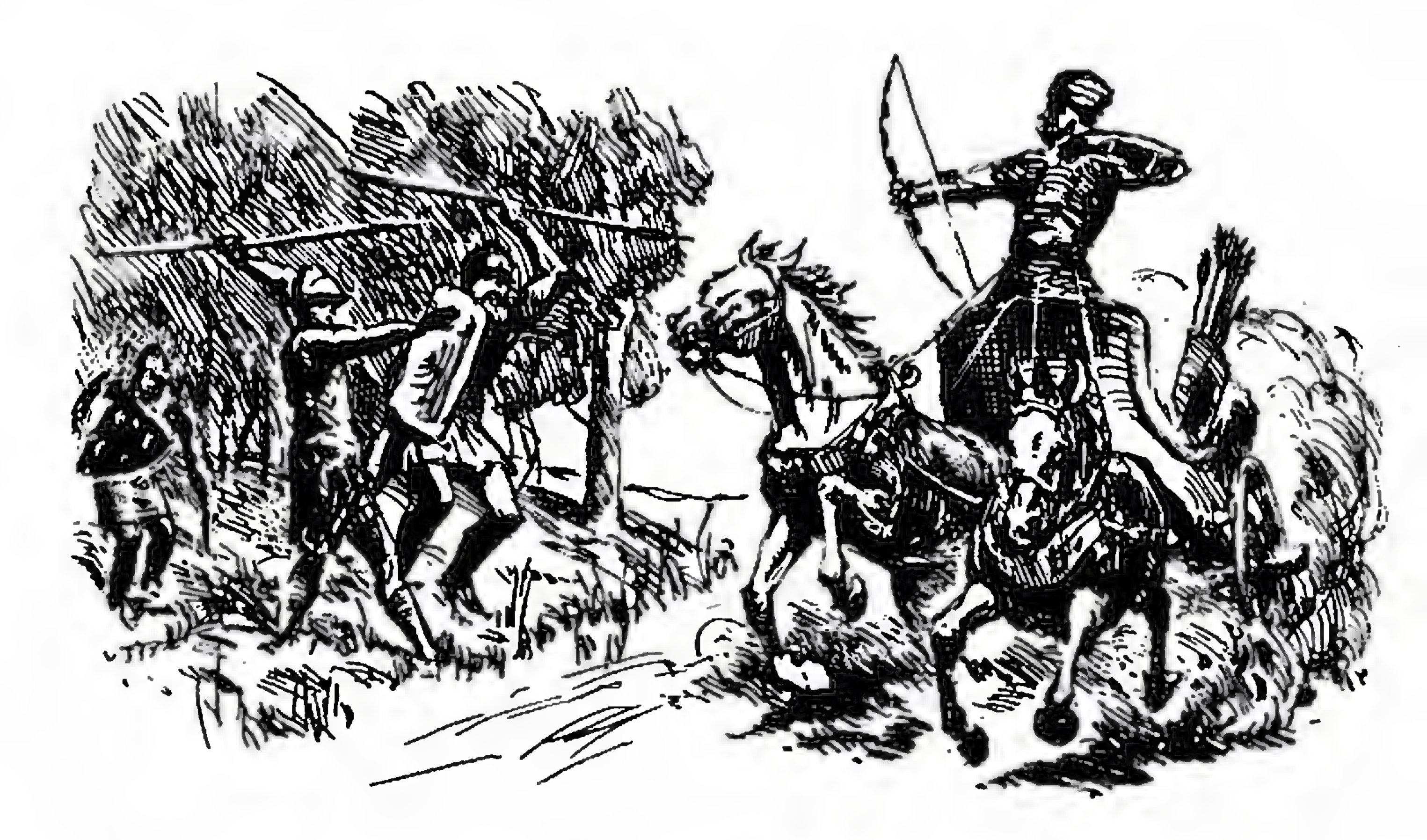
Можно подсунуть противнику ложную информацию, то есть **дезинформацию**, сообщить ему сведения, не соответствующие действительности, например, о численности и местоположении своих войск, о своей экономической мощи. Такие сведения можно или занизить, или завысить. Занизить для того, чтобы заманить противника в засаду, туда, где он не ожидает удара.

Вот несколько примеров — один из древней библейской истории.

Сисара, военачальник царя Ханаанского, имел девятьсот железных боевых колесниц и жестоко угнетал сынов Израиля. В то время судьей Израиля была женщина, пророчица Девора, которая придумала способ нанести поражение Сисаре.

По ее предложению войска израильского военачальника Варака разместились в засаде. Девора отправилась к Сисаре и убедила его напасть на Вараку и идти именно той дорогой, где была устроена засада. Сисара послушался ее и... потерпев полное поражение, бросив войско и колесницу, «бежал пеший».

Греческий историк Геродот сообщает: перед одним из своих великих походов 480 года до нашей эры греки заслали в Персию трех

разведчиков, чтобы выяснить, как велико войско царя Ксеркса. Разведчиков поймали и намеревались казнить. Но Ксеркс повелел показать разведчикам свое войско, надеясь напугать этим греческих военачальников. После «смотра» войск разведчиков отпустили. Правда, эта операция Ксерксу не помогла, греческие полководцы не испугались его.

В годы гражданской войны город Батум был оккупирован турецкими войсками. Чтобы запугать возможных противников и сломить волю местного населения, турки устроили военный парад. Командующий вместе с иностранными гостями и представителями местных властей стоял на трибуне, а мимо проходило «мощное» турецкое войско. Хитрость заключалась в том, что все оно состояло лишь из нескольких рот. Дойдя до угла здания штаба, солдаты быстро обегали его, снова становились в строй и вступали на площадь перед трибуной. Войско казалось бесконечным. Но один

из зрителей (это был мой дедушка. Среди иностранных гостей он представлял Россию. — *И. Д.*) запомнил солдата, который несколько раз проходил мимо трибун, и турецкий командующий стал всеобщим посмешищем. Его хитрость не удалась.

В 1812 году, когда русская армия отступила от Москвы в район Малоярославца, туда же последовали войска Наполеона. В ночь накануне сражения Кутузов разрешил, чтобы солдаты погрелись у костров, при этом приказал, чтобы у каждого костра было не более трех солдат. Увидев огромное количество огней, французы решили, что русские получили большое подкрепление. Интересно, что русских было всего пятнадцать тысяч, но французы считали, что их пятьдесят тысяч. Эта ошибка вошла даже в труды французских историков. В битве обе стороны понесли большие потери, и после нее французы были вынуждены отказаться от планов идти на юг, и им пришлось вернуться на старую Смоленскую дорогу.

«ПРИМАННЫЕ» СУДА

Первые **«приманные» суда** появились еще в годы позднего Средневековья. Но их скорее можно назвать «обманными», нежели «приманными», потому что их задача была не приманить, а наоборот, отпугнуть неприятеля. Почему и как это происходило?

В те времена очень большой угрозой для купеческих судов было пиратство. Некоторые пираты промышляли сами по себе, на свой страх и риск. Но были и пираты-каперы, занимавшиеся грабежом во имя своих королей или королев. Они получали как бы «лицензию» на пиратство, выполняя три задачи: наносить ущерб вражескому судоходству, наживаться самим и обогащать казну империи.

Против пиратов и каперов и были придуманы «обманные» суда. Какой-нибудь вполне мирный «купец», груженный богатым колониальным товаром, маскировался под боевой фрегат: на бортах устанавливались «грозные» деревянные пушки. Мелкие пиратские корабли не осмеливались остановить его.

Во время войны с Наполеоном английский командир Данс спугнул таким образом целую французскую эскадру, проведя мимо нее свой большой парусный корабль в сопровождении трех других торговых судов.

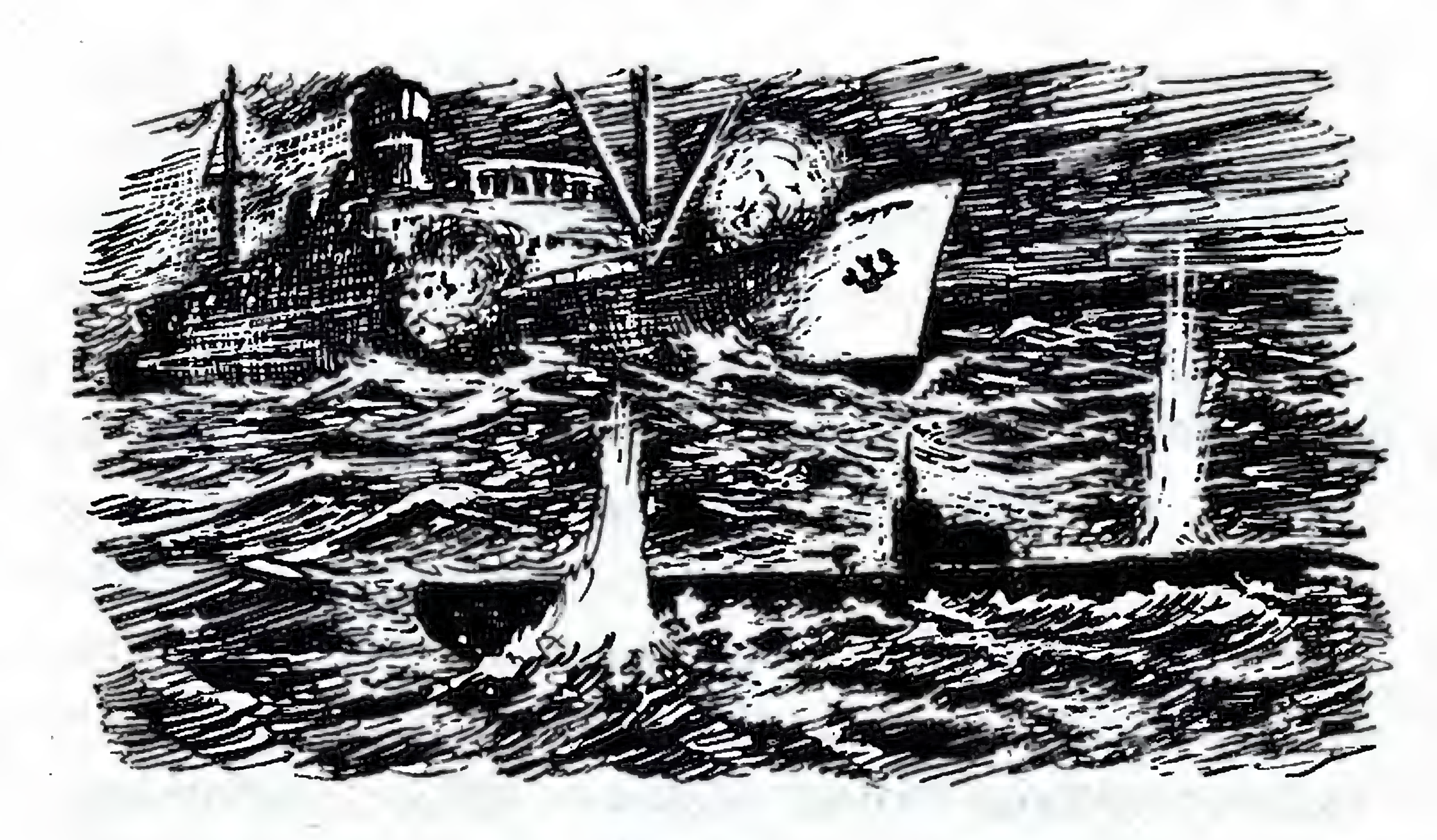
Во время Первой мировой войны немецкие подводные лодки наносили огромный ущерб британскому флоту. Постепенно с ними научи-

лись бороться: изобрели глубинные бомбы, акустические приборы, строили специальные быстроходные противолодочные корабли. Но все это не давало полного эффекта.

Предложений о том, как расправиться с немецкими подводными лодками, было много, причем попадались и самые курьезные. Один американский зоолог предлагал дрессировать морских львов, чтобы они сначала сопровождали английские подводные лодки, а затем могли бы следовать за германскими, тем самым выдавая их присутствие. Другой ученый предлагал с той же целью дрессировать морских чаек.

Но внимание привлекло предложение сотрудника военно-морской разведки, который вспомнил про «обманные» суда, только предложил сделать наоборот: пускать в море беззащитные на вид пароходы. На самом же деле их подготовили очень хорошо: трюмы были набиты пробкой и деревом, чтобы в случае получения пробоины судно могло дольше держаться на воде. Мостик, палуба и палубные надстройки были защищены тщательно замаскированными броневыми плитами. Так же хорошо были замаскированы скорострельные орудия.

Замысел исходил из того, что торпед в Германии становилось все меньше, и командиров немецких субмарин обязали беречь их. Выпустив одну торпеду, подводная лодка всплывала на поверхность и добивала жертву из орудия. Этого момента и дожидались артиллеристы «приманного» судна. Чтобы надежнее выманить

немецкую подводную лодку, придумали такой трюк: часть команды изображала из себя «паникеров». Как только торпеда попадала в пароход, они спускали шлюпки, бросались в море, карабкались в них, «дрались» за места и т. д. Когда же подлодка выходила на поверхность и подходила ближе, «приманное» судно сбрасывало маскировку — артиллеристы становились к орудиям и с субмариной было покончено.

Конечно, служба на таком судне была не только опасной, но и требовала большого мастерства, выдержки и самообладания. Заходя в порт, «матросы» списывались на берег, гуляли во всю, бродили по барам и увеселительным заведениям, ввязывались в драки. Запрещено им было лишь одно: раскрывать тайну своего судна. На борту же поддерживалась строжайшая дисциплина, правда, боцманы всегда с сожалением и раздражением смотрели на беспорядок на палубе и неряшливый внешний вид своих матросов. Но маскировка есть маскировка.

Когда одно «приманное» судно, К-5, было поражено торпедой, матросы машинного отделения оставались на местах, пока их почти не залило водой, а получившие ранения и ожоги лежали, не двигаясь, чтобы немцы не заметили их. Так же лежала затаившись и прислуга орудийных расчетов, пока подлодка не подошла поближе. Наконец, прозвучала команда: «Огонь!» — и первый же снаряд снес голову капитану подлодки. Почти каждый из сорока пяти снарядов попал в цель. Лодка затонула, экипаж взяли в плен.

Таких случаев было немало. «Приманные» суда оказались не просто экзотической выдумкой. Они принесли реальную пользу: из общего числа потопленных подводных лодок противника на их долю досталось целых семь процентов. Кроме того, было повреждено не менее шестидесяти подводных лодок.

Не меньшее значение имел и подрыв морального духа немецких подводников: они стали видеть «приманное» судно в каждом «купце», и их стал охватывать страх — чувство, очень опасное для подводника.

ФАЛЬШИВЫЕ ГАЗЕТЫ

Человек привык верить печатному слову. Поэтому разведки издавна используют прессу в своих целях. Перед нападением на Советский Союз германские спецслужбы умышленно

допускали **«утечки» информации** о предстоящем нападении, распространяя их в газетах нейтральных и оккупированных стран. Там назывались самые разные даты предстоящего вторжения, которые всегда оказывались ложными, так что советское руководство перестало обращать на них внимание.

Газеты часто используются для распространения выгодных разведке слухов. Для этого в аппарате разведок существуют специальные службы. Они занимаются подготовкой и «проталкиванием» в прессу этих слухов, иногда подготовленных настолько добротно, что им верят не только обыватели, но и руководители государств. Был даже случай, когда немецкий резидент в Англии принял за чистую монету немецкую же фальшивку, помещенную в английской газете, и сообщил о ней, как о свершившемся факте, чем ввел в заблуждение свое руководство.

Но иногда фальсифицируются не отдельные статьи, а целые газеты. Иной раз они издаются в одном экземпляре. Для обмана одного человека, австрийского генерала Мака, была, например, «издана» газета французским разведчиком Шульмайстером. Цель — убедить генерала в развале французской армии и беспорядках в тылу и вынудить его к неверным шагам.

Для обмана советской контрразведки немецкая разведка во время войны изготовила в одном экземпляре номер газеты «Правда».

Там все соответствовало настоящему номеру за ту же дату, за исключением одного: в текст указа о присвоении звания Героя Советского Союза воинам, отличившимся в боях, была впечатана фамилия «Шилов». А Шилов был немецким агентом, заброшенным в советский тыл с целью покушения на Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина. Террорист располагал всеми орудиями убийства, на груди у него красовалась Золотая Звезда Героя Советского Союза, а для подкрепления легенды он имел при себе газету с текстом указа. Попытка покушения провалилась, террорист был арестован и понес заслуженное наказание.

Но самой крупной и успешной операцией с использованием фальшивых газет стала, пожалуй, операция австрийской и немецкой разведок в октябре 1917 года. Вот в чем она заключалась.

Немецкая армия совместно с австрийской готовилась к наступлению против итальянцев. Слухи о предстоящем наступлении ходили давно, сами немцы распространяли их с целью вызвать смятение в рядах противника и среди мирного населения.

Агенты австрийской разведки за много недель до начала наступления собрали точную информацию о положении в Северной Италии.

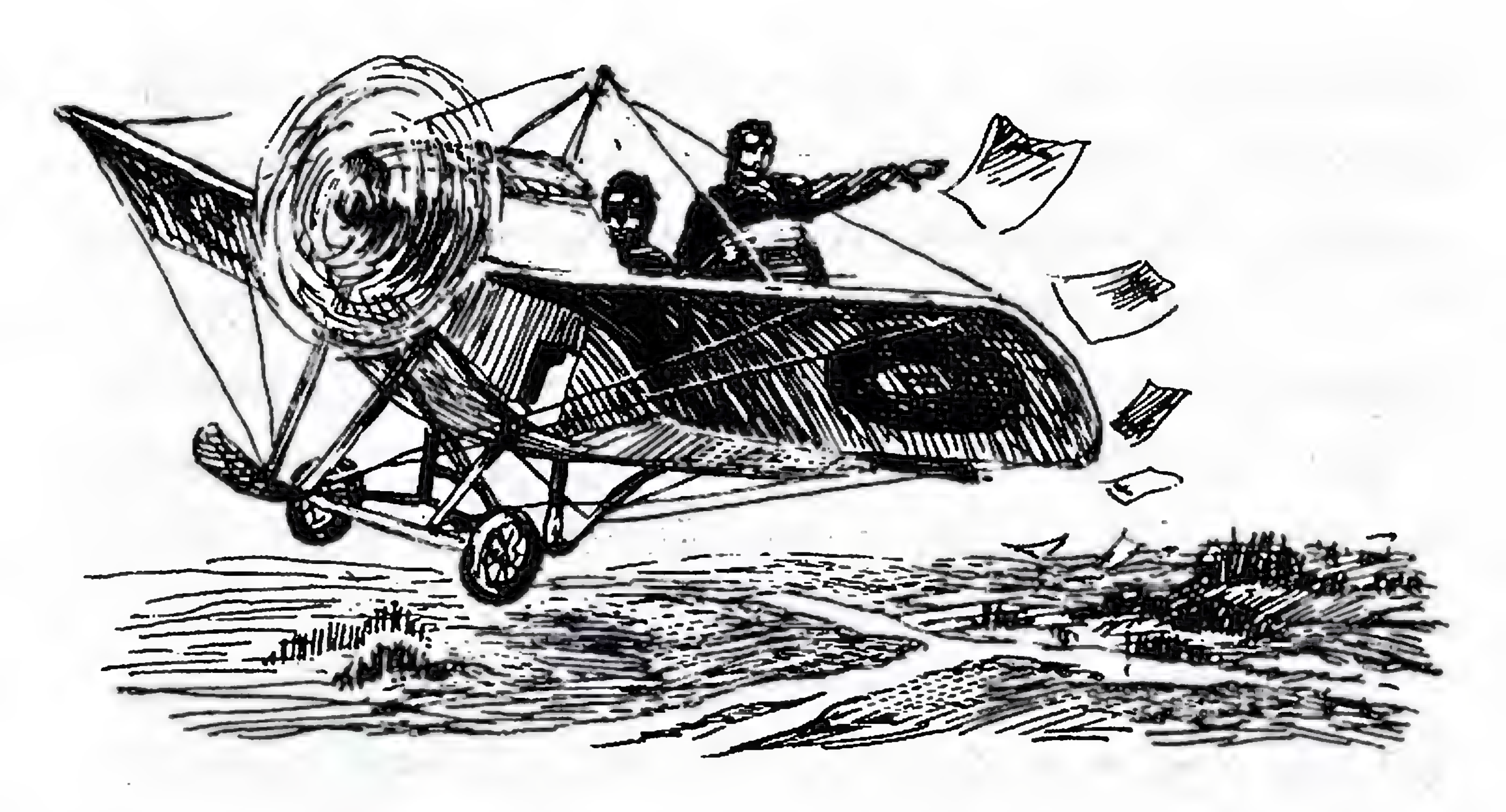
Как раз в эти недели в ряде итальянских городов, например в Турине, происходили беспорядки. Они подавлялись силой оружия, среди бастующих и митингующих были убитые.

Итальянская печать подвергалась строгой **цензуре**, и сведения о беспорядках и жертвах не публиковались. Австрийские же агенты собирали все сведения об убитых, их фамилии и адреса, все подробности событий, детали, которые могли быть убедительными для итальянских солдат, жителей Турина и соседних округов провинции Пьемонт.

После сбора нужных данных началась умелая фабрикация нескольких известнейших итальянских газет. Их печатали в Австрии, они точно копировали подлинники, но на первой странице под крупными заголовками помещались сообщения о недавних кровопролитных столкновениях в Турине. Были напечатаны списки убитых и раненых, а также резкие редакционные статьи, которые создавали впечатление о полной анархии в итальянском тылу.

Жители Пьемонта считались лучшими солдатами итальянской армии, и командование делало ставку на то, что они отстоят свои позиции и не пропустят немцев. Но вот австрийские самолеты начали пачками сбрасывать на итальянские позиции свежие выпуски «итальянских» газет с сообщениями, способными подорвать моральный дух солдат.

Эффект этой акции превзошел все ожидания. К 23–24 октября возмущение в частях достигло апогея. На следующий день после газовой бомбежки и часовой артподготовки германская армия перешла в наступление. За несколько дней итальянцы потеряли около

шестисот тысяч солдат, из которых почти половина сдалась в плен.

Разгром итальянской армии под Капоретто вошел в историю войн. Немалая заслуга в этой победе немцев принадлежит тем, кто осуществил акцию с фальшивыми газетами.

КАК САВИНКОВА ЗАМАНИЛИ В ЛОВУШКУ

После гражданской войны за границей оказалось множество разного рода людей. Были среди них генералы и офицеры, ожесточенно сражавшиеся против Советской власти в рядах Белой Армии. Были великие князья и знатные аристократы, купцы, государственные чиновники, писатели, артисты, просто перепуганные обыватели. Были и политические деятели самого разного толка.

Видное место среди последних занимал **Борис Викторович Савинков.** До Октябрьской

революции 1917 года он — один из руководителей боевой организации эсеров-террористов — очень гордился своим личным участием в убийствах министра внутренних дел В. К. Плеве и московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Был приговорен к смертной казни. Бежал за границу. После Февральской революции 1917 года стал министром правительства Керенского. После Октября 1917 года участвовал в нескольких заговорах против Советской власти, поднял вооруженные мятежи в Ярославле, Рыбинске, Муроме, затем он — в рядах Белой Армии.

В начале 1921 года, находясь в Польше, он создал новую военную организацию «Народный союз защиты родины и свободы» (НСЗРиС). Военными формированиями союза руководит полковник Павловский. После ноты протеста Советского правительства Савинков перебрался в Париж, но польские власти и разведка продолжали тайно поддерживать его организацию.

Во время рейдов на территорию России савинковцы жестоко расправлялись с представителями власти на местах, грабили население. Агенты Савинкова, засланные в Россию, (пятьдесят из них были арестованы), готовили мятежи и иностранное вторжение, были связаны с французской и польской разведслужбами.

Для связи со своими (уже провалившимися, о чем он, естественно, не знал) агентами Савинков направил одного из своих особо доверенных сотрудников Леонида Шешеню. В

Польше его провожал капитан Секунда из польской разведки. При переходе границы Шешеня был арестован. Под тяжестью представленных улик он признался, что шел на связь с резидентами Герасимовым (в Смоленске) и Зекуновым (в Москве). Штабс-капитана Герасимова арестовали, а его подполье — свыше трехсот человек в разных городах России — было разгромлено. По делам его участников состоялось несколько судебных процессов. Зекунов тоже был арестован.

Шешеня и Зекунов дали обязательство сотрудничать с чекистами. По заданию Дзержинского было решено использовать это обстоятельство для завязывания «оперативной игры». Ее возглавлял опытный разведчик А. Х. Артузов. Суть «игры», которую назвали «Синдикат II», заключалась в следующем: легендировали существование на территории России контрреволюционной организации Либеральных демократов (ЛД). Эта организация якобы готовится к решительным действиям по свержению большевиков, но нуждается в опытном политическом руководителе, каковым считает Б. Савинкова.

Зекунов был направлен в Польшу с письмом Шешени, извещавшем о его благополучном прибытии и устройстве в Москве. Он вручил письмо капитану Секунде для пересылки Савинкову. Заодно рассказал, что Шешеня встретил в Москве бывшего сослуживца по царской армии Новицкого. Тот занимает хорошую

должность в Красной Армии и в то же время является одним из руководителей ЛД. Новицкий, узнав от Шешени о целях его приезда, передал ему «подлинные» приказы генерального штаба Красной Армии, которые Зекунов тоже привез с собой. Эти документы получили высокую оценку польской и французской разведок. Если бы они знали, что эти «приказы» специально составлены, чтобы обмануть их!

Савинкову доложили, что в России действует целая организация его единомышленников — ЛД. Но он и сам был хорошим конспиратором, и не так-то просто было обвести его вокруг пальца.

Летом 1923 года для проверки информации, поступавшей от ЛД, он направил в Москву своего первого помощника Павловского. При посещении Шешени тот был арестован. У Савинкова могли возникнуть подозрения по поводу задержки Павловского в Москве. Чтобы этого не случилось, в Польшу «нелегально» выехал разведчик **Г. Сыроежкин**, якобы член ЛД. Он вез письмо Шешени о его работе, а также подготовленные в Москве «разведданные» для поль-

Григорий Сыроежкин

ской разведки. Позже он совершит еще одну поездку. О них вы подробнее прочтете в очерках, посвященных Сыроежкину.

Чтобы окончательно успокоить Савинкова, в Париж отправился Шешеня. Он вез письмо Павловского о том, что ЛД работает успешно, и о том, что создан Центр, который избрал Савинкова своим руководителем.

Савинкову очень хотелось поехать в Россию, но все же его терзали сомнения. Он ответил, что готов приехать, но при одном условии: если за ним приедет сам Павловский. Вся намеченная конструкция могла лопнуть. Тогда Артузов придумал новый ход. Савинкова известили, что Павловский пытался провести экспроприацию на юге России, во время которой был тяжело ранен, но сумел вырваться от чекистов и сейчас укрывается у знакомого хирурга в Москве. Савинкову привезли три письма от Павловского. Он звал Бориса Викторовича в Россию и выражал надежду на свое скорое выздоровление.

Савинков долго раздумывал, взвешивал все за и против. Его тянуло туда, где, как он считал, действует мощная организация, которую он должен возглавить, иначе она обойдется и без него, и тогда, в «новой России», он окажется не у дел.

Наконец он решился. Для консультации пригласил из Нью-Йорка знаменитого разведчика Сиднея Рейли. Тот помог ему спланировать поездку. Обсудили все ее детали, а также формы организации подрывной работы в России.

В начале августа 1924 года Савинков и несколько его ближайших сподвижников выехали из Парижа. При переходе польско-советской границы через заранее подготовленное «окно» все они были арестованы.

На начавшемся 17 августа 1924 года суде Савинков сделал сенсационное заявление: «Я безусловно признаю Советскую власть и никакую другую... Каждому русскому я говорю — если ты русский, если любишь свой народ, ты низко поклонишься рабоче-крестьянской власти и признаешь ее безоговорочно».

Несмотря на это, Савинков был приговорен к смертной казни. Но, принимая во внимание его раскаяние, она была заменена лишением свободы на десять лет.

Из тюрьмы Савинков направил своим единомышленникам, а также Сиднею Рейли письма, в которых призывал их сложить оружие и прекратить войну против собственного народа.

В тюрьме, где отбывал наказание Савинков, для него был создан благоприятный режим. Он пользовался библиотекой, его возили на прогулки в Сокольники, он проводил время со своей возлюбленной. Но все чаще впадал в депрессивное состояние, кстати, характерное и для его отца, и для старшего брата.

Как-то раз он написал письмо Дзержинскому с просьбой освободить его и дать соответствующий его опыту и знаниям пост. Просьба была отклонена. Ему об этом объявили в мае 1925 года в кабинете следователя на Лубянке.

Узнав об отказе, Савинков выбросился из открытого окна с пятого этажа и разбился насмерть.

ОПЕРАЦИЯ «ТРЕСТ»

Одновременно с операциями по поимке Савинкова советская разведка и контрразведка проводили и другие, направленные против белогвардейских организаций. В Берлине действовал ВМС — Высший монархический совет, в Париже РОВС — Российский общевоинский союз. Они ставили своей целью свержение советской власти и восстановление монархизма в России.

В конце 1921 — начале 1922 года в ВЧК стали поступать сведения о наличии в России нескольких монархических групп, которые стремились установить прямой контакт с центрами белой эмиграции и, опираясь на их помощь, готовить вооруженное восстание. Сами эти группы не были опасными, но их объединение под руководством ВМС могло представить серьезную угрозу.

Руководство ВЧК решило перехватить инициативу, создать легендированную Монархическую организацию центральной России (МОЦР) и сделать так, чтобы она превратилась в своего рода «окошко», через которое ВЧК могла бы иметь точное представление о планах и замыслах противника и управлять событиями.

Дзержинский сумел привлечь на свою сторону одного из активных монархистов Якушева, который по его заданию практически возглавил МОЦР, отвечая за все ее зарубежные контакты.

Опперпут

Заместителем Якушева по финансовым делам стал агент ВЧК, бывший царский офицер Опперпут (под фамилией Стауниц), человек авантюрного склада, с неустойчивым характером. «Военную» часть МОЦР впоследствии возглавил бывший царский генерал Потапов, также активно помогавший ВЧК.

Организации присвоили вполне невинное, особенно в разгар нэпа, наименование «Трест». Перед «Трестом» была поставлена задача: подчинить себе монархическое общественное мнение за рубежом; внедрить ему мысль о вреде террора и диверсий; убедить, что главное — внутренняя контрреволюция, то есть «Трест», а эмиграция — только подпора; «подсовывать» эмиграции материалы для споров и раздоров; выявлять забрасываемых в Россию шпионов и террористов, а также перехватывать каналы связи с иностранными разведчиками.

Оперативная игра под названием «Трест» началась. Ею руководил надежный помощник Дзержинского Артузов.

14 ноября 1922 года Якушев по заданию Дзержинского и Артузова выехал в командировку в Берлин. Там он встретился с руководителями ВМС. Они обсудили практические вопросы сотрудничества МОЦР и ВМС, связи, программы и тактики деятельности МОЦР в России. Переписку решили вести, используя дипломатическую почту эстонской миссии в Москве.

Якушев

Позже был решен еще один вопрос. МОЦР стала заниматься не только монархической, но и шпионской работой. Эстонской, а затем польской и финской разведкам стали передавать под видом «ценной информации» дезинформационный материал, специально подготовленный в Генштабе Красной Армии. Этим материалом эстонцы, поляки и финны делились с англичанами и французами. И так как не всегда они указывали свои источники, то получалось, что информация очень убедительная — ведь она поступала от трех независимых разведок, что подтверждало ее достоверность.

Эта дезинформация сыграла свою роль: в ней сила Красной Армии намного завышалась. А это заставило западные державы отказаться от новых планов интервенции и искать пути мирных торговых отношений с Советской Россией.

«Трест» решил и еще одну задачу. Он рассорил ВМС и РОВС. Да и в самом РОВСе он привел к смене власти. Вместо генерала Врангеля к руководству РОВС пришел генерал **Кутепов**. Врангель, который до этого был знаменем белого движения, во многом утратил свой авторитет. Это было важно, так как Врангель, можно сказать, был вождем всех белых, а Кутепов — только монархически настроенной эмиграции, прежде всего из офицерской среды. Правда, оказалось, что он еще «круче» Врангеля.

Кутепов

Чтобы проверить работу МОЦР, Кутепов направил в Москву своих особо преданных представителей — племянницу Марию Захарченко-Шульц и ее мужа Радкевича (они получили кличку «племянники»). Это осложнило ведение игры «Трест», так как племянники, а особенно Мария, оказались дотошными кон-

тролерами. Прежде всего их интересовало, откуда МОЦР получает военную информацию. Пришлось в «руководство» МОЦР включить настоящено бывшего генерал-лейтенанта царской армии Потапова. Ранее он был руководителем военной разведки России, теперь работал в Генштабе Красной Армии.

Возглавив военную часть МОЦР, генерал Потапов несколько раз выезжал за рубеж, встречался с Кутеповым, убрав все сомнения, которые у того существовали. Якушев тоже встречался с эмигрантским руководством, в том числе с Кутеповым и великим князем Николаем Николаевичем.

Жизнь обоих разведчиков не раз висела на волоске, но их высокие волевые качества, природный ум, опыт разведывательной работы Потапова не раз выручали из беды.

Все задачи, поставленные перед МОЦР, успешно выполнялись. Теперь Артузов знал о всей засылаемой из-за рубежа агентуре. На советско-финской границе было открыто **«окно»**, через которое перебрасывали агентуру и почту. Хозяином «окна» был начальник заставы Тойво Вяхя, игравший роль человека, «завербованного» МОЦР.

Из разных источников поступили сообщения о том, что находящийся в США английский разведчик Сидней Рейли проявляет интерес к положению в России. Была проведена операция по его «заманиванию» и захвату (об этом подробнее в следующем очерке).

Несмотря на все принятые меры, провал Рейли вызвал сомнения в отношении МОЦР у разведчиков некоторых стран. Чтобы рассеять их, было решено дать возможность беспрепятственно «тайно» въехать и выехать из СССР В. Шульгину. Он был крупным государственным деятелем царской России, монархистом, уважаемым лицом в кругах белой эмиграции. Цель поездки была сугубо личной: поиски пропавшего в войну сына. Но сам факт его поездки «под защитой» МОЦР имел большое значение для авторитета этой организации.

Поездка, полностью контролируемая чекистами, прошла, конечно, успешно. Более того, вернувшись в Париж, Шульгин написал о своих впечатлениях книгу «Три столицы». Чтобы не повредить МОЦР, он присылал свои рукописи на просмотр и согласование «руководителям» организации. Так и получилось, что первыми читателями книги стали Дзержинский, Менжинский и Артузов, которые внесли в нее нужные поправки. Однако этого было недостаточно. Монархические эмигрантские организации настойчиво требовали от МОЦР проведения террористических акций. В самом МОЦР особенно усердствовала Захарченко, требуя не медлить. Ее поддерживал Кутепов.

Подвернулся случай хотя бы на время избавиться от Захарченко — ее отправили в командировку в Париж. Но там Кутепов, Захарченко и сторонник террора монархист Гучков разработали новый план: провести массовое

отравление газом делегатов съезда Советов в Большом театре, подготовить группу из двухсот боевых офицеров, тайно перебросить в Москву и сразу после теракта с их помощью захватить Кремль.

Якушев и Потапов, естественно, категорически выступили против теракта, чем вызвали новые подозрения. Теперь Захарченко стала готовить теракт на пару с Опперпутом. Чтобы предотвратить его, Якушев выехал в Париж для свидания с Кутеповым. Он обвинил Захарченко в интриганстве и убедил Кутепова отказаться от теракта, но временно. Настроения монархистов оставались прежними. Нежелание МОЦР заниматься подрывной деятельностью вызывало у них все большие подозрения.

На встрече с Потаповым Кутепов категорически настаивал на проведении подрывных действий и совершении терактов. Он предложил направить в СССР группу террористов (двадцать — тридцать человек). Вернувшись в СССР, Захарченко и Опперпут начали готовить террористические акты.

Стало ясно, что операцию «Трест» пора завершать. Это решение совпало с бегством Радкевича, Опперпута и Захарченко, которые заподозрили слежку, за границу. Уезжая, Опперпут оставил записку, в которой потребовал сто двадцать пять тысяч рублей на неразглашение всего, что ему известно об операции «Трест». Денег он не получил и опубликовал в Финляндии статью о «Тресте».

Однако теперь ему и его друзьям уже не верили за рубежом. Чтобы доказать свою «честность», Опперпут, Захарченко и еще один боевик Петерс вновь пробрались в СССР для совершения террористических актов. Осуществить это им не удалось. При задержании они застрелились.

Так фактически завершилась операция «Трест».

Но Кутепов не оставил своих планов заброски в СССР новых террористических групп и в 1927–1928 годах продолжил их подготовку.

ЗАХВАТ СИДНЕЯ РЕЙЛИ

Он известен во всем мире как профессиональный шпион и авантюрист. Его настоящее имя **Зигмунд Георгиевич Розенблюм.** Родился на юге России, под Одессой, в 1874 году. Авантюризм и жажда приключений еще в юношеские годы забросили его в Южную Америку. Там он познакомился с майором английской секретной службы Форчегилом. Тот завербовал его для работы на английскую разведку.

Сидней Рейли

Но этого Сиднею мало. Он становится платным агентом сразу нескольких разведок. Во время русско-японской войны он направился на Дальний Восток. Там сотрудничал с японской разведкой. Вернувшись в Россию, предложил свое сотрудничество царской разведке, одновременно работая на англичан.

С 1906 года Сидней жил в Петербурге, шпионя на всех и против всех, лишь бы платили деньги, которые он тратил на коллекционирование картин и оплату шикарной квартиры.

В 1912 (или 1913) году по заданию английской разведки он устраивается сварщиком на военный завод Круппа в Германии. Там, убив двух охранников, крадет секретные документы. После этого поступает работать на судоверфь в Гамбурге, где крадет секреты подводных лодок, которые продает одновременно русским и англичанам. Вскоре он начинает сотрудничать и с американцами.

В апреле 1918 года Рейли появляется в Советской России. Теперь он совместно с английским послом Локкартом готовит заговор против Советской власти. Заговор раскрыт. Рейли заочно приговорен к смертной казни. Но это его не останавливает. Совместно с Савинковым он готовит военный переворот. После провала бежит за границу. В 1922 году на его счету подготовка покушения на народного комиссара иностранных дел Г. В. Чичерина.

Находясь за границей, Рейли принимает все меры для свержения Советской власти. Отчасти

он делал это из собственных побуждений, отчасти по заданию английской разведки.

Еще в конце 1921 года Рейли организует встречу Савинкова с Черчиллем. Савинков так радужно обрисовал перспективы борьбы его «Народного союза защиты родины и свободы», что Черчилль пригласил его на встречу с премьер-министром Англии Ллойд-Джорджем. Но тот разочаровал Савинкова, говоря больше о торговле, нежели о терроре.

Рейли не оставил, однако, свою надежду на Савинкова. Он подробно инструктировал его перед поездкой последнего в СССР в 1924 году. Однако инструктаж не помог: Савинков был захвачен и осужден.

На встрече с нашим разведчиком, действовавшим под чужим именем, Рейли еще раньше сказал, что он сам был бы непротив «проехаться» в СССР. Информация о его намерениях поступила и из других источников.

Собственно говоря, Рейли не казался особенно опасным противником. Но после провала Савинкова стало известно, что Рейли совместно с белогвардейцами замыслил совершение террористических актов в СССР. Он связался с деятелями легендированной организации МОЦР и высказал мнение о совместных терактах. Дзержинский и Артузов приняли решение вывести Рейли на территорию СССР и арестовать его.

Для того чтобы побудить Рейли приехать в СССР, решили «втемную» использовать Марию Захарченко-Шульц, представительницу

генерала Кутепова в МОЦР. Эту идею, сам того не ведая, поддержал и резидент английской разведки в прибалтийских странах Бойс. Он послал Рейли в США зашифрованное письмо, в котором информировал его о том, что МОЦР — это мощная монархическая организация, в работе которой заинтересованы английская и французская разведки.

Рейли согласился и отправился в Финляндию. По пути, в Париже, встретился с генералом Кутеповым, который поддержал идею поездки Рейли в СССР.

В двадцатых числах сентября Рейли прибыл в Хельсинки. 24 сентября с ним встретился один из «руководителей» МОЦР Якушев. Рейли изложил свои взгляды на политическое положение в Европе, Америке и России. Он предложил два пути финансирования МОЦР: покупка и кража художественных произведений и сотрудничество с английской разведкой на основе снабжения ее информацией о деятельности и планах Коминтерна. Якушев, объяснив, что он не может единолично принимать решение, пригласил Рейли в Москву на заседание «политического совета» МОЦР.

Рейли колебался. Но тут, как говорится, подсуетилась Захарченко-Шульц. Она стала стыдить Рейли: «Я, слабая маленькая женщина, не боюсь переходить границу, а вы, джентльмен, боитесь!» Рейли решился.

25 сентября 1925 года Рейли перешел финскую границу через **«окно»** Сестрорецка. Его

встретил «хозяин окна» Тойво Вяхя, начальник заставы, который, как полагали, является агентом МОЦР. Вяхя на двуколке доставил его на станцию Парголово. Там Рейли сел в поезд, идущий в Ленинград. В вагоне его ожидали Якушев и чекист, выступавший под фамилией Щукин.

День 26 сентября Рейли провел в Ленинграде, на квартире Щукина, а вечером в международном вагоне с паспортом на имя Штейнберга в сопровождении Якушева выехал в Москву.

27 сентября на даче в Малаховке на заседании «политического совета» МОЦР (все члены были чекистами) Рейли изложил свои предложения, о которых говорил Якушеву в Ленинграде. С заседания «совета» его повезли на «конспиративную квартиру» в Москве. По дороге он бросил в почтовый ящик две открытки: одну в США, другую в г. Бланкенбург в Германии.

После этого Рейли прямиком доставили в здание ОГПУ на Лубянке. Там ему объявили, что согласно приговору, вынесенному ему в 1918 году, он подлежит расстрелу. Но расстреливать не спешили. Его допрашивали, и он выложил все, что знал о деятельности английской разведки. Условия его содержания были привилегированными: его водили на прогулки в Сокольники, он в сопровождении чекиста-разведчика Сыроежкина даже посещал ресторан.

Рейли вел дневник, из которого видно, что он не отнесся серьезно к заявлению чекистов о приведении приговора в исполнение. Он рассчитывал, что его обменяют. Однако этого не произошло. 3 ноября 1925 года Рейли был расстрелян.

Ночью 28 сентября на границе были инсценированы перестрелка, крики, шум, «убийство» трех человек и арест Тойво Вяхя. Все это было сделано для того, чтобы финская разведка посчитала, что Рейли и сопровождавшие его люди случайно наткнулись на пограничников и в завязавшейся перестрелке убиты. В ленинградской «Красной газете» было опубликовано сообщение на этот счет.

Был распространен слух, что Тойво Вяхя как предатель и изменник расстрелян. В действительности же он был награжден орденом Красного Знамени и под чужим именем переведен в другой пограничный округ на должность начальника заставы. В почете и уважении он прожил почти до наших дней.

МАЛЬЧИК ИЗ ЦИРКА

Активным участником операций «Синдикат-2» и «Трест» был **Григорий Сыроежкин.** Он родился в крестьянской семье, но, когда ему исполнилось два года, семья переехала в Тифлис, где отец стал работать каптенармусом в военном училище. Маленький Гриша с детства решил стать военным. Он любил смотреть на строевые занятия; с восторгом карабкался на оседланную лошадь, подсаживаемый кавалеристами; проводил долгие часы в местной оружейной мастерской.

Когда мальчику пошел четырнадцатый год, его захватило другое увлечение — цирк. Обладавший недюжинным здоровьем, крепкий и ловкий Григорий стал учеником знаменитых борцов, двух Иванов — Поддубного и Заикина, гастролировавших в Грузии. В те годы цирковая борьба была одним из любимых народных зрелищ. Сыроежкину не было и

шестнадцати, когда он начал выходить на манеж. Вначале он работал в качестве «подсадки» — сидел среди зрителей, а когда выступавший борец предлагал любому желающему померяться с ним силами, Гриша выходил на манеж и... к восторгу публики оказывался победителем. Затем он, уже одетый в борцовское трико, сам стал приглашать зрителей побороться с ним и всегда побеждал. В цирке он постиг искусство фокусника, джигитовку и другие премудрости, весьма пригодившиеся ему в жизни. Но после того как однажды противник сломал ему правую руку и она стала короче, с мечтой о цирке пришлось расстаться.

Вскоре началась гражданская война, и восемнадцатилетний Григорий записался в Красную Армию. Однажды его с товарищем послали за продуктами, забыв правильно оформить документы. Патрули схватили их и доставили в военный трибунал. Задержанным грозило самое строгое наказание как мародерам. Но к счастью, дело разрешилось, а Григорию к тому же повезло: как грамотного его взяли писарем военного трибунала. Дотошный и любознательный, Григорий получил в трибунале основы юридических знаний. Но там же, в трибунале, он познакомился с неким Стржелковским, пьяницей и кокаинистом, злым и безжалостным человеком, который впоследствии сыграл зловещую роль в его судьбе.

Из трибунала Григорий попал на следовательскую, а затем и на оперативную чекистскую

работу. Его направили в служебную командировку на подавление антоновского мятежа в Тамбовской области. Там, командуя чекистским отрядом, Сыроежкин провел совместную успешную операцию с эскадроном, которым командовал будущий маршал Георгий Жуков.

После этого Григорий оказался в подразделении, которым руководил Артузов, и принял участие в операциях «Синдикат-2» и «Трест».

В ходе операции «Синдикат-2» надо было убедить польскую разведку и Савинкова в том, что подпольная контрреволюционная организация ЛД (Либеральные демократы) действительно существует и активно работает. Для этого в Польшу направили Григория Сыроежкина (под фамилией Серебряков), которому вручили специально подготовленные в Москве фальшивые разведывательные данные и докладную записку для Савинкова.

Сыроежкин-Серебряков благополучно пересек советско-польскую границу и передал документы капитану польской разведки Секунде. Но когда Григорий прогуливался по оживленной улице, к нему вдруг подбежал человек.

— Гриша, друг! — закричал он и бросился обнимать Сыроежкина.

Это был Стржелковский. Григорий с трудом узнал его: тот постарел, обрюзг, выглядел, как бы теперь сказали, настоящим бомжом. Но для Сыроежкина эта встреча была не только неприятной, она могла означать провал: ведь Стржелковский знал, что Григорий работал в

военном трибунале Красной Армии.

Мозг Григория лихорадочно работал. «Что делать? Оттолкнуть, сделать вид, что незнаком? Бежать? Но это значит провалить операцию, так тщательно подготовленную». Пришлось пойти со Стржелковским в дешевый бар, угостить, выслушать, как он убежал в Польшу и самому рассказать наспех придуманную историю о том, как он разочаровался в Советской власти и бежал из Красной Армии «куда глаза глядят». Стржелковский вроде бы поверил ему.

Но на другой день Григория арестовали.

СУРОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Сыроежкин ждал этого и всю ночь обдумывал, как будет себя вести.

Едва полицейский успел задать ему вопрос, как Григорий стал кричать, что Стржелковский (а тот сидел рядом) пьяница и кокаинист, что они подрались во время службы в Красной Армии, и тот мстит ему. А потом попросил вывести Стржелковского и шепотом сообщил,

что доставил важное донесение для капитана Секунды. Полицейские были рады избавиться и от Сыроежкина, и от Стржелковского, которого знали как бездельника и скандалиста.

Но на этом дело не закончилось. Вернувшись в Москву, Сыроежкин доложил о происшедшем. Несмотря на опасную ситуацию, его снова направили в Польшу с подобным же заданием. Риск был велик: Сыроежкин мог оказаться на подозрении у польской разведки, и это стоило бы ему жизни. Но с другой стороны, это отличная проверка — если все сойдет благополучно, значит, поляки доверяют Сыроежкину, и операция вне опасности.

На этот раз Сыроежкин доставил через границу два пакета. В одном — приглашение Савинкову от ЛД посетить Россию, в другом — фотокопия секретного приказа о проведении маневров вблизи польской границы. Этот «приказ» по просьбе ОГПУ был специально подготовлен в одном экземпляре и, конечно, был фальшивым.

Но в Вильне, куда прибыл Сыроежкин, его ждала неприятная неожиданность. Вместо капитана Секунды его принял майор Майер, цепкий и дотошный. Вначале он принял Сыроежкина холодно, и Григорий подумал, что это означает провал. Он уже нащупал в кармане пистолет, решив дорого продать свою жизнь. Но увидев «приказ», Майер расцвел, считая, что заполучил важный секретный материал. Он хорошо расплатился с Сыроежкиным-Се-

ребряковым, и тот благополучно вернулся домой. Григорий подробно доложил о своем «походе» и был отмечен наградой.

В этот период у него было еще несколько случаев, когда он оставался один на один с врагом.

Выдав себя за сторонника главаря, Сыроежкин сумел проникнуть в банду некоего Иванова, который по заданию польской разведки бесчинствовал на территории Белоруссии. Сыроежкину удалось развалить банду. Самых активных и злых он отправил в Москву, где их уже ждали чекисты, остальных перессорил между собой. Иванову, правда, удалось скрыться в Польшу, но он был пойман несколько лет спустя.

В Якутии он тоже в одиночку проник на базу крупного бандита и заговорщика. Григорий выдал себя за ревизора, пил и гулял с бандитом несколько дней, а потом, попросив проводить до околицы, скрутил его там. Члены банды были арестованы позже.

В Чечне в 1928 году Сыроежкин руководил отрядом, которому удалось, опираясь на помощь местного населения, разоружить несколько бандитских формирований без стрельбы и жертв.

В 1936 году в Испании вспыхнул фашистский мятеж, которым руководил генерал Франко. На его стороне сражались немецкие и итальянские фашисты — летчики, танкисты, советники. Но на помощь испанским республиканцам со всего мира спешили добровольцы. Среди них находились и советские представители, многие из которых стали впоследствии

выдающимися полководцами Великой Отечественной войны.

Среди добровольцев оказался и Григорий Сыроежкин. Он был одним из организаторов партизанской войны в тылу фашистских войск. Ему удалось с небольшой группой бойцов предотвратить бегство с боевых позиций целой анархистской дивизии (анархисты тогда воевали на стороне испанских республиканцев). Были у него и другие славные дела.

Сыроежкина в Испании прозвали Григорий Гранде — Григорий Большой. Он был всеобщим любимцем, умел подбодрить, развеселить бойцов, был богат на выдумку, любил показывать фокусы, которым научился еще в цирке.

Все шло хорошо. Григорий был представлен к высшей награде...

Но в 1938 году случилось непоправимое: его отозвали в Москву и обвинили в том, что он польский шпион — все на основании того же случая с задержанием Сыроежкина в Польше по доносу Стржелковского. Обвинили и в том, что он передал полякам секретные документы.

Никто не верил, что польская контрразведка могла так легко отпустить задержанного русского шпиона. И никто не хотел верить в то, что Григорий передавал фальшивые документы.

Григорий Сыроежкин был оклеветан, и в те страшные годы уже ничто не могло спасти его. Так погиб один из славных советских разведчиков.

«МОНАСТЫРЬ» ВЕДЕТ БОЙ

После 1917 года в нашей стране было закрыто множество монастырей. Но в 1942 году появился один, вступивший в схватку с фашизмом. Однако все по порядку.

Название «Монастырь» этой операции было дано не случайно. Дело в том, что на территории Новодевичьего монастыря в Москве жил некий Борис Садовский. Он происходил из старинного дворянского рода и не очень дружелюбно относился к советской власти. Писал стихи, публиковавшиеся за границей, в том числе и оду в честь непобедимых германских войск. Надо сказать, что сам он, его стихи и его настроения были известны немцам. В тюрьму он не попал потому, что органы разведки решили приобщить его к намеченной операции и сделали своим агентом.

Суть операции заключалась в том, что по примеру операции «Трест» было решено легендировать существование в СССР подпольной монархической организации, ставящей целью свержение советского строя. Садовский идеально подходил на роль главы этой организации.

Итак, организация — ее назвали «Престол» — была создана. Теперь надо было сообщить об этом немцам.

Эту задачу возложили на другого агента органов госбезопасности, «Гейне», Александра Петровича Демьянова. Он тоже принадлежал к старинному дворянскому роду, но, в отличие

от Садовского, был пламенным патриотом советской Родины. Еще до войны он работал по выявлению вражеской агентуры, причем поддерживал связи с сотрудниками немецкого посольства. Те имели на него кое-какие виды и даже дали кличку «Макс».

17 февраля 1942 года Гейне на лыжах перебежал линию фронта и «сдался» немцам. Первый же немецкий офицер-фронтовик, увидев Гейне, презрительно бросил: «предатель родины». Но сотрудники абвера заинтересовались перебежчиком. Они долго и подробно допрашивали его. Он дал показания о мотивах своего поступка, о существовании тайной организации «Престол», заявил о своей готовности служить немцам и ответил на множество проверочных вопросов. Его предупредили: если скажет правду, то сохранит жизнь и до конца войны проведет время в концлагере. В противном случае — расстрел.

Гейне стойко стоял на своем.

Ему устроили две проверки: сначала поместили в комнату, где по стенам висело оружие. Потом имитировали расстрел. Конечно же, проверяли и по архивам, и по картотекам.

Гейне прошел все проверки. «Начался инструктаж, — вспоминал он впоследствии. — Он подействовал на меня, как шпоры на скакуна. Значит, игра началась».

Но допросы продолжались и проверки тоже. Наряду с этим шли и занятия. Изучали тайнопись, шифровальное и радиодело.

15 марта 1942 года Гейне выбросили с парашютом в районе Ярославля. Он явился в райцентр Арефино и сообщил свой псевдоним. Через пару дней прибыл в Москву, а еще через две недели вышел в эфир. По согласованиями с органами госбезопасности и Генеральным штабом он сообщил немцам первую дезинформацию. По иронии судьбы это было первого апреля!

В августе 1942 года Гейне сообщил, что его приемник приходит в негодность, и требуется замена. 24 августа к нему явились два курьера, принесли новую рацию, батареи, блокноты для шифровок и деньги. Курьеры были одеты в советскую военную форму, имели рацию, надлежащие документы. Вечером курьерам дали сильное снотворное. Во время сна их сфотографировали, обыскали, в пистолетах заменили патроны на холостые. Днем «разрешили» им прогуляться по Москве, а вечером арестовали. Один из них, Станкевич, дал согласие работать на нашу разведку, и его рация стала второй в «игре» «Монастырь».

Немцы стремились расширить зону деятельности организации «Престол». Гейне давал адреса в

Горьком, Свердловске, Челябинске, Новосибирске. По этим адресам направлялись курьеры и диверсанты.

За время оперативной игры, продолжавшейся до окончания Великой Отечественной войны, было захвачено более пятидесяти агентов противника, арестовано семь пособников шпионов, получено от немцев несколько миллионов рублей. Особую роль играла работа по дезинформации немцев.

Абвер и руководство германского Генштаба с полным доверием относились к тому, что сообщал Гейне: данным о важнейших решениях Ставки Верховного командования, сведениям о суждениях маршала Б. Шапошникова (в его аппарате якобы работал Гейне) и других военачальников. Более того, немецкое военное командование не принимало своих решений до получения от службы адмирала Канариса (**абвер — военная разведка**) донесений «Макса» (этот довоенный псевдоним немцы оставили Демьянову).

Канарис

Начальник внешнеполитической разведки Вальтер Шелленберг засомневался было в правдивости «Макса» и обратился по этому поводу к на-

чальнику Генштаба генерал-полковнику Гудериану. Но тот ответил: «Было бы безрассудно отказаться от этой линии, поскольку материалы ... являются уникальными. И других возможностей, даже близко стоящих к этому источнику, у нас нет».

Советская разведка получала от своих агентов и других источников сведениия о том, как немцы доверяли Гейне. Иногда его дезинформация возвращалась к нам через нашу агентуру. Даже Черчилль проинформировал Сталина, что в советском Генштабе есть немецкий агент!

Многие радиограммы Гейне касались воинских перевозок по железным дорогам. Наша разведка исходила из того, что у немцев могут быть и другие агенты, через которых можно проверить донесения Гейне. Поэтому воинские эшелоны маскировались, а ложные составы, где под брезентом вместо орудий находились бревна, ящики и другое дерево, шли по маршрутам, указанным Гейне.

Он имел от немцев также задание вести диверсионную работу. Чтобы упрочить положение Гейне и подтвердить диверсионные акты, в прессе иногда появлялись сообщения о «вредительстве» на железнодорожном транспорте.

Для того чтобы дезинформация Гейне получила еще большую убедительность, некоторые важные операции Красной Армии действительно осуществлялись там, где их предсказывал Гейне, но они имели вспомогательное, отвлекающее значение.

Блестяще была проведена дезинформация немцев во время подготовки окружения группировки Паулюса под Сталинградом. Гейне сообщил, что готовятся наступательные операции в районе Ржева и на Северном Кавказе. Более того, маршал Г. К. Жуков, подготовивший сталинградскую операцию, незадолго до начала наступления был переведен из-под Сталинграда подо Ржев. Он сам не знал, в чем дело, и был обижен на И. В. Сталина. Но немцы знали: там, где Жуков — там наступление, и ждали его в районе Ржева. Они смогли отразить наши удары. Зато полной неожиданностью для них стало окружение сталинградской группировки врага.

Подобная дезинформация была передана через Гейне и перед началом битвы на Курской дуге, что во многом способствовало решающему успеху наших войск.

В августе 1944 года планировалось забросить Гейне за линию фронта с целью внедрить его в центральный аппарат немецкой разведки.

Но к этому времени развернулась новая «игра» — «Березино», в которой для Гейне была предусмотрена своя немаловажная роль. С этой «игрой» вы познакомитесь в следующем очерке.

НА БЕРЕГАХ БЕРЕЗИНЫ

Летом 1944 года развернулась крупнейшая наступательная операция «Багратион», названная в честь русского полководца Отечествен-

ной войны 1812 года. В результате Белоруссия была полностью освобождена от фашизма.

Однако отдельные немецкие подразделения, оказавшиеся в окружении, пытались выбраться из него. Большей частью их уничтожали или брали в плен. Этим обстоятельством воспользовалась разведка, начав с противником новую радиоигру, получившую название «Березино». Ее замысел разведчикам подсказал Сталин. Следовало ввести немцев в заблуждение, создав впечатление активных действий их частей в тылу наших войск, а затем обманным путем заставить немецкое командование использовать свои ресурсы на их поддержку.

18 августа 1944 года «Гейне», он же **Александр Демьянов**, он же «Макс», по своей рации сообщил немцам, что в районе реки Березины скрывается немецкая часть численностью свыше двух тысяч человек под командованием подполковника Шерхорна.

В действительности такой части не существовало. Подполковник Генрих Шерхорн был взят в плен в районе Минска и завербован советской контрразведкой. В его группу были включены агенты-немцы, бывшие военнопленные, а также немецкие антифашисты. Руководила Шерхорном и всей его «частью» особая оперативная группа советской разведки. Ей в помощь было придано двадцать автоматчиков. Вот и вся «армия» Шерхорна. К тому же, чтобы уберечь операцию от случайностей, подступы и ее расположение тщательно охранялись

войсковыми патрулями, а недалеко от нее были замаскированы несколько зенитных и пулеметных установок.

Немцы не сразу отреагировали на радиограмму Гейне. Видимо они по каким-то своим учетам и каналам проверяли личность подполковника Шерхорна. Наконец 25 августа дали указание Гейне связаться с Шерхорном, сообщить точные координаты части для выброски груза и присылки радиста.

Гейне к этому времени был (для немцев) прикомандирован к воинской части, расположенной в местечке Березино, недалеко от места, где скрывался Шерхорн. Он «сумел» связаться с подполковником, сообщить немцам его местонахождение. Была подобрана удобная площадка для сброса грузов и посадки самолетов. Об этом Гейне информировал Берлин.

В ночь с 15 на 16 сентября по указанным координатам немцы выбросили трех радистов. Их встретили и доставили к Шерхорну. Они сообщили, что о части Шерхорна было доложено Гитлеру и Герингу, которые велели передать, что для ее спасения будет предпринято все возможное. В часть будет направлен врач и офицер из авиачасти, который должен подбирать площадку для посадки самолетов.

Двух немецких радистов удалось завербовать, и они включились в «игру», подтверждая существование части Шерхорна.

Гитлеровский разведчик Отто Скорцени даже в своих послевоенных мемуарах писал:

«...великолепная новость: отряд Шерхорна существует и его удалось обнаружить! На следующую ночь подполковник Шерхорн сам сказал несколько слов — простых слов, но сколько в них было сдержанного чувства, глубокой благодарности! Вот прекраснейшая из наград за все наши усилия и тревоги!»

27 октября 1944 года на площадку выбросили еще двух парашютистов — врача Ешке и унтер-офицера авиации Вильда. Они передали Шерхорну письмо командующего группой немецких армий «Центр» генерал-полковника Рейнгарда, который, в частности, писал:

«...Я с гордостью слежу за путем движения и всегда буду делать все для оказания помощи Вам. Пусть Вашим паролем будет „Германия превыше всего“.

Хайль Гитлер.

Рейнгард».

Вильд был завербован и сообщил немецкому командованию о благополучном прибытии. Доктор Ешке, несмотря на свою мирную профессию, оказался фашистом-фанатиком. Его заперли в землянке, ночью он выбрался, убил часового и застрелился из его оружия. Гибель часового была единственной потерей с нашей стороны при проведении операции «Березино».

Немцы продолжали выбрасывать грузы с продовольствием, снаряжением, медикаментами. 21 декабря сбросили двух радистов-немцев и четырех белорусов, окончивших немецкую разведшколу. Радисты-немцы также бы-

ли завербованы и использовались в «игре». Немецкое командование предложило Шерхорну разбить свою «часть» на группы, чтобы они самостоятельно шли к линии фронта. Это было «выполнено».

Теперь немецкому командованию приходилось опекать уже не одну, а три «воинских части».

После того как группы двинулись в путь на Запад, они получали значительное количество грузов с немецких самолетов. Продовольствие (шоколад, галеты, глюкоза, которой наша армия вообще на довольствии не имела) проходило лабораторную проверку, потом его давали собакам и лишь после этого употребляли люди. А немцам все время сообщали, что задержки в пути происходят из-за отсутствия продовольствия и боеприпасов.

Иногда сообщалось о диверсиях в тылу Красной Армии, которые якобы совершают части Шерхорна.

В ноябре — декабре 1944 и после января 1945 года немецкое командование регулярно присылало Шерхорну лично, а также солдатам и офицерам его части поздравительные телеграммы, благодарности, пожелания успехов и даже «Железные кресты».

28 марта 1945 года Шерхорн получил радиограмму за подписью начальника германского Генерального штаба. В ней сообщалось о присвоении ему звания полковника и награждении «Рыцарским крестом» I степени.

Фронт стремительно двигался вперед, и часть Шерхорна никак не могла «догнать» его.

1 мая 1945 года немцы сообщили Шерхорну о самоубийстве Гитлера, а 5 мая, уже после падения Берлина, прислали последнюю радиограмму: «Превосходство сил одолело Германию. Готовое к отправке снаряжение воздушным флотом доставлено быть не может. С тяжелым сердцем вынуждены прекратить оказание вам помощи... Что бы ни принесло нам будущее, наши мысли всегда будут с вами, которым в такой тяжкий момент приходится разочаровываться в своих надеждах».

«Игра» закончилась. Каковы ее результаты?

По архивным данным за время «игры» немцы совершили тридцать девять самолетовылетов, выбросили двадцать двух радистов (их всех арестовали), тринадцать радиостанций, двести пятьдесят пять мест груза с вооружением, боеприпасами, обмундированием, медикаментами, продовольствием и один миллион семьсот семьдесят семь тысяч рублей.

В начале 50-х годов Шерхорн и члены его группы были освобождены и выехали в Германию.

Александр Петрович Демьянов, он же «Гейне», он же «Макс», умер в 1978 году.

У ОФИЦЕРОВ НЕ ОКАЗАЛОСЬ СПИЧЕК

Всю зиму 1939–1940 года германский Генеральный штаб под руководством генерала Манштейна разрабатывал план генерального наступления, намеченного на май 1940 года. По этому плану немецкие войска должны были напасть на Бельгию и Голландию и через их территорию вторгнуться во Францию.

Весной 1940 года в германском Генштабе произошло чрезвычайное происшествие. Два офицера генштаба направлялись в Кёльн. Один из них был спецкурьером и имел при себе секретные документы особой важности — «план Манштейна», который должен был вручить командованию армии, расположенной в Кёльне.

Но в дороге им повстречался старый друг — майор люфтваффе (военно-воздушные силы Германии). Они сошли с поезда в городе Мюнстере и стали «отмечать» встречу. Но видимо, немного перестарались и опоздали на следующий поезд, идущий в Кёльн. Тогда майор сказал: «Не волнуйтесь, я за двадцать минут доставлю вас туда на самолете».

Сказано — сделано. Друзья уселись в самолет и полетели. Но то ли майор был слишком навеселе, то ли помешала плохая видимость, во всяком случае посадку он совершил не в Кёльне, а возле города Малина, в Бельгии. (Кстати, этот город знаменит производством колоколов с особым звоном, отсюда наше выражение «малиновый звон».)

Увидев, где они очутились, офицеры первым делом решили сжечь документы, которые были при них. Но... у них не оказалось спичек. Тем временем появились бельгийские полицейские, задержали их и отвели в участок. Там офицеры попытались еще раз уничтожить документы, бросив их в печку. Но бумаги не сгорели, а лишь слегка обуглились. Проворный полицейский успел выхватить их из огня, а бельгийская разведка сумела прочесть их.

Узнав о случившемся, Гитлер пришел в ярость и приказал немедленно расстрелять

офицеров за государственную измену: ведь из-за них его планы стали известны противнику. Но, поразмыслив, проявил удивительную проницательность. Он отменил свой приказ о расстреле и назначил офицерам очень мягкое наказание. А Манштейну приказал ничего не менять в своем плане. Тот удивился, но поступил так, как приказал фюрер.

Гитлер рассчитывал на то, что противники посчитают, что эти планы умышленно подброшены им, тем более, когда узнают о мягком наказании офицеров.

Так и случилось. Командование англичан и французов решило, что эти планы подброшены, чтобы ввести их в заблуждение. При этом в их штабах высмеивали немцев за такую грубую работу.

Однако, когда 10 мая 1940 года немецкие танки рванули через голландскую и бельгийскую границы, командованию союзников пришлось горько раскаяться.

КОГДА В ДЕЛО ВМЕШАЛСЯ СЛУЧАЙ

Главным действующим лицом этой операции стал **Вальтер Шелленберг**, тогда еще сотрудник СД, а впоследствии глава внешнеполитической разведки гитлеровской Германии.

Осенью 1939 года немецким спецслужбам стали известны некоторые английские агенты

в Германии. Сначала хотели арестовать их, а затем решили: в случае ареста англичане заведут себе новых агентов, а эти уже находятся под наблюдением и искать их не надо.

Вальтер Шелленберг

Чтобы еще больше отвлечь силы британской разведки и навести ее на ложный путь, немецкая разведка использовала уловку, примененную в свое время советскими чекистами при проведении операции «Трест».

Было инсценировано существование в Германии оппозиционной группировки генералов, якобы ищущих контактов с Западом.

Германский агент «Ф-479», проживающий в Голландии, организовал встречу английских разведчиков с «представителем генеральской оппозиции». Его роль и была поручена Вальтеру Шелленбергу.

В то время еще совсем молодой Шелленберг никак не походил на генерала. Поэтому себе в помощь он привлек врача-психиатра Криниса, очень солидного и представительного. Но тот тоже выступал в роли не руководителя операции, а лишь его заместителя. Это было необходимо, чтобы не давать англичанам сразу ответы на их вопросы и предложения, а

откладывать их, ссылаясь на необходимость проконсультироваться с «шефом».

Шелленберг на этих встречах играл роль некоего капитана Шэмэла, внешне похожего на него. Для еще большего сходства Шелленберг стал носить монокль, такой же, как носил Шэмэл.

Первые встречи прошли успешно. Говорил большей частью Шелленберг, а Кринис молчал, лишь изредка поддакивал или вставлял замечания. Они разработали систему условных знаков. Если Шелленберг снимал монокль левой рукой, то это значило, что инициатива разговора полностью переходит к нему. Если снимал правой, то в беседу вступал Кринис.

Первые беседы прошли вполне успешно. Англичане верили оппозиционерам и даже снабдили их кодом для выхода на радиостанцию британской секретной службы.

Так как встречи происходили в приграничном голландском городке Арнеме, Шелленберг каждый вечер возвращался ночевать в Дюссельдорф, чтобы доложить начальству о ходе переговоров. Пока все шло хорошо, но в дело вмешался случай.

Однажды ночью Шелленберга разбудил телефонный звонок.

Рейхсфюрер СС Гиммлер взволнованно сообщил, что вечером после выступления Гитлера в мюнхенской пивной на него было произведено покушение. К счастью, адская машина взорвалась после того, как Гитлер покинул

помещение, но несколько его старых друзей убиты. «Фюрер совершенно уверен, — заявил Гиммлер, — что покушение организовано британской разведкой».

Гиммлер добавил, что фюрер приказал прекратить переговоры с англичанами, захватить их силой и доставить в Берлин. То, что при этом произойдет нарушение границы, фюреру безразлично.

Для выполнения задания Гитлера в помощь Шелленбергу был выделен специальный отряд СС. На следующий день Шелленберг со своим спутником направились в селение Венло на очередную встречу. Отряд эсэсовцев находился по другую сторону границы, всего в нескольких десятках метров.

Англичане запоздали на свидание, и Шелленберг начал опасаться, что они совсем не явятся. Но вот показалась их машина. Как только она остановилась, через границу прорвался грузовик с солдатами спецотряда.

Голландский офицер, сопровождавший англичан, открыл стрельбу по эсэсовцам, но пуля их командира сразила его.

Солдаты спецотряда схватили английских разведчиков Беста и Стивенса, затолкали их в свой грузовик, который на полной скорости направился в Германию. Туда же поспешил и Шелленберг.

Гитлер приказал вести дело Беста и Стивенса так, чтобы доказать, что именно они организовали покушение на него. Но разведчиков не казнили, так как Гитлер рассчитывал использовать их в качестве заложников на случай сепаратных переговоров с Западом. После войны они вернулись домой.

Шелленберг и солдаты спецслужбы были награждены высшими военными орденами, и Гитлер с большой помпой вручил их.

Этот инцидент, получивший название «Операция «Венло», Гитлер использовал для того, чтобы обвинить голландское правительство в нарушении нейтралитета и 10 мая 1940 года напасть на Голландию.

ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ «МАЙОРА МАРТИНА»

Весной 1943 года англо-американские войска готовились к важной операции — высадке на острове Сицилия, которую называют «футбольным мячом на носке «итальянского сапо-

га». Ее захват был необходим, чтобы обеспечить проведение всех остальных операций на Средиземном море.

Однако германский Генеральный штаб точно рассчитал этот шаг противника, и немецкие войска готовились к отражению вторжения союзников.

Задача английской разведки заключалась в том, чтобы обмануть немцев, заставить их поверить в то, что высадка произойдет не на Сицилии, а где-то еще. О том, как разведка решила этот вопрос, рассказал организатор и участник этой операции капитан-лейтенант Ивен Монтегю в своей книге «Человек, которого не было». Монтегю вспоминал:

«А что, если достать мертвое тело, — предложил я на совещании, — одеть его в форму штабного офицера и снабдить важными документами, из которых следовало бы, что мы собираемся высадиться не на Сицилии, а в другом месте? Нам не придется сбрасывать тело на землю, так как самолет (в котором якобы летел офицер. — *Авт.*) может быть сбит над морем по пути в Африку. Труп вместе с документами прибьет к берегу либо во Франции, либо в Испании. Лучше — в Испании, там немцам труднее будет произвести детальный осмотр тела, и в то же время из Испании они непременно получат документы или, по крайней мере, копии с них».

Предложение Монтегю было принято, и наступили напряженные часы работы. Простая,

казалось бы, идея породила десятки проблем, которые требовалось решить, чтобы все прошло, как говорится, без сучка и задоринки.

Прежде всего надо было найти подходящий труп. Вроде бы что может быть проще во время войны? Но убитые и раненые для этой цели не годились, должен был быть труп человека, погибшего в море и без признаков насильственной смерти. В английских больницах и моргах перебрали много «кандидатов», но либо не подходила причина смерти, либо родственники отказывались предоставить тело умершего разведке, или они не вызывали доверия, необходимого при проведении такой секретной операции.

Наконец поиски увенчались успехом. Нашли труп человека, умершего от воспаления легких, что при вскрытии напоминало бы смерть в море. Родственники покойного дали свое согласие, когда им сообщили, что его тело послужит делу победы. Но это был только первый шаг.

Как доставить труп к испанскому берегу? Если сбросить с самолета, он разобьется о воду. Военный корабль может быть замечен. Остановились на подводной лодке. Подготовили контейнер около двухсот сантиметров в длину и шестидесяти в диаметре, который будет содержать «начинку» — мертвое тело.

Именно так цинично и назвали всю операцию — «минсмит» (Mincemeat — *англ.*) — «начинка».

Теперь надо было сделать все так, чтобы немецкая разведка поверила в то, что безымянный труп был офицером английской армии.

Прежде всего ему дали имя. Теперь это был майор Уильям Мартин из штаба морских операций. Учитывая, что немцы могут проверить это обстоятельство, его провели приказом как сотрудника штаба. Подготовили удостоверение личности с фотокарточкой, причем настоящей карточки покойного не нашли и пришлось сфотографировать похожего на него офицера. Но еще предстояло снабдить майора личными вещами и наделить человеческим характером.

Майор оказался человеком веселым, любящим хорошо провести время и не умеющим считать деньги. Поэтому ему в карманы вложили использованные театральные билеты, приглашение в ночной клуб и письмо из банка, в котором говорилось, что майор превысил свой кредит. Подложили счет из армейского клуба, где он проживал, приезжая в Лондон.

Кое-какие сведения немцы могли узнать и о личной жизни майора. В его непромокаемое портмоне вложили карточку девушки, с которой он недавно познакомился и почти сразу же обручился. Свое фото для этой цели предоставила молодая сотрудница разведки. Она же написала майору два любовных письма, одно из загородной поездки, другое взволнованное, написанное в конторе, когда хозяин вышел по делам. Ее волнение было вызвано тем, что она узнала о предстоящем отъезде жениха за границу.

Вложили и счет за обручальное кольцо, и сердитое письмо отца, старого консервативного джентльмена, недовольного скоропалительным обручением сына.

Все письма и документы Монтегю несколько дней носил в карманах, тер их о брюки, чтобы они приобрели нужный вид.

Теперь предстояло самое главное — изготовление документов, которые должны быть подброшены немцам. Решили, что для этой цели лучше всего подойдут не официальные бумаги (планы, карты, приказы и т.д.), а личное письмо кого-либо из английских генералов своему другу, тоже генералу, которое он посылал оказией через майора Мартина.

По просьбе разведки такое письмо написал генерал Арчибальд Най, заместитель начальника имперского генерального штаба, на имя командующего армией в Тунисе генерала Александера. В нем содержался намек на подготовку двух операций: под командованием генерала Эйзенхауэра против Сардинии и, возможно, Корсики, и под командованием фельдмаршала Вильсона против Греции. Из письма также явствовало, будто мы намерены убедить немцев, что собираемся высадиться на Сицилии.

У майора было с собой письмо и от другого генерала, в котором имелась фраза, содержавшая довольно прозрачный намек: «Когда Мартин вернется, пусть привезет с собой немного сардин: здесь они по карточкам». Рассчитывали, что немцы уцепятся за этот намек на Сардинию.

19 апреля 1943 года подводная лодка «Сераф» с телом «майора Мартина» вышла в путь. Через десять дней она оказалась примерно в полутора тысячах метрах от устья испанской реки Уэльвы. Там тело «майора» было вынуто из контейнера и опущено в море. Портфель с генеральскими письмами был прикреплен цепочкой к его одежде...

После войны в архивах немецкой разведки нашли документы, подтверждающие, что немцы проглотили «наживку». Тело «майора Мартина» было прибито к берегу, и его документы попали к ним в руки. Они поверили всему, что было придумано британской разведкой. Сам Гитлер был убежден в подлинности документов «майора Мартина».

Адмирал Дениц в своем дневнике записал: «...по мнению фюрера, обнаруженные английские документы подтверждают предположение о намерении противника нанести удар по Сардинии и Пелопронесу».

Гитлер настолько твердо продолжал придерживаться своего мнения, что даже после высадки союзников на Сицилии все еще верил в то, что это лишь отвлекающий удар, а главный будет нанесен в Греции, а также на Корсике и в Сардинии.

...Умирая от воспаления легких, безвестный английский гражданин никак не мог думать о том, что сыграет свою, особую роль в войне и будет похоронен в испанском городе Уэльве под именем майора Мартина.

ФАЛЬШИВЫЕ ДЕНЬГИ, ИЛИ КАК ЭСЭСОВЦЫ УКРАЛИ «ИДЕЮ» НАПОЛЕОНА

Многие разведки не брезговали выпуском фальшивых денег, причем делали это с разрешения своих правительств.

У Наполеона и его разведслужб всегда не хватало средств. Его соперники, англичане, сорили деньгами, имея возможность подкупать даже важных чиновников. И они всегда получали самые свежие и достоверные сведения.

Наполеон решил исправить положение. И вот что получилось.

Секретные агенты префекта парижской полиции Паскье обнаружили тайную типографию, где по ночам работали искусные мастера. Дом строго охранялся, вход в него был наглухо заперт и забаррикадирован. Это было неза-

долго до похода в Россию в 1812 году. Паскье распорядился о полицейском налете. Полиция взломала запоры и обнаружила целый цех. Там печатались фальшивые ассигнации. Но не французские или английские, а русские и австрийские. Главным печатником оказался некий господин Фен, брат одного из доверенных секретарей Наполеона.

Когда Паскье доложил о своем открытии министру полиции, его пыл охладили. Подделка кредиток производилась по личному приказу императора. На эти деньги предполагалось покупать продовольствие во время предстоящего нашествия на неприятельские страны...

Прошло сто с лишним лет. Другая страна — Германия, другой глава государства — Гитлер.

Адольф Гитлер

Когда период гитлеровских побед миновал, шпионов и диверсантов уже нельзя было привлечь фашистской идеей. Требовались наличные деньги, лучше всего иностранные, а их не было: ведь внешняя торговля замерла.

Гитлеровская разведка предложила выход — печатать фальшивые деньги. Это решало сразу три задачи. Во-первых, на них можно делать закупки за границей. Во-вторых, выпуск

на рынок большого количества купюр того или иного государства расшатает его экономику. И наконец, в-третьих, этими деньгами можно оплачивать услуги агентуры за рубежом. Опыт уже был: еще в 1918 году банды, действовавшие на территории Советской России, располагали огромными суммами фальшивых денег, отпечатанных в тайной берлинской типографии.

И вот теперь фашисты решили воспользоваться этим опытом. Начальником эсэсовского центра по изготовлению фальшивых денег назначили бывшего уголовника Бернхарда Крюгера. По его имени и стало называться это производство «операция Бернхард».

Это была самая крупная в истории человечества акция по изготовлению фальшивых денег. Началась она в 1940 году с производства фальшивых фунтов стерлингов. Их можно было без особого труда обменивать в нейтральных странах и в британских колониях; они были в ходу на всех континентах.

Но «поставленное на поток» производство, в котором участвовали крупные специалисты и мастера своего дела, подготовить было не так просто. Только через два с половиной года фальшивомонетчики научились печатать купюры достоинством в пять, десять, двадцать, пятьдесят и даже в пятьсот и тысячу фунтов стерлингов, поразительно похожие на подлинные. Проблем было много: бумага должна точно соответствовать оригиналу по фактуре;

клише и печать не отличаться ни рисунком, ни цветом; номера серий, даты выпуска и подписи на банкнотах совпадать с подлинными. И конечно же, нужно было создать зарубежную сеть по реализации этих «денег».

В 1943 году в концлагере Заксенхаузен оборудовали специальными машинами два барака за колючей проволокой, где трудились сто тридцать заключенных. Работа кипела. Заключенные, а среди них были талантливые художники, химики, полиграфисты, изготавливали бумагу, печатали деньги, затем специально загрязняли и мяли их, чтобы они стали похожими на побывавшие в употреблении, затем, смешав номера серий, связывали купюры в пачки. Узников этих бараков ждала печальная участь: их всех уничтожали, чтобы секрет фашистского рейха не выплыл наружу.

Именно такими деньгами гитлеровцы расплатились со своим агентом Цицероном, действовавшим в Анкаре.

Близился конец фашистского рейха. В апреле 1945 года начальник Имперского управления безопасности Кальтенбруннер придумал, как распорядиться фальшивыми деньгами. За границей еще не обнаружили, что в оборот пущено около трехсот пятидесяти миллионов фальшивых фунтов стерлингов. Он установил контакты со швейцарскими банками и торговыми кругами. Агенты СС сумели к этому времени путем коммерческих махинаций переправить в Германию из нейтральных стран —

Швейцарии, Швеции, Испании и Португалии — сто тридцать миллионов фунтов стерлингов настоящей валюты. Из оккупированных Франции, Голландии и Венгрии поступило еще пятьдесят миллионов — там фальшивки скупали спекулянты, стремясь избавиться от немецких и «оккупационных» денег.

Часть настоящих денег эсэсовские главари перевели затем на собственные счета за границу. Одновременно в Испанию и Португалию забросил много фальшивок Кальтенбруннер.

Еще раньше любимец фюрера Отто Скорцени предложил печатать американские доллары. С этой целью часть производства была переведена вначале в Фриденталь, где была его база, а позже в концлагерь Эбензее.

В конце 1944 года были отпечатаны первые долларовые купюры. Они почти не отличались от настоящих. Но приближение американских войск заставило свернуть работу.

Печатные машины были взорваны, а фальшивые банкноты уложены в специальные ящики. Рецептуру бумаги вместе с клише упаковали в стальные футляры. Списки заграничных складов фальшивых денег, агентов по их распространению и выписки из банковских счетов запечатали в особую сумку. На другой день после капитуляции Берлина, 3 мая 1945 года, автомашины с этим грузом направились к Кальтенбруннеру в его урочище Бад-Аусзее. Но случилась беда: возле глубоководного горного озера Теплицзее грузовики не смогли

преодолеть крутой подъем, у одного к тому же сломалась ось. Пришлось сбросить часть груза в озеро, где его обнаружили только через четырнадцать лет, в 1959 году.

Оставшиеся фальшивые деньги были вручены Отто Скорцени, и их дальнейшая судьба осталась неизвестной. Скорее всего, он употребил их на поддержку своих коллег эсэсовцев, бежавших после войны за границу.

НЕВИННЫЕ ЖЕРТВЫ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ

Ради удовлетворения своих целей разведывательные службы иногда идут на все, в том числе и на человеческие жертвы среди невинных людей.

Трагедия Ковентри

В 1940 году английская разведка перехватила радиопереговоры немецкого командования о предстоящем массированном налете немецкой авиации на город Ковентри. Эти переговоры были расшифрованы благодаря тому, что в руки английской разведки попали книги с шифрами, которые применялись в германских ВВС. Если бы были приняты срочные меры по усилению обороны Ковентри, то, по мнению английской разведки, немцы могли бы догадаться, что их шифры находятся в руках у англичан. Чтобы избежать этого, было решено оставить Ковентри на произвол судьбы.

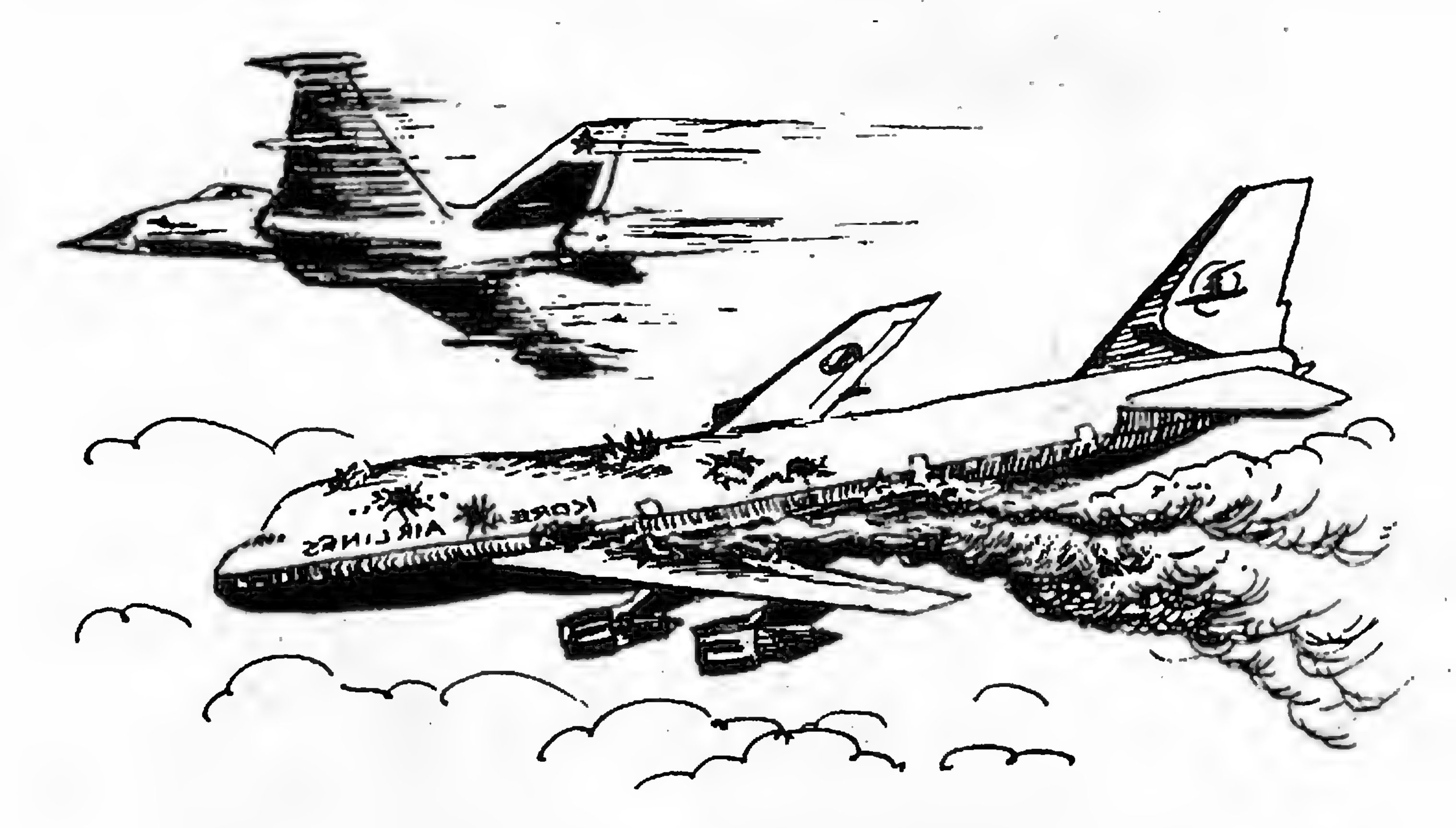
В результате налета германской авиации город был полностью разрушен, десятки тысяч мирных жителей погибли.

Но руководители разведки были удовлетворены: они сохранили тайну шифра. Стоила ли она этих жертв?

Прерванный полет

В ночь на 1 сентября 1983 года в советское воздушное пространство над Камчаткой и Сахалином вторгся неизвестный самолет. На перехват были направлены советские истребители, которые давали ему команду приземлиться на ближайшем аэродроме. Самолет был гражданским **«Боингом-747»**, но его конфигурация совпадала с американским разведчиком РС-135.

Несмотря на передаваемые команды, самолет упорно продолжал следовать над советской территорией. И когда все средства побудить экипаж приземлиться были исчерпаны, самолет был сбит. Погибло двести шестьдесят девять человек.

«Боинг» принадлежал южно-корейской авиакомпании, летел рейсом из США в Южную Корею и отклонился от трассы на целых пятьсот километров! При этом он не «заблудился», не просто блуждал, а четко маневрировал, чтобы оказаться над наиболее важными

стратегическими объектами. Более того. Одновременно с «Боингом» параллельно ему летел разведчик РС-135, но над океаном, не заходя в советское воздушное пространство. А спутник-шпион «Феррет-Д» во время «рейса» самолета совершил три витка, совпадающие с маршрутом «Боинга» над Чукоткой, Камчаткой и Сахалином.

Почему-то авиационным службам американский госдепартамент запретил проводить самостоятельное расследование гибели «Боинга». Почему-то опытные корейские летчики вопреки правилам не докладывали о своих координатах на землю.

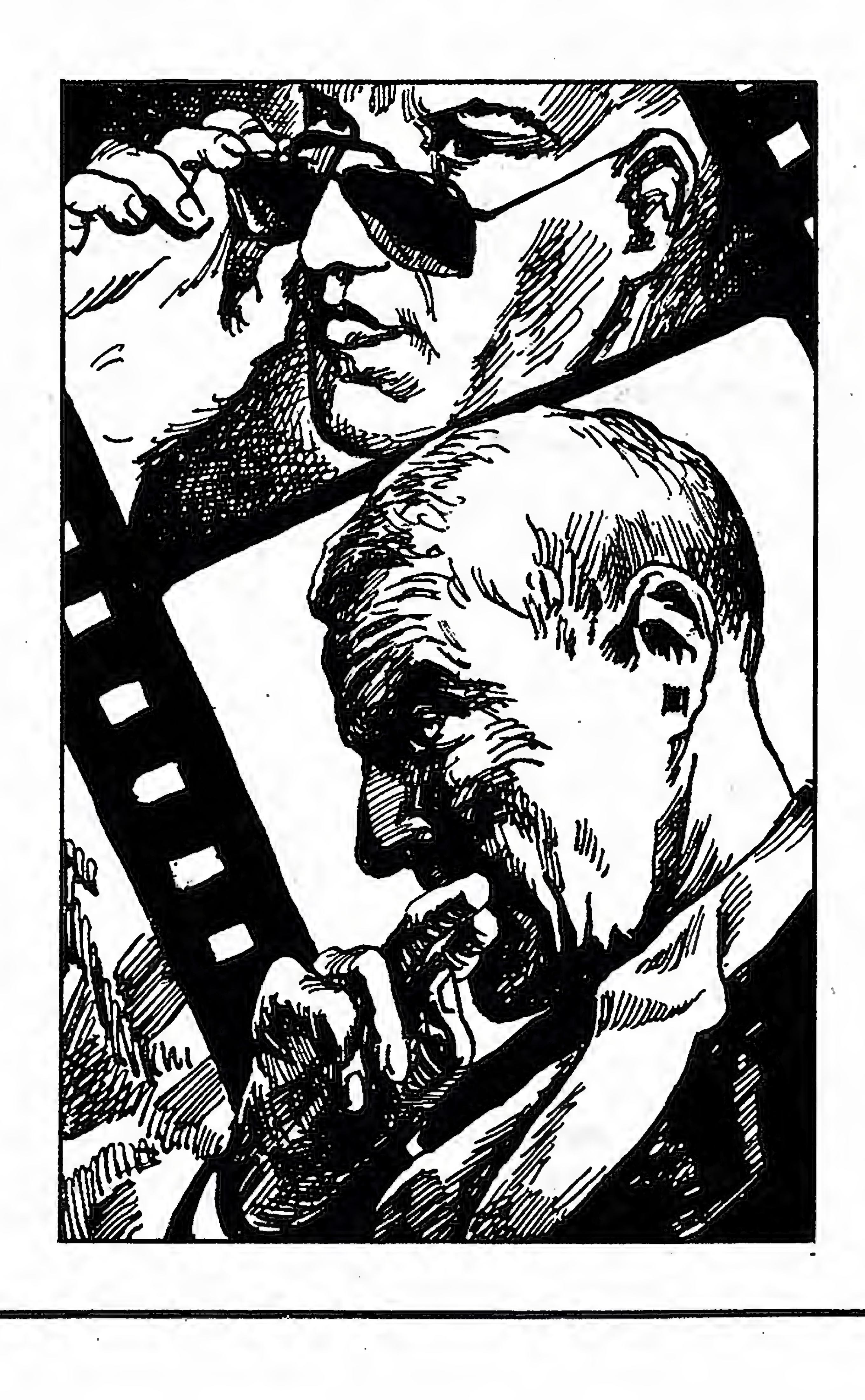
Почему-то эти летчики вдруг застраховали свои жизни на очень большие суммы накануне вылета. И еще много-много «почему?»

А потому, что полет самолета, совершавшего рейс 007, был разведывательным и провокационным.

Разведывательным потому, что он выявлял систему наших радиолокационных станций от Чукотки до Сахалина и проверял боеготовность нашей авиации.

А провокационным потому, что его гибели ждали и желали, и на другой же день начали небывалую антисоветскую компанию. Благодаря ей конгресс США немедленно одобрил ассигнование по программе межконтинентальных ракет МХ, химического и бактериологического оружия, к чему и стремилась администрация Рейгана.

РАЗВЕДКА СЕГОДНЯ

А ведется ли разведка сегодня?
Как разведка и шпионаж
отражаются в искусстве?
Каким должен быть разведчик?
Как становятся
профессиональными разведчиками?

А ВЕДЕТСЯ ЛИ РАЗВЕДКА СЕГОДНЯ?

Ознакомившись с книгой, вы можете задать вопрос: «Все, о чем написано, произошло в прошлом. А ведется ли разведка сегодня?»

Приведем пару примеров, отвечающих на этот вопрос.

В газете «Известия» 16 июня 2000 года помещено сообщение, что во Флориде арестован отставной полковник армии США Джордж фон Трофимофф, он же Антей, он же Маркиз, он же Консул. Его обвиняют в шпионаже в пользу Советского Союза и России.

Он, будучи сотрудником американской военной разведки в Германии, имел доступ ко всем секретным материалам, которые якобы передавал советской разведке, например документ вооруженных сил США под названием «Стратегическое планирование и первоочередные задачи разведки».

Мы пишем я к о б ы, так как никаких судебных решений по этому делу не вынесено, и трудно сказать, что правда, а что нет в этом сообщении.

Правда, в ЦРУ утверждают, что «этот русский» является самым высокопоставленным офицером Вооруженных сил США, которому были предъявлены обвинения в государственной измене.

Еще пример. Не так давно в Москве был арестован сотрудник российского МИД Платон Обухов в момент передачи в штаб-квартиру

британской разведки секретной информации политического и военного характера. С ним «работал» советник посольства Великобритании в Москве Норман Максвин. Как сказано в английской газете «Гардиан», «разоблачение Обухова нанесло один из сильнейших ударов по самой старой и опытной разведывательной службе мира».

5 апреля 2000 года в Москве арестовали по обвинению в шпионаже **Эдмона Поупа.** Американец был взят с поличным в момент передачи своему российскому агенту, сотруднику одного из учреждений, занятых оборонной техникой, тридцати тысяч долларов за принесенные чертежи, схемы и другие секретные материалы, составляющие государственную тайну.

Э. Поуп, бывший разведчик Военно-морских сил США. На день задержания числился сотрудником Лаборатории прикладных исследований при Университете штата Пенсильвания, выполняющей научно-исследовательские контракты Военно-морского флота США. Известно, что он неоднократно вывозил из России технолоии так называемого «двойного назначения», то есть те, которые можно использовать и в военном деле, и в мирном производстве. Последнее, чем он интересовался, были спектрометры (приборы, определяющие длину волн), которые устанавливаются на космических кораблях, а также передовые технологии, относящиеся к военно-морскому флоту.

А вот новейшее сообщение из Вашингтона:

«За последние два года в стенах госдепартамента, а также ряда американских представительств за рубежом зафиксированы случаи пропажи документов, некоторых важных вещей, а также установки портативных подслушивающих устройств... Так, в ноябре 1999 года в Управлении разведки и исследований Госдепа США исчез компьютер с информацией по оружию массового поражения, а также дискета с описанием технологии запуска подобных боеприпасов с помощью ракет. Затем в стенах госдепартамента куда-то «закатились» еще несколько бумажек...

Особенно много вопросов возникло по так называемому «делу Олбрайт», когда в 1998 году в ее кабинете на седьмом этаже здания госдепартамента какой-то таинственный посетитель схватил со стола папку с секретными документами и бросился наутек.... Его так и не задержали.

Озабоченность у ФБР вызывают представители таких стран, как Китай, Россия и Израиль».

Но никто из них пойман не был. А не пойман, говорят, не вор!

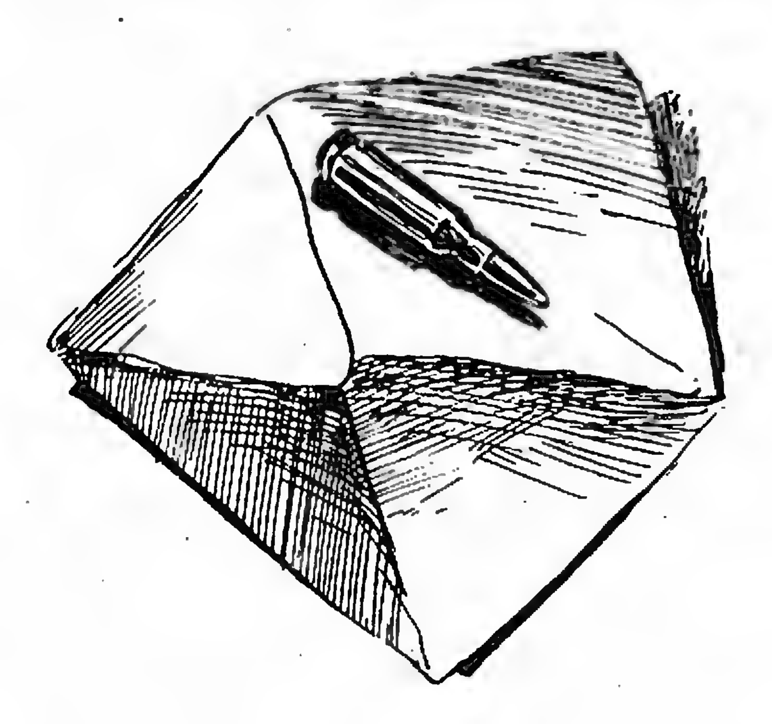
И еще один факт. 26 июня 2000 года в Москве задержан агент литовской разведки и ЦРУ **Павел Ильин** по кличке «Студент», который с помощью Интернета пытался пробраться в компьютерную сеть российской ФСБ. Так как реального ущерба нашей стране

он не успел нанести, его просто выдворили в Литву, гражданином которой он является.

Так что тихая война разведок продолжается.

КАК РАЗВЕДКА И ШПИОНАЖ ОТРАЖАЮТСЯ В ИСКУССТВЕ?

«Следующую Вы получите не по почте. До завтра!» Такое лаконичное письмо получили однажды около двухсот парижских кинокритиков. Вместе с запиской в пакете лежала... винтовочная пуля! Началась тихая паника. На следующий день новое письмо: «Вы находи-

тесь в опасности. Позвоните мне по телефону 369-00-07. Неизвестный друг». Все бросились звонить. Ответ: «Они наверняка постараются Вас убрать. Ваш шанс выжить 40 процентов».

Оказалось, что это реклама нового шпионского фильма о Джеймсе Бонде, выходящего на экраны Парижа...

Но агент 007 Джеймс Бонд не был первым героем «шпионских» фильмов. Первые такие фильмы, еще немые, были сняты в начале 20-х годов, и их героями, точнее героинями, стали реальные невыдуманные разведчицы. Это были фильмы о Мата Хари, «Фрау Доктор», Марте Рише — знаменитой летчице-шпионке, очерки о которых вы прочли. Однако кроме имен героинь и некоторых деталей биографий все остальное, на 90%, было выдуманным и ничего общего с их подвигами не имело. Фильмы шли с большим успехом, тем более что и режиссеров и зрителей интересовала, главным образом, любовная сторона сюжета.

После прихода Гитлера к власти, когда Европе стал угрожать фашизм, фильмы о шпионах начали приобретать антифашистскую окраску. В 1937 и 1940 годах такие фильмы создает тогда еще молодой Хичхок (он потом прославился как автор фильмов-ужасов).

В СССР режиссер Довженко ставит фильм «Сумка дипломатического курьера». Действия развертываются в поезде и на морском судне, где британские шпионы стремятся захватить сумку, содержащую секреты Советского государства.

Фильм навеян реальным событием: нападением, жертвой которого стал дипкурьер Теодор Нетте в 1926 году. Этому же посвящено известное стихотворение Маяковского «Товарищу Нетте, пароходу и человеку».

В США в предвоенные годы появился фильм «Мальтийский сокол», где главную угрозу представляли японские шпионы, что отвечало реальности: главным врагом Америки была Япония.

Во время и после Второй мировой войны фильмы рассказывали о борьбе против фашизма. Таковы, например, замечательный советский фильм «Подвиг разведчика» (прообразом главного героя стал Николай Кузнецов) с Кадочниковым в главной роли, сериал «Семнадцать мгновений весны», где главную роль исполнил Тихонов, фильм «Мертвый сезон» с Банионисом.

Тем временем началась **«холодная война»**, и на Западе разыгрался настоящий «шпионский бум». Основой многих фильмов стали романы английского разведчика и писателя Яна Флеминга. В угоду моде его первые романы, например «Из России с любовью», носили антисоветский характер. Постепенно Ян Флеминг менял свои взгляды. Перед смертью он сказал: «Я больше не хочу писать против русских... Я думаю, что сейчас мы должны жить в мире с русскими».

Но фильмы, созданные по его книгам, стали жить самостоятельной жизнью и часто сов-

сем не походить на свою литературную основу. Главным героем этих фильмов стал «Джеймс Бонд, агент 007 на службе Ее королевского величества».

Существовал ли Джеймс Бонд, агент 007, на самом деле? Бонд была фамилия орнитолога, с которым Флеминг познакомился на Ямайке и который к разведке не имел отношения. Так что «007» — лицо собирательное. Одним из тех, чьи черты получил Джеймс Бонд, был Сидней Рейли. Флеминг говорил: «К сожалению, Бонд не всегда так хорош, как Рейли!»

Образы начальников и союзников Бонда Флеминг брал из жизни, среди знакомых ему сотрудников английской разведки, наделяя их другими фамилиями.

Противниками Джеймса Бонда сначала были российские и коммунистические разведчики, по мере смягчения международной обстановки они стали лицами без национальности, какими-то «мировыми злодеями».

Джеймс Бонд совершал свои подвиги в фантастических ситуациях — на неведомом

острове, в космосе, под водой, в абстрактно-фантастических тонах.

Все женщины, с которыми имеет дело в фильмах Джеймс Бонд, выдуманы автором. Все, кроме одной. Это — секретарша начальника секретной службы Мисс Монипенни. Ее прообразом стала Кэтлин Петтигрю, бывшая секретарем трех руководителей британской разведки.

Если же мы вернемся к образу Джеймса Бонда, то напомним слова одной из газет: «Джеймс Бонд, супермен с голубыми глазами и стальными кулаками, красавец-апостол «свободного мира», меткий стрелок и неутомимый любовник, Джеймс Бонд, в которого играют дети и о котором мечтают женщины — к несчастью! — не существует (и никогда не существовал) в реальной жизни... Он родился в воображении фанатиков холодной войны».

В мировой литературе написано множество произведений, и документальных и вымышленных, на тему о разведке и шпионаже. В России первым на эту тему стал рассказ Александра Куприна о японском шпионе, выступавшем под видом русского офицера, «Штабс-капитан Рыбников», появившийся на свет во время русско-японской войны 1904–1906 годов.

О кино и литературе можно писать еще много, но мы завершим наш рассказ произведением совершенно другого жанра.

Это — опера американского композитора А. Б. Мейерса «Осуждение Розенбергов». Она посвящена истории любви Этель и Юлиуса

Розенбергов и с большим успехом идет сейчас в театрах ФРГ.

Дело Этель и Юлиуса Розенбергов, незаконно отправленных американским судом на электрический стул в 1953 году, стало позором судебной системы США. Их обвинили в «атомном шпионаже» в пользу СССР. Но Юлиус, а тем более его жена и мать двух маленьких детишек Этель отношения к атомному шпионажу не имели. Они были казнены исключительно по политическим мотивам в связи с их левыми взглядами. В камере Этель был установлен прямой телефон, связывающий ее с Верховным судом. Судебные власти ждали от нее прошения о помиловании. Достаточно ей было поднять трубку, и она могла бы спасти свою жизнь, запятнав, однако, свою честь в качестве «советской шпионки», каковой никогда не являлась. Но Этель, оклеветанная своим двоюродным братом, предпочла бесчестию смерть на электрическом стуле. Весь мир — от коммунистов до римского папы просил сохранить ей жизнь, но американский президент отказал.

Последними словами этой мужественной женщины, которые она оставила в предсмертной записке, были слова любви к мужу и детям.

Говорят, сам Бог жалел ее: три раза пришлось включать ток напряжением в две тысячи вольт, прежде чем она была убита.

Дело Розенбергов и сейчас еще не закрыто. Их дети и друзья не прекращают борьбу за отмену несправедливого приговора Верховного суда США.

Постановка оперы американского композитора на германской сцене вызвана не только тем, что негласная политическая цензура в США не позволила осуществить там эту постановку. Дело в том, что Розенберги являются выходцами из Германии, и эта опера — дань уважения исторической родины героям-антифашистам. Германская печать назвала ее «оперой о великой любви».

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗВЕДЧИК?

Вы прочитали книгу о разведке и разведчиках, об обычных людях, занятых необычной работой. Почему они выбрали ее? Одни, может быть, в погоне за деньгами, другие — из-за авантюрного склада своего характера, третьи — в силу сложившихся обстоятельств. Но большинство стало разведчиками по убеждению. Патриотизм, готовность рисковать жизнью за

правое дело, за честь Родины явились главными побудительными мотивами их выбора.

А теперь о деловых и житейских качествах **разведчика**. Только в кино разведчики непрерывно стреляют, перепрыгивают из одной машины в другую или с самолета на катер, взламывают сейфы, соблазняют женщин и так далее. В жизни все и проще и сложнее. Разведчику требуются настойчивость и творческий подход в достижении цели, хорошо развитая память, умение анализировать, быстро осваиваться в новой ситуации и принимать самостоятельные решения, проявлять разумную инициативу и оправданный риск. У него должны быть способности к изучению иностранных языков, коммуникабельность, умение заводить нужные знакомства и вписываться в любое общество. И конечно, он должен обладать качествами, присущими человеку, о котором говорят: «Я бы с ним пошел в разведку», а именно: высокой порядочностью в отношениях с товарищами, честностью и добросовестностью в выполнении служебных обязанностей.

Он должен быть смелым. Не только в обычном смысле этого слова, но и в умении отстаивать свои позиции (не путать с упрямством!). В умении спорить с серьезным, может быть опасным, противником, навязать ему свою точку зрения.

Он должен быть гибким, уметь выступать в роли представителя разных профессий — политика, бизнесмена, ученого, журналиста и др.

КАК СТАНОВЯТСЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ РАЗВЕДЧИКАМИ?

Далеко не каждый, кто хотел бы стать разведчиком, пригоден для работы в разведке. Прочтя предыдущий очерк, вы, наверное, пришли к такому же выводу.

Для того чтобы стать профессиональным разведчиком, нужно обладать такими качествами, о которых говорилось выше, соответствующим образованием, не иметь вредных привычек и предосудительных связей.

На работу в разведку отбираются люди, которым можно безусловно доверять и не сомневаться в их безграничной преданности Отечеству и своей профессии.

Для подготовки разведчиков существует **Академия внешней разведки** — специальное учебное заведение, существование которого до недавнего времени было засекреченным. Туда принимают молодых людей, уже имеющих высшее образование, поэтому сразу после школы поступить туда нельзя. Желательно иметь водительские права и уметь водить машину, уметь работать на ЭВМ, владеть иностранным языком.

Поступающий заполняет подробные анкеты о себе и своих родственниках. Все эти данные тщательно проверяются. Он проходит проверку и на полиграфе (более известном под названием «детектор лжи»). Это не проявление

недоверия, а забота о его будущей безопасности, стремление глубже определить его личные качества и то, в каком направлении ему лучше специализироваться.

Он должен заполнить и анкету, в которой есть вопросы, касающиеся его способностей, привычек, пристрастий. Есть и такие, например, вопросы: «Укажите пять ваших положительных качеств», «Назовите пять своих отрицательных качеств, которые Вы хотели бы устранить», «Перечислите не менее семи важнейших событий вашей жизни», «Как Вы оцениваете свою память».

Последний вопрос анкеты таков: «С учетом вопросов анкеты и тому, что Вам ранее было известно о внешней разведке, не изменилось ли Ваше желание служить в СВР России?»

Прошедшие все проверки, годные по состоянию здоровья становятся слушателями Академии внешней разведки, где за два-три года приобретают разведывательные навыки, совершенствуют знание иностранных языков, активно занимаются спортом.

Выпускники работают как в России, так практически и во всех странах мира.

ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗВЕДКА В СРЕДНИЕ ВЕКА И ПОЗЖЕ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

МЕЖДУ ВОЙНАМИ

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

«ОБМАННЫЕ ОПЕРАЦИИ» РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ СЛУЖБ

РАЗВЕДКА СЕГОДНЯ

Научно-популярное издание

Я ПОЗНАЮ МИР

Детская энциклопедия

Дамаскин Игорь Анатольевич

РАЗВЕДКА И ШПИОНАЖ

Ответственный редактор *Е. М. Иванова*
Обложка *Ю. А. Станишевский*
Художник *Е. В. Шелкун*
Технический редактор *М. Н. Курочкина*
Компьютерная верстка *Н. Г. Гаспарова*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

Лицензия ЛР № 066647 от 07.06.99 г. (ООО «Издательство Астрель»)
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г. (ООО «Издательство АСТ»)

Подписано в печать с готовых диапозитивов 13.04.2001г.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура Школьная. Печать офсетная.
Усл. п. л. 21,00. Тираж 50000 экз. Заказ № 1639.

ООО «Издательство Астрель»
143900, Московская область, г. Балашиха, проспект Ленина, 81

ООО «Издательство АСТ»
674460, Читинская обл., Агинский р-н, п. Агинское,
ул. Базара Ринчино, 84.
Наши электронные адреса: www. ast.ru E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
"Самарский Дом печати"
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам.

ISBN 5-17-007905-2
9 785170 079056
аст
ИЗДАТЕЛЬСТВО